

BEYE

BEYE

34

1989

34

Вече

Независимый русский альманах

34

Девятый год издания

Главный редактор О. А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ

© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1989

München

**Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

- К. Питорин - О русофобии и русском патриотизме 5
- Д. Балашов - Формирование русской нации и современные проблемы нашего национального бытия 17

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

- В. Распутин - Культура: „левая, правая где сторона?“ 51

Трибуна «Вече»

- В. Аксютин - Русская идея 73
- Г. Анищенко - Нужен ли „Нюрнбергский процесс“ в Москве? 103
- А. Федосеев - Социализм. А что это такое? 117
- В. Щубачев - На волнах „Свободы“ о „Русофобии“ 145

ИСТОКИ ЗЛА

- Н. Воейков - Двухсотлетие Великой Французской Революции 167

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- А. Боголюбов - Борис Коверда. Выстрел на Варшавском вокзале 177

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- В. Симанский - По поводу „Энциклопедического словаря“ проф. В. Казака 202

- НАМ ПИШУТ 217

Кирилл Питорин

О русофобии и русском патриотизме

О многом, надо думать, свидетельствуют читательские отклики, поступающие издателю „Русофобии“ И. Шафаревича и в Редакцию «Вече», где был впервые опубликован этот замечательный труд. „Великим подарком к 1000-летию Крещения Руси“ называет сам факт издания читатель из Москвы, а известный церковный писатель Зарубежья Н. Кусаков в своей статье, говоря по существу, определяет „книгу о русофобии“ как „своего рода обвинительный акт“ (см. «Вече» № 33). Он пишет: „Автор предъявил достаточно аргументов, парирующих и обращающих в обвинения тех же русофобов их безосновательные, вымышленные, злобные и полные презрения к России утверждения“.

Действительно, исследование И. Шафаревича – хотя и написанное не сегодня – сейчас приобретает новую, острейшую актуальность, в том водовороте националистических страстей, который бешено закружился в Советском Союзе, и в котором **русофобии** принадлежит роль своего рода катализатора. Более того, можно считать доказанным (после книги Шафаревича), что нынешнее антирусское беснование украинских националистов порожд-

дено во многом теми силами, действие которых раскрывается на страницах „Русофобии“. Имеются ввиду здесь, разумеется, не законные протесты и требования порабощённых коммунизмом народов и наций (русский народ – первая жертва интернационального коммунизма – убедительно показал А. Солженицын) – как внутри **советского** „лагеря“ (вот уж поистине!), так и „социалистического“ в целом. Речь идёт о стремлении всё того же „Малого Народа“ в лоне каждой из восставших наций посеять ядовитые семена русофобии, возлагая вину за все совершённые в советский период преступления исключительно на „русских“, „русское правительство“, „русскую систему“. В который раз! И – увы – с неизменным успехом. Вот почему, в частности, хочется рекомендовать аналитический труд И. Шафаревича не только пробуждающемуся русскому читателю на родине, но и нашим **братьям по несчастью**, ведущим справедливую борьбу за освобождение и, прежде всего, за национальную независимость. Осторожно! Не попадитесь в те же самые сети, в которые первым искусно запутали русский народ, чтобы его же потом сделать – козлом отпущения!

Но не об этом сейчас главная речь. В первую очередь, работа Шафаревича предназначена для нас, русских, и мы – прежде других – должны извлечь из неё уроки для себя. Надо отрешиться от традиционных наших, унаследованных недугов и пороков, – которые лишь дают пищу для злобных русофобских преувеличений, – и со всем должным смирением и сознанием своей, **личной** доли вины в случившемся на нашей земле и происходящем сейчас, вслед за автором проследить истоки этого явления, ставшего орудием нашего порабощения. Книга Шафаревича активно заставляет думать, приглашает критически осмыслить события семи с лишним десятилетий и даёт ключ к правильному их уразумению.

Предельно добросовестный и безусловно объективный – о чем говорит его высокая научная репутация – автор, подчёркивает неоднократно: „Мы не собираемся в этой работе никого судить, обвинять или оправдывать... Мы

хотели бы только представить себе, что происходило в нашей стране, какие социальные и национальные факторы и как на её историю влияли“. И он убедительно **показывает**, что решающим фактором коммунистического порабощения народов России (русских – изначально и преимущественно) явилась именно русофобия, „животная, бесконечная, в организм вьезшаяся ненависть к России“, по слову Достоевского. Более того, он **предупреждает**: смертельная опасность грозит и ныне до конца не уничтоженной, вновь поднимающейся национальной России, самой её воскресающей душе. И как тут не вспомнить слова Евангелия Христова: „Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить...“ (Мф. 10, 28).

Упомянутый выше Н. Кусаков правильно подчеркнул центральный мотив книги И. Шафаревича (проходящий через всё его научно-публицистическое творчество – как можно видеть уже из Предисловия к изданной РНО книге): перед нами – **столкновение двух духовных начал**. Главная **причина** ненависти к России (и страха перед ней) со стороны русофобов та, что родина наша, есть и будет (доколе ей суждено существовать, как России) – страна христианская, православная. Очень возможно – последний оплот христианства на земле перед неминуемо грозящим антихристом. И русофобские силы, беснующиеся против нас – суть силы антихристианские...

В такой перспективе совершенно особый смысл приобретает тот факт, что по своему происхождению подавляющее большинство упомянутых в книге русофобов составляют евреи: объяснение этому факту предложил всё тот же Н. Кусаков, исходящий из строго церковной точки зрения. Показательно, что многие из известных русофобов выдают себя за русских – не только прикрываясь русскими псевдонимами, но и придумывая себе, подчас, внушительную родословную (непрерывно – благородно-дворянскую); очень немногие – выдают себя за христиан (для Запада – даже за православных, благо здесь это – тёмный лес). И только совсем уж единицы, в безумном самоосле-

плении замахиваются не только на Россию, но и на веру её народа, будто бы „великого слепорождённого“ („Идущий по воде“ – вызывающее заглавие одного из таких русофобских опусов, цитируемого Шафаревичем). У них-то именно, русофобия и достигает кульминации, становится едва ли не ядром мировоззрения (см. прекрасную статью В. Вулич „Миф Бориса Хазанова“ – «Вече», № 31).

*

Исключительная ценность работы И. Шафаревича в постановке им ряда вопросов методологического характера: исследователь не просто **описывает** феномен „руссофобии“, **обличает** его – он стремится раскрыть его **корни**. Вместе с тем читателю раскрывается и **механизм** „действия“ литераторов-руссофобов. Именно в этом смысле книга Шафаревича может и должна стать отправной точкой для целой серии специальных исследований, посвященных разным аспектам руссофобии, как таковой – эта задача давно назрела и ждёт исполнителей.

Так, остановившись на „взгляде на русскую историю“ новейших руссофобов (можно только пожалеть, что эта глава столь сжато-синтетична: ведь „историософские“ экзерсисы – излюбленная область многих доморожденных историков от Амальрика до Янова), И. Шафаревич делает вывод, имеющий методологическое значение: „Русскую историю авторы рассматривают исключительно в плоскости современного сознания, полностью игнорируя требования **историзма**... Приходится признать, что мы имеем здесь дело не с искренними попытками понять смысл русской истории, не с „историософскими размышлениями“. Перед нами деятельность совершенно иного типа: это **журнальная публицистика, пропаганда**, стремящаяся внушить читателю некоторые заранее заданные мысли и чувства...“

Но если в свете этого посмотреть на основную массу **советской** литературы, посвященной исторической тематике, – от самого зарождения „советской исторической

науки“ и вплоть до наших „перестроечных“ дней, на самых разных уровнях – от внушительных академических монографий до университетских и школьных (особенно) учебников, – придётся признать, что и для подавляющего большинства сочинителей этой продукции характерно фактическое игнорирование требования **историзма**. Хотя нигде, наверное, сам этот термин, „историзм“, не употребляется столь часто, как у советских авторов. А результат один – объективная ценность львиной доли советских „исторических исследований“ равна нулю. Они представляют собой ничто иное, как инструмент **пропаганды**, их авторы всего лишь выполняли „социальный заказ“. Направленность **коммунистической** пропаганды слишком хорошо известна, так что, в известном смысле, **вся** псевдо-историческая продукция советских 70-ти лет имеет отчётливый **русофобский** подтекст.

Достаточно назвать одну лишь „истину“, из числа советских „исторических аксиом“, которая не только сама по себе является колоссальной и наглой ложью, но вдобавок используется ещё и с провокационной целью замаскировать, закамуфлировать сегодняшнюю ситуацию. Мы имеем в виду широко распространённое утверждение **исторического характера**: „Россия – тюрьма народов“. Нашёлся ли за эти семь десятилетий хоть один историк в Советском Союзе; нашлось ли хотя бы у кого-то из специалистов по русской истории достаточно гражданского мужества, чтобы обличить эту колоссальную ложь, хотя бы – оспорить её, подвергнуть сомнению, поставить под вопрос? Нет. Эта псевдо-истина внушалась, вдалбливалась не только партийными бонзами в их безграмотных речах перед толпами „трудящихся“ рабов, – безнравственной пропагандой этой, оскорбительной для каждого русского человека, лжи, с высоты университетских кафедр, занимались и профессиональные историки: из года в год, из десятилетия в десятилетие... Может быть что-то изменилось сейчас, в период неслыханной „гласности“? Но почитайте, что пишет и говорит о дореволюционной, имперской России хотя бы такой известный

„прораб перестройки“, как профессор Ю. Афанасьев – историк по образованию...

Конечно, ретивый оппонент немедленно возразит – напомним о пресловутой „борьбе с космополитизмом“ конца 40-х годов, которая обычно изображается, как разгул „русского шовинизма“. Но ведь именно в те времена ловкие и небрезгливые литераторы с историческим профилем сделали всё, чтобы **довести до карикатуры**, до абсурда выдвинутые будто бы сверху требования: доказать примат русских во всех областях науки и культуры. Тогда – появилась эта язвительная и, опять же, оскорбительная для русского национального самосознания, русофобская по своему характеру, „шуточка“: „Россия – родина слонов“.

В такой „питательной среде“ исподволь воспитывалось вполне определённое отношение к русскому прошлому, русской культуре, России в целом. И если наиболее стойкие этнические русские не заражались этой подспудной русофобией, легко представить, как всё это воспринималось нерусскими, какие рождало у них эмоции по отношению к русским. Между тем, нетрудно продемонстрировать, что и тогда вопросами русской истории и культуры всё больше и всё активнее занимались преимущественно исследователи нерусского происхождения.

Конечно, в официальных публикациях давать волю русофобским инстинктам тогда (после войны!) было опасно и неблагоприятно: русофобия в них появлялась в формах завуалированных, скрытых, часто имела целью жестоко высмеять, довести до абсурда – под маской внешнего восхваления, возношения, прославления будто бы, переходящего все пределы. Так, например, „гигантами“, „вершинами русской мысли“ объявлялись (впрочем, в полном соответствии с высказываниями „основоположников“, русофобия которых должна бы стать предметом особого изучения) ничтожные и жалкие демагоги и писаки „революционного лагеря“, типа Чернышевского или Добролюбова. И это – при отсутствии доступа к подлинным сокровищам русской духовности, при замалчива-

нии имён действительно великих русских мыслителей и наглой фальсификации их творческого наследия. Речь шла о том, чтобы лишить нас, русских, нашей исторической памяти – и кто же, как не русофобы, делали это с наибольшим успехом?! Поднимая на щит всё серое и незначительное, пряча или обливая помоями подлинные ценности.

*

Одна из тем, которой касаются А. Солженицын в работе „Наши плюралисты“ (и во многих своих выступлениях) и И. Шафаревич (быть может, недостаточно в рассматриваемой книге) – пресловутая „русификация“; её следует рассматривать в контексте общего разговора о русофобии. Ни для кого не секрет (в том числе и для националистов всех российских окраин, если они хотят быть честными перед самими собой), что на самом деле, начиная с 1917-го года, речь должна идти ни о чём другом, как о насильственной **советизации**. И, видимо, настало время сказать чётко и ясно, что проводилась эта так называемая „русификация“ главным образом (если не исключительно) организованной еврейской силой: объективно главную роль в этих процессах играли еврейские интеллектуальные кадры, „заместившие“ уничтоженную (во многом – физически) русскую интеллигенцию.

Вот красноречивое и предельно-откровенное высказывание Б. Хазанова-Файбусовича, приводимое в книге И. Шафаревича: „Заменив вакуум, образовавшийся после исчезновения (!) русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией. При этом, однако, они остались евреями“. В более позднем своем сочинении, рассуждая о русской интеллигенции и от имени интеллигенции в нынешней России, тот же Борис Хазанов констатировал, что „нынешняя интеллигенция“ „отличается от старой русской интеллигенции и социально, и даже этнически... Ведь чуть не половина из нас – не русские по крови“ (Б.Хазанов, „Идущий по воде“. Мюнхен, 1985, с. 73). А

рассуждающий о „пути в XXI век“ евреев в СССР автор из русофобского журнала «Страна и мир» (кстати, одним из его издателей является всё тот же Хазанов-Файбусович) Эйтан Финкельштейн констатирует „примечательное явление“, – впрочем, даже не особенно акцентируя внимание на этом, как факте слишком хорошо известном: „Советское искусство и литература насчитывают десятки тысяч еврейских имён“ («Страна и мир», 1989, № 1, с. 66). К этим **десяткам тысяч** имён в искусстве и литературе следует присовокупить ещё десятки тысяч, никак не меньше – в науке (в том числе – в гуманитарных науках), в средствах массовой информации, – то есть, прямо в **пропаганде**.

Именно эти кадры и осуществляли „культурную революцию“ в стране – после того, как старой русской интеллигенции (за единичными исключениями) были перекрыты все пути, да и не могли настоящие интеллигенты (опять же, при немногих исключениях) заниматься такого рода деятельностью; **эти** кадры „проводили“ новую идеологию, а, значит, и „русификацию“.

К сожалению, А. И. Солженицын, так много и настойчиво внушавший западной публике о принципиальном различии между „русским“ и „советским“ никогда и нигде не сказал достаточно внятно о решающем **„еврейском влиянии в 'революционный век'“** (название отдельной главы в книге И. Шафаревича), – а ведь оно и явилось основным кристаллизующим фактором в сложении чисто **советского** комплекса, идеологического и психологического. Правда, по замечанию всё того же Б. Хазанова (почему-то решившего „обнажиться и заголиться“ в этих своих откровенных признаниях) – „заменившие“ „исчезнувшую“ **русскую** интеллигенцию евреи так евреями и остались: „Поэтому им дано, (продолжение ранее приведённой цитаты в книге Шафаревича), переживать ситуацию изнутри и одновременно видеть её со стороны. Русские люди этого преимущества лишены – что они неоднократно доказывали“.

В этом циничном изречении есть подтасовка, которая

сразу в глаза не бросается: трудно поверить, будто бы **все** евреи без исключения обладают таким специфическим даром – переживать ситуацию изнутри и одновременно видеть её со стороны. Повидимому, речь идёт всё же об **интеллигентных** евреях, специально подготовленных. Об этом, собственно, у Хазанова и говорится. Но этим евреям-интеллектуалам он ловко противопоставляет **всех** „русских людей“, лишённых будто бы этого „преимущества“. Несомненно, названное преимущество не является чем-то врождённым (хотя бы и для определённой категории); оно приобретается воспитанием, образованием, жизнью в определённой среде, традициями, на протяжении длительного времени. Именно так ведь и складывается духовная, интеллектуальная элита нации, функцией коей и является **критическое осмысление** происходящего, как прошлого, так и нынешней ситуации. Это – приобретённый (или унаследованный от предков) дар: переживать ситуацию изнутри и видеть её „со стороны“. Нет никакого сомнения, что образованный русский слой в прошлом (не говорим сейчас о специфическом „слое“ – духовенстве и монашестве, где подобное происходило на мистическом уровне) обладал такими способностями (= преимуществами, – в сравнении с людьми неподготовленными). Вся русская литература, история русской мысли – свидетельствуют об этом (вспомним хотя бы Чаадаева, которого пытается имитировать Файбусович). Но в этом-то и была величайшая русская трагедия, в том-то и заключалась вся дьявольская изобретательность осуществлённого в России „эксперимента“: уничтожение мыслящего (и наиболее способного к труду) слоя коренного русского населения (дворянской интеллигенции, духовенства, зажиточного – то есть наиболее умелого – крестьянства), русской элиты, создание „вакуума“ – готового пространства для „новой интеллигенции“, этнически во многом уже **не** русской.

Пишет Вл. Солоухин: „Может быть и можно потом восстановить храмы и дворцы, вырастить леса, очистить реки, можно не пожалеть даже об опустошенных выеденных недрах, но невозможно восстановить уничтоженный генетический фонд народа, который только ещё приходил в

движение, только ещё начинал раскрывать свои резервы, только ещё расцветал. Никто и никогда не вернёт народу его уничтоженного генетического фонда, ушедшего в хлюпающие грязью, поспешно вырытые рвы, куда положили десятки миллионов лучших по выбору, по генетическому именно отбору россиян. Чем больше будет проходить времени, тем больше будет сказываться на отечественной культуре зияющая брешь, эти перерубленные национальные корни, тем сильнее будет зарастать и захламляться отечественная нива чуждыми растениями, мелкотравчатой шешурой вместо поднебесных гигантов, о возможном росте и характере которых мы теперь не можем и гадать, потому что они не прорастут и не вырастут никогда, они погублены даже и не в зародышах, а в поколениях, которые бы ещё только предшествовали им. Но вот не будут предшествовать, ибо убиты, расстреляны, уморены голодом, закопаны в землю.

Гены уходят в землю, и через два-три десятилетия не рождаются и не формируются новые Толстые, Мусоргские, Пушкины, Гоголи, Тургеневы, Аксаковы, Крыловы, Тютчевы, Феты, Пироговы, Некрасовы, Бородины, Римские-Корсаковы, Гумилевы, Цветаевы, Рахманиновы, Неждановы, Вернадские, Суриковы, Третьяковы, Нахимовы, Яблочкины, Тимирязевы, Докучаевы, Поленовы, Лобачевские, Станиславские и десятки и сотни им подобных. Списки можете продолжать сами...

Простое порабощение лишает народ цветения, полнокровного роста и духовной жизни в настоящее время. Геноцид, особенно такой тотальный, какой проводился в течение целых десятилетий в России, лишает народ цветения, полнокровной жизни и духовного роста в будущем, а особенно в отдалённом. Генетический урон невосполним, и это есть самое печальное последствие того явления, которое мы, захлёбываясь от восторга, именуем Великой Октябрьской Социалистической Революцией*. (Из готовящейся к изданию на Западе книги „Последняя ступень“)

Владимир Солоухин пишет здесь о сознательном уничтожении – самом подлинном геноциде, тотальном, продолжавшемся десятилетиями! – „генетического фонда“ русского народа.*

Но если **потенциальные** „русификаторы“ – действительные носители подлинно-русской культуры, русских ценностей (другой вопрос, что смешно и говорить о „навязывании“ ценностей высшей культуры!) были уничтожены почти поголовно (а выжившие – принуждены к молчанию и бездействию), и на их место пришла „новая интеллигенция“, „социально и даже этнически **не-рус-**

---

* Историческим прецедентом – в известном смысле – подобного уничтожения коренного населения страны, не принявшего „революционных преобразований“, является кровавая расправа с восставшей Вандеей в годы Французской революции; современный французский историк Reynald Secher прямо называет это геноцидом.

ская“, которая и занималась (активно и самозабвенно – почитайте мемуары Льва Копелева о его боевой комсомольской молодости) всей „идеологической работой“ – что же тогда следует понимать под **„русификацией“**?! Ещё можно понять (психологически) толпу – из числа окраинных народов и народностей, пострадавших от злодеяний советской власти, толпу, науськиваемую озлобленными националистами, в политических целях использующих жупел „русификации“, будто бы продолжающейся с дореволюционных времён. Но что сказать о тех новых советских интеллигентах еврейского происхождения, которые, с одной стороны, называют себя продолжателями лучших традиций российской интеллигенции прошлого (и, быть может, даже искренне считают себя таковыми, как привыкли считать себя собственниками **награбленного** „дети Арбата“ и претендуют на определённое место в русской культуре, – и в то же время поддерживают миф о „русификации“ всех нерусских народов на территории бывшей Российской Империи?

Впрочем, о чём мы говорим. Ведь вот же Б. Хазанов вывернул всего себя наизнанку, заявив: „Быть русским интеллигентом сейчас неизбежно (!) значит быть евреем“.

*

Можно различить три категории русофобов: к двум, существовавшим и проявившим себя уже давно, описанным И. Шафаревичем (русофобский „Самиздат“ – то есть неофициальная литература „в стране“, как сами они выражаются в своих изданиях) и А. Солженицыным („плюралисты“ – те же русофобы, эмигрировавшие на Запад), присоединяется теперь третья – открыто выступающие в советской печати, благодаря „гласности“, находящие себе трибуну прежде всего в таких изданиях, как «Огонёк» и «Московские новости», в некоторых „толстых“ журналах. Дело дошло до того, что даже «Литературная Газета» (где, правда, наконец-то „ушли“ Чаковского, так сказать, официозного русофоба) устами одного из критиков выну-

ждена была выразить порицание „фантастическим“ русофобам, очень популярным в кругах еврейской образованщины, братьям Стругацким: в очередном своём сочинении они, по словам критика, забывают „элементарную воспитанность“, демонстрируя „накал злобы“ по отношению к „почвенникам“, „широким славянским натурам“ в журнале с тремя миллионами читателей – «Юность» («ЛГ», 29.03.89).

В «Огоньке» Коротича, тоже потерявшем всякое чувство меры, перепуганные демонстрациями „Памяти“ „очевидцы“ повторяют печатно те же самые фразы сталинских времён, которые уже украшали страницы этого еженедельника в прежние времена, только в иной аранжировке. Типа: „звериный оскал доморощенного шовинизма“. С целью уязвить побольнее (публикация имеет явно антирусский характер), материал озаглавлен – „Дети Шарикова“, имея ввиду дегенерата-пролетария из повести М. Булгакова „Собачье сердце“ («Огонёк» № 3, 1989). „Не слишком ли оказываются разобщены силы разума, – озабоченно вопрошает автор статейки – перед лицом гласности?“ „Опасность“ же изображается им следующим образом: „Лидер, сидевший в центре, выкрикивал: 'Да здравствует „Память“! Да здравствует Россия!' И после этого поднимал вверх сапог (?!)“ Страшно, правда?

Правда, следует сказать, что русофобы всё чаще получают отпор – в форме весьма корректной, без ненужного экстремизма, так что срываются, не выдерживают как раз они же сами, **провоцирующие** своих оппонентов. С этой точки зрения чрезвычайно поучителен необычно смелый для советской прессы „диалог“ в «Литературной Газете» между литературными критиками Вадимом Кожиновым и Бенедиктом Сарновым, растянувшийся на целых четыре номера, и в котором оказались затронутыми ряд принципиально важных тем.

Бенедикт Сарнов – один из ведущих сотрудников «Огонька» – с самого начала явно и в наглой форме провоцирует партнёра по диалогу В. Кожинова, известного исследователя русской литературы, пользующегося репу-

тацией „русского националиста“. Прямо в лицо он заявляет ему: „Подозреваю вас я в пренебрежении не к истине даже, а к самой идее поиска истины“ («ЛГ», 8.3.89). В. Кожин вынужден был ему напомнить, что это суждение „явно восходит к зловещей презумпции виновности, господствовавшей в 20 - 30-х годах“ в СССР. На что его оппонент в той же хамской манере отвечает: „У нас не дуэль, а, как принято говорить, 'гражданская война'; и вы не станете отрицать, что в этой 'войне' мы с вами – по разные стороны 'линии фронта' “ («ЛГ», 15.5.89). Сказано более, чем определённо, и это заявление – ничто иное, как именно **объявление войны** всему национально-русскому, представленному здесь в лице В. Кожина, который держится с исключительным достоинством, выступает во всеоружии действительного знания тех тем, которые затрагивает его истерично-невыдержанный „собеседник“.

Спокойно и хладнокровно Кожин излагает свою концепцию „России и революции“ (о чём он уже убедительно писал, в частности, в статье „Правда и истина“ в «Нашем современнике»). Он говорит Бенедикту Сарнову: „Мое несогласие вызывают ваши суждения о „кризисе“, о „хронической неспособности“ властей в России и т. п. Эти суждения слишком похожи на формулы, родоначальником коих был Покровский, без обиняков заявивший в 1929 году: 'термин „русская история“ есть термин контрреволюционный...' Далее, вы явно не хотите видеть, что в революции столкнулись два совершенно различных, даже противоположных решения: революция **для России или Россия для революции...** Во втором решении... народ используется как своего рода вязанка хвороста, бросаема в костер революции“ («ЛГ», 15.3.89).

Приходится с сожалением отметить, что даже и в условиях „гласности“ национально-мыслящие русские публицисты не могут говорить с полной откровенностью, часто принуждены „камуфлировать“ свои идеи – истинный смысл которых читателем безошибочно распознаётся – прибегая к „авторитету“ единого безгрешного в советских

святцах Ленина. Не хочется думать, что В. Кожин, столь глубоко **понимающий** динамику „русской“ Революции, на самом деле верит в принципиальное отличие Ленина от всех остальных членов преступно-разбойной шайки, залившей Россию кровью миллионов русских. Но, вынуждаемый „правилами игры“, он весьма искусно, с большим знанием материала, **парирует** провокационные выпады мозаикой ленинских цитат. Бенедикт Сарнов это видит и чувствует, и даже злорадно указывает на это читателям газеты – что лишний раз доказывает, что без „прикрытия“ Лениным Кожинуву было бы много труднее...

Со своей стороны, Сарнов мобилизует – благо „гласность“ теперь это позволяет – союзников, которые только на первый взгляд могут показаться неожиданными. В частности, Н. Бердяева и Г. Федотова. И здесь надо заметить, что в такого-то рода критических столкновениях, как разбираемое сейчас, у читателя и появляется возможность оценить **подлинный смысл** писаний того же Бердяева и иже с ним, коих старательно воскрешают ныне русофобы. Безусловно, Н. Бердяев – личность выдающаяся, занимающая видное место в панораме духовной жизни XX века, но его отношение к Революции, к марксизму, а затем, и к коммунизму представляется абсолютно неприемлемым для русского национального сознания. То же надо сказать и о Г. П. Федотове, которого не случайно Сарнов называет „одним из самых глубоких русских мыслителей XX века“.

Уж куда глубже! Приводится цитата из Федотова: „Революционное отрицание старого мира носит всеобъемлющий характер. Оно направлено одновременно на Бога, царя, Отечество, собственность, быт, нацию, мораль, культуру, семью“. Такое писалось в своё время Федотовым не без мазохистского упоения стихией „революционного отрицания“ – как можно видеть из многих его тогдашних статей. Для Сарнова же это – авторитетное **оправдание** тех неслыханных преступлений, которые творились на русской земле Троцкими, Свердловыми, Якира-

ми и прочая. И он „примирительно“ заявляет: „Я думаю, не надо искать персональных виновников. Потому что прав Г. Федотов: когда происходит великая революция, революционное отрицание старого мира носит тотальный характер“ («ЛГ», 15.3.89). На что Бенедикту Сарнову можно было бы сказать: почему же вы с вашим „Мемориалом“ так шумите о... Сталине? Ведь сознательные сталинисты пользуются точно такими же, **вашими** и Федотова аргументами!..

Приводимая Сарновым цитата из Н. Бердяева ещё более выразительна и, по идее, должна была бы быть **убийственной** для его оппонента и всех, разделяющих его взгляды: как же, ведь Бердяев пользуется репутацией безусловно **русского** мыслителя, к тому же несправедливо замалчивавшегося несколько десятилетий! В своей книге „Истоки и смысл русского коммунизма“ Бердяев писал такое: „Самый интернационализм русской коммунистической революции – чисто русский, национальный... Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея“ («ЛГ», 29.3.89).

Такого рода цитаты нужны Б. Сарнову позарез – ведь ему хоть как-то необходимо опровергнуть конкретные факты, приводимые В. Кожинным. Такие, как то, что „в событиях начала 1919 года... в числе семи человек, составляющих „верхний этаж“ власти в России, было 4 еврея, 1 грузин и 2 русских“. Что для таких „эмигрантов“ – или покинувших Россию в юном возрасте, или „противоположных эмигрантов“, из Европы в Россию – как Троцкий, Зиновьев, Каменев, или Радек, Раковский, „для таких людей страна была, в сущности, безличным ‚материалом‘. Так, Троцкий писал, что-де русская жизнь, воссозданная Л. Толстым, ‚протекала вне всякой истории... подобно существованию пчелиного улья или муравьиной кучи‘. Чего уж там церемониться с муравьиной кучей...“ («ЛГ», 29.3.89).

Спохватившись, в самом конце затянувшегося „диалога“ Б. Сарнов решает бить своего оппонента его же оружием – прибегая к силе и весу официальных „истин“.

С провокационным вызовом он говорит: „Подсчитывать, сколько русских и сколько евреев было в числе деятелей, составлявших тогда, как вы говорите, „верхний этаж власти в России“, имеет смысл лишь в том случае, если исходить из того, что власть этой горстки людей была **антинародной**. На мой взгляд, дело совсем не в том, кто по национальности были эти люди, а в том, **почему за ними (и выдвинутыми ими идеями) пошла значительная часть народа**“.

Разумеется, что бы ни думал **на самом деле** Вадим Кожинов, он не может на страницах советской газеты заявить в ответ, что **да, эта власть – была антинародна изначально**. И не в последнюю очередь именно потому, что её „верхние этажи“ (впрочем не только **самые** верхние) в своём подавляющем, исключительном большинстве состояли из нерусских, – что бы там ни писали Н. Бердяев, Г. Федотов и прочие мыслители, столь горячо отстаивавшие „национальный“ характер **русской** революции.

Впрочем, не следует думать, что в этом разговоре на страницах «Литературной газеты» В. Кожинов занимается обличением еврейской мафии в истоках ли советского государства, или в настоящее время. Совсем напротив, „задирается“, „бросает перчатку“, беспрерывно **провоцирует** его – Бенедикт Сарнов. И в последней части „диалога“ русский критик спокойно замечает: „Я перечитал все диалоги, и оказалось: в **каждом** из трех вы настойчиво выдвигали на первый план национальный вопрос...“ **Принимая** вызов, под занавес В. Кожинов излагает свою позицию по этому „вопросу“.

Опять же, он отталкивается от утверждения Б. Сарнова, который обвинил в „антисемитизме“ Чехова, на страницах молодёжного журнала «Юность». В частности потому, что Чехов с горечью писал: в петербургской критике господствуют „евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, её духа, её форм... и видящие в русском... ни больше ни меньше, как скучного инородца“. Кожинов объясняет, что „Чехов озабочен вовсе не тем, что эти критики – евреи, и даже не тем, что они 'чужды русской

жизни' (абсурдно требовать от кого-либо быть русским); Чехов озабочен только тем, что критики, в чьих глазах русский – 'скудный инородец' **законодательствуют** в русской критике“.

„Если видеть в этом 'антисемитизм', – продолжает В. Кожин в «Литературной Газете» (29. 3. 89), – то придётся распространить сию оценку (исходя из многих их высказываний) на всех великих писателей, от Пушкина и Белинского до Блока и Шолохова. Так что надо или начисто отказаться от этой оценки Чехова, или уж честно сказать, что вы считаете всех классиков 'антисемитами'. Ведь вот и Горький писал в 1924 году, прямо перекликаясь с Чеховым, что Троцкий – 'наиболее чужой человек русскому народу и русской истории', и именно этим объяснял его зловещую роль в революции“.

Вадим Кожин ставит вопрос с принципиальной остротой, предельно откровенно – в сущности, двигаясь в русле мыслей А. Солженицына и И. Шафаревича – и эту постановку вопроса вполне можно было бы принять в качестве исходного момента в чаемом „русско-еврейском диалоге“. Так он, собственно говоря, и ставился всегда в русских зарубежных национально-мыслящих кругах (достаточно напомнить о капитальных трудах А. Дикого). **Читать такое** – в советской газете – вполне неожиданно, и знаменует многое. Прежде всего, зрелость русского национального сознания на родине, и спокойную уверенность в своей силе и правоте.

„Вся острота проблемы, – пишет литературный критик Вадим Кожин, – только в тех людях, которые, не пережив никакой „драмы“, действуют в русле культуры и политики другого народа, оставаясь чуждыми его интересам и самой его суги.

Недопустимо оценивать критику этих людей, как 'антисемитизм'. Недопустимо, во-первых, потому, что люди эти, как правило, **чужды и еврейству** как таковому, не знают и не любят его культуру, язык и т. д. и потому, строго говоря, даже и **не евреи** (отсюда абсурд обвинения в антисемитизме); а, во-вторых, потому, что было и есть

немало и русских, чуждых России или даже русофобов (тот же Бухарин с его „Злыми замечками“). Но если критика таких русских – дело „нормальное“, то при обращении к таким же евреям – наготове обвинение в антисемитизме, шовинизме, даже фашизме“ («ЛГ», там же).

И немного далее В. Кожин выдвигает свою личную позицию в этом вопросе, позицию, которую, повидимому, могут считать своей многие русские люди, на родине и в Зарубежье: „Я высоко или даже исключительно высоко оцениваю многих и многих деятелей русской культуры, как принято говорить, 'еврейского происхождения', и для меня это 'происхождение' совершенно несущественно. Но я решительно оспариваю позиции **притворяющихся деятелями русской культуры русофобов**, какого бы происхождения они ни были“.

Итак, из сказанного со всей ясностью вытекает одно: так же, как нельзя ставить знак равенства между (всеми) русофобами и (всеми) евреями, так же ошибочно было бы рассматривать борьбу с русофобией, как проявление „антисемитизма“. Хотя, к сожалению, и приходится признать, что чаще всего „действуют в русле культуры и политики другого народа, оставаясь чуждыми его интересам и самой его сути“ деятели вполне определенного происхождения. Так было в 20 - 30-х годах в советской России (в результате чего она фактически переставала быть Россией), опасные симптомы этого проявляются сейчас, в атмосфере „перестройки“. Действительно, как прикажете расценивать изречения, подобные приведённому в книге Шафаревича: „Быть русским интеллигентом сейчас неизбежно значит быть евреем“ (Б. Хазанов)? Думается, что если еврей в нынешней России действительно хочет быть русским интеллигентом (примеры чего в прошлом – были), ему прежде всего абсолютно необходимо категорически отрешиться от русофобии. Или – отказаться от претензии выступать в роли „русского интеллигента“.

*

Итак, есть ли вообще смысл в ведении „русско-еврейского диалога“ в настоящее время? Не целесообразнее ли – в интересах расширения и углубления национального самосознания в русской среде – сосредоточить внимание преимущественно не на бесплодной в общем-то полемике (все преимущества здесь пытаются извлечь для себя наши оппоненты), лишь возбуждающей отрицательные эмоции у той и другой стороны, а на положительной, созидательной работе? Это никак не значит „не замечать“ „болезненной проблемы“, на которую справедливо указал Шафаревич, оставлять без ответа наиболее дерзкие насюки не только на идеи, но и прямо на личностей (случай с А. И. Солженицыным – лишь самый громкий и особенно характерный). И всё же лучшим **ответом** во всех отношениях на растущую (не будем этого скрывать) русофобию представляется созидание ценностей русской национальной культуры, литературы и искусства, развитие и углубление магистральных тем русской мысли, публичное обсуждение (в своей среде!) важнейших проблем нашей, русской жизни, прежде всего – проблем духовно-нравственного порядка.

Этим фактически и занимается на родине уже не менее двух десятилетий („параллельно“ диссидентскому движению, инспирированному и проводившемуся в основном русофобскими силами – в чём можно убедиться, перечитывая „Наших плюралистов“ А. Солженицына) сплочённая группа русских писателей, названных „деревенскими“. Одно из первых мест занимает в этой группе Валентин Распутин. Распутин – не только выдающийся прозаик, быть может, самый значительный из пишущих сегодня на русском языке – особенно в последние годы вырос в крупнейшего общественного деятеля, активно и успешно выступающего в защиту окружающей среды (кампания за спасение Байкала), памятников прошлого, памяти о русском прошлом. Как это уже стало традицией

в русской литературе, общественные „баталии“ В. Распутина непосредственно связаны с его писательской работой. Он исключительно много времени и энергии посвящает публицистике, живо и своевременно откликаясь на самые насущные вопросы современной русской жизни. Публицистика В. Распутина – важнейший фермент крапнувшего русского национально-религиозного самосознания.

К сожалению, эта принципиально существенная часть его творчества, в отличие от замечательной прозы, прославившей имя Распутина во всем мире, известна далеко недостаточно – особенно русскому зарубежному читателю. В этом, между прочим, тоже нетрудно усмотреть результат скрытой работы русофобов: едва писатель начал говорить в полный голос о действительных проблемах современной русской жизни – которой он „болеет“, как в прошлом Гоголь и Достоевский – ему немедленно начали создавать репутацию едва ли не шовиниста. Особенное раздражение в русофобской среде вызвало его трезвое и уравновешенное суждение о народно-патриотическом движении „Память“.

Но для В. Распутина категория **памяти** – основополагающая, решающая категория национальной жизни где бы то ни было и уж, конечно, на Руси. „Память – понятие духовное, – писал он в одной из рецензий, которые у него становятся своеобразными манифестами всей группы русских писателей, глашатаем которых он выступает, – она есть родительское продолжение в живущих, неустанный отбор и сбережение лучших человеческих качеств, действующая доброта, единственно правильная ответственность за судьбу родной земли. **Сколько в человеке памяти, столько в нём человека.** Сколько памяти – столько жизни в прошлом и будущем. Одни начинают жить с Киевской Руси, другие и собственный недолгий праздник испортят грубым пиром. Из всех столпов любого государства память имеет самое большое и самое важное значение, и она должна быть первым гражданном государства. Народ велик не числом жителей, а

животворной памятью, подвигающей к благим и безошибочным деяниям“ (рецензия на роман В. Лихоносова „Ненаписанные воспоминания“).

А в статье к 1000-летию Крещения русского народа, опубликованной в «Литературном Иркутске» (декабрь 1988) В. Распутин призывает всех нас **не забывать**. „А коль не забудем, коль **подхватим память сознанием**, а сознание подхватим действием, значит – живы“.

Вся публицистика нашего выдающегося соотечественника и современника (как и всё его творчество) исходит из глубокой тревоги, онтологической озабоченности фактом полной **подмены** тех основополагающих понятий, от которых зависит нормальный, естественный ход национальной государственной жизни. Как он сам признаётся, это поразившее его „открытие“ и сделало его писателем. Русским писателем – можем мы добавить. И после этого своего открытия В. Распутин поставил себе задачей: обратить нас к правильному восприятию названных понятий, вернуть им – своим творчеством – истинный смысл.

Из такого рода понятий, организующих духовно-нравственный строй жизни народа, наш писатель особо выделяет одно: **патриотизм**. „Вот слово, которое представляется мне всеобъемлющим, и если не спасительным, то в огромном клубке наших нравственных и духовных проблем тем узлом, который легче всего поддаётся распутыванию. С него надо бы начинать. За ним стоит всё: и совесть, и долг, и истина, и добро, и вера, и личность, и гражданин, и многое другое. Считаю нужным оговориться: патриотизм – это не любовь к идее, а любовь к отчизне, к родной земле, верность её заветам, почитание праха и слова её, страдание за все её страдания и вера в её очистительный исход. Будет в нас всё это – твёрже будет и идея, с которой согласится душа“.

Совсем недавно, прошлым летом, всё в том же прекрасном альманахе «Литературный Иркутск» (июнь 1988) Валентин Распутин опубликовал, можно сказать, программную статью: „Патриотизм – это не право, а обязанность“. Трудно удержаться от того, чтобы не привести из неё

обширные выдержки – пересказ не был бы столь действенным. Вот что, в частности, пишет он:

„Человеческий организм в правильных движениях руководствуется разумом. Для государства разумом является прежде всего патриотическое сознание. Есть оно – государство крепкое, нет – огромные беды могут ждать это государство, и только слишком счастливый случай, да и то не без патриотического вмешательства, может спасти его.

Чтобы далеко не ходить, вспомним, что пришлось вынести нашей стране после 20-х годов, когда патриотизм, как сознание народа, был заклеимён и втопан в грязь. Слово „патриот“ считалось синонимом слова „белогвардеец“ (и **теперь** особенно, в начавшееся воскрешение России на родине, мы можем вспоминать об этом с гордостью за белых воинов! – **К. П.**), „память“ ассоциировалась с дикостью и невежеством. Но когда встал вопрос: быть или не быть стране, когда потребовалось спасти её от фашизма, за ним, втопанным в грязь и обруганным, пошли и поклонились. Другого выхода не было. После 45-го года, когда именно патриотизм выиграл войну, впервые, кажется, сейчас происходит, что к нему подступают с циркулем и линейкой. Пока ещё с оглядкой, с оговоркой, но с видимой целью устроить ему перекрой и пересуд...“

Программная статья В. Распутина продиктована острым сознанием той смертельной опасности для нашего национально-государственного бытия, какой является начавшееся планомерное и систематическое разрушение патриотического чувства „современными иллюминатами“ – в которых легко распознать всё тех же русофобов.

В. Распутин пронизательно предупреждает: „Пока понятие это (патриотизм) окончательно не низложено, на него ссылаются и им прикрываются все, в том числе и те, кто уже сейчас, загодя, готовит ему обвинительное заключение... Что было в цене, на том и шла спекуляция. Теперь на любовь к отечеству станут, наверняка, ссылаться меньше. Демократия с чужого плеча брезгует ею, ставки

на неё понижены...”

Иронически, но в словах его ощущается глубокая боль, писатель продолжает: „Патриотизм делается ещё и подозрительным, дурно пахнущим“. И восклицает, с полной искренностью и каким-то беззащитным простодушием, заставляющим вспомнить лучшие страницы „Выбранных мест из переписки с друзьями“ Гоголя: „Мы вовсе не против всемирного братства, но разве нельзя каждому народу прийти в него со своим собственным лицом? Слабее от этого станут объятия или грешнее поцелуи?.. Многонациональность землян – это радужность, музыкальность, чувственность и полнота мира. И что же, от всего этого отказаться? Употребить свою деятельность на исчезновение наций и языков, на осушение традиций и обычаев, на отвержение всего этнического и исторического? Сжечь и пустить по ветру идеалы неразумных отцов? А во имя чего? Во имя всеобщего братства с единым мировым правительством, к стопам которого мы, нагие, свободные от национальных одежд и предрассудков, пойдём с восторженным воплем: „Свобода, Равенство, Братство! Делайте из нас, что угодно, мы ваши!“ Этого мы хотим?..“

Нельзя не почувствовать здесь внутренней, органической переклички с И. Шафаревичем – в самом пафосе, в характере боли, в направленности решительной самозащиты. Ведь это автор „Русофобии“ предупреждает нас: „Чёткая, безапелляционная, ярко сформулированная схема может захватить на время сознание народа, даже будучи совершенно чуждой его духовному складу – если его сознание не защищено, не подготовлено к столкновению с подобными схемами...“ Все же подобные „схемы“, так или иначе ведут происхождение от слишком даже „ярко сформулированной“ 200 с лишним лет назад, и даже специфически привлекательной для нас – в знаменитом лозунге „Свобода, Равенство, Братство“. В. Распутин перекликается с И. Шафаревичем в пафосе, но он не повторяет его, а развивает собственную тему – при том, что оба писателя-мыслителя имеют общий корень. В данном случае – Ф. М. Достоевский.

В. Распутин пишет: „О всемирной отзывчивости русского человека говорили не только русские, а после Достоевского, который сказал об этом лучше всех, не раз Россия снимала последнюю рубашку, чтобы вызволить из беды других, кто способен и неспособен помнить добро. Не оттого ли, что слишком отзывчивы были и мало думали о себе, о сохранении своего тела и духа, и добились, что с опаской и извинениями приходится называть себя русским, будто и слово это объявлено запретным или недействительным. По какой такой логике всемирного братства, если мы хотим удержать свой народ от унижения и забвения, то это значит, будто непременно ненавидим другие народы, или правильнее сказать – **другой народ?**..“

Адресат указан достаточно определённо: „руссофобы“, „Малый Народ“ для И. Шафаревича, для В. Распутина это – „просветители“ с карманными фонариками, подающие друг другу тайные знаки“. Действительно, **это** – „никакого отношения иметь не может“ к народам с исторической памятью, с чувством национального самосознания и достоинства.

„Взятый сегодня мстительно и дружно жупел с русским национализмом – это бессовестная подделка, – атакует В. Распутин руссофобов–„просветителей“. – Мстительно – потому, что не торопится он, народ наш, двигаться к столпам мирового правительства... И не торопится отказываться от родного языка, от песен и заповедей отцов, не торопится выводить детей из пробинок, чтобы были они на одно лицо, окончательно выбрасывать на свалку свою культуру и мысль...“

Статья заканчивается тем же утверждением патриотического сознания, которое проходит через неё красной нитью, и с чего она начинается: „Потому и злятся и навязывают нам торопливо и запоздало своё толкование патриотизма „новые евангелисты“, что видят: завтра им придётся иметь дело не с одиночками и не с неформальными объединениями, а с **народом, который обрёл память**. Российская история в именах Карамзина, Ключ-

чевского и Соловьёва будет массовым и великим открытием России, на свидание со своей родиной пойдут вслед за первыми тысячами миллионы и миллионы. И прозревшие, наставленные национальной судьбой, они, очевидно, разберутся, что такое патриотизм. Никогда в нём, российском патриотизме, не было и не будет нелюбви к другим народам. Как и к нам не может быть недоброжелательства со стороны любого другого народа...“

Нельзя не обратить внимания и не подчеркнуть специально в этой пламенной защите патриотического русского чувства В.Распутиным (как, впрочем, и всеми другими русскими писателями-патриотами), полное отсутствие какой-либо враждебности, неприязни, нелюбви к другим нациям и народам. Да и с чего бы? Это лишь русофобы проецируют свой озлобленный фанатизм на нас, представляя русских какими-то шовинистическими чудовищами. Нам русский патриотизм представляется начисто лишённым таких отрицательных эмоций, духовно зрячим, различающим друзей и врагов. Доказательство этому – публицистика Валентина Распутина.

*

Разговор о патриотизме нелёгок – так как выражаемое им понятие относится к числу тех основополагающих понятий, смысл коих был искажён тотально; это – один из самых ярких примеров **полной подмены**, о которой пишет В. Распутин. Само слово это сумели сделать в Совдепии ненавистным – так оно затаскано, опошлено, извращено, ибо имеется ввиду и постоянно подчёркивается советский патриотизм.

Патриот, как „ревнитель о благе отечества“ (В. Даль) – это, увы, отошло в далёкое прошлое. „Философский энциклопедический словарь“ (М., 1983) в неподписанной статье какого-то „просветителя“-„иллюмината“ (если воспользоваться словами В. Распутина) цитирует одного из идейных отцов современной русофобии (помните, – „А на Россию нам, господа хорошие, наплевать...“!): „...одно из

наиболее глубоких чувств, закреплённых веками и тысячелетиями **обособленных** (!) отечеств“ (Ленин, ПСС, т. 37, с.190). В духе этого изречения читателю втолковывают, что патриотизм, „по мере обострения классовых антагонизмов... смыкается с шовинизмом и национализмом“, но что „в ходе социалистической революции... главным содержанием этого понятия становится социализм, объект национальной гордости (!?) и подлинное отечество трудящихся...“ И так, социалистический, советский патриотизм. Нужно, пересиливая естественное отвращение и брезгливость, погрузиться на какое-то время в эту словесную мерзость (любопытно, что делают авторы подобных статей, носители академических званий – в эпоху „перестройки“? Ведь никто у них не отнял академических титулов и не отправил на преждевременную пенсию...) – чтобы оценить меру поистине **гражданского подвига** не только И. Шафаревича, писавшего для Самиздата, но и В.Распутина, прямо обращающегося к своим соотечественникам в открытой печати. Чтобы оценить всю радикальность сдвига в общественном сознании наших соотечественников на родине! И после этого попытаться, вслед за нашими великими современниками, обратиться к исконному смыслу понятия: **русский патриотизм**.

Нужно ли говорить о том, что в отличие от бездушного и насквозь фальшивого „советского патриотизма“ (фигуры, которой нет соответствия в живой жизни), патриотизм русский воодушевлён и вдохновлён ВЕРОЮ, просветлён и согрет православным миропереживанием, истинно христианским отношением к ближнему. Этот, **наш** патриотизм естественен и глубок, так как он обращён на **родное** нам и корнями своими уходит в глубокое прошлое. Русский патриотизм (это о нём пишет В. Распутин!) неотделим от исторической памяти: от молитвенного воспоминания о наших предках, их славных деяниях, их заветах – нам, и **нашим** детям и внукам. То есть он, наш патриотизм, предполагает в нас национальную честь и достоинство, а также готовность их защищать и отстаивать, как это делали на протяжении веков целые поколе-

ния русских людей на своей земле.

Неправда, будто бы наш патриотизм заносчив и обиден для других – нет в нём ни националистической ограниченности, ни шовинистической замкнутости в себе. Русская история – если читать её пожелтевшие тысячелетние страницы без предубеждения и со вниманием – свидетельствует о том.

Церковь наша в своих молитвах одновременно и даёт далёкую перспективу русскому патриотизму, и как бы очерчивает пределы его – не могущего стать предметом зависти, – когда произносит исполненные высокого смысла, предельного духовного наполнения слова: о **богохранителем русском народе** и о **страждущей земле российской**. Именно поэтому наша патриотическая настроенность должна питаться не отрицательной волей к мести, но христианским долгом прощения и упованием на помощь свыше в деле воскрешения Святой Руси, по мере сил наших. Наше личное участие в деле воссоздания Св. Руси – это и есть мера нашего русского патриотизма.

И ничто не может дать лучшего, более правильного направления нашему законному патриотическому чувству, нежели эта, в храмах нашей Зарубежной Русской Православной Церкви постоянно возносимая Молитва о спасении России:

„Господи Иисусе Христе, Боже наш! Приими от нас недостойных рабов Твоих усердное моление сие и, простив нам вся согрешения наша, помяни всех врагов наших, ненавидящих и обидящих нас и не воздаждь им по делом их, но по велицей Твоей милости обрати их: неверных ко правоверию и благочестию, верных же во еже уклониться от зла и творити благое. Нас же всех и Церковь Твою святую всесильною Твоею крепостию от всякого злаго обстояния милостивно избави. Отечество наше от лютых безбожников и власти их освободи, верных же рабов Твоих в скорби и печали день и ночь вопиющих к Тебе, многоболезненный вопль услыши, многомилостиве, Боже наш, и изведи из истления живот их. Подаждь же мир и тишину, любовь и утверждение и скорое примирение людям Твоим,

их же честною Твоею кровию искупил еси. Но и отступившим от Тебе и Тебе не ищущим явлен буди, во еже ни единому от них погибнути, но всем им спастися и в разум истины прийти, да вси в согласном единомыслии и в непрестанной любви прославят пречестное имя Твое, терпеливодушие, незлобиве Господи, во веки веков. Аминь.“

НАШИ ВЕСТИ

Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным

Редактор Н. Н. Протопопов

Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов

Подписку направлять по адресу:

NASHI VESTI,
P. O. Box 485,
West Milfort, N.J. 07480, USA

Д. Балашов

Формирование русской нации и современные проблемы нашего национального бытия*

При неверно поставленном диагнозе и, соответственно, неправильном лечении, вероятен летальный исход.

Провалы нашей политики в Чили, в Афганистане, в Конго, современные события в Нагорном Карабахе и Прибалтике, как и развал хозяйства, обнищание и оскудение самой России – всё это явления одного корня: неверен диагноз.

Мы решили, согласно принятой у нас концепции вульгарного социологизма, что этнос – понятие социальное, родственное понятию класса, и потому рукотворное, т. е. подчиняющееся волюнтаризму власти.

Меж тем, это не так, и даже (и прежде всего!) – это по Марксу не так.

Человек есть часть природы, и этнос (народ, нация) – категория природная.

---

* Выступление на шестой встрече русских деятелей науки и культуры в г. Новгороде. Декабрь 1988 г.

Это есть та форма, в которой вид „хомо сапиенс“ определенным образом приспособливается к природной среде.

А природные явление, в отличие от рукотворных, нами сделанных, мы не можем менять по своему произволу. Это данности, и к ним надо применяться, приспособливаться, как применяемся мы к точке замерзания или кипения воды, к чередованию дня и ночи, к наличию физических и биологических свойств живой и мертвой материи. (Когда мы нарушаем природные законы, это всегда приводит к гибели и природы, и её обитателей).

Нелепо думать, например, что смешанные браки породят единый для всей планеты народ: этносы складываются не на уровне деторождения, а на уровне семейного воспитания, в 3 - 5 лет.

Природа разнообразна, еще более разнообразны способы хозяйствования на ней, и потому этносов много. Этносы проживают свой срок, исчезают, являются новые, но исчезнуть вовсе, слиться воедино, не могут. Иначе человечество сложилось бы в единый этнический коллектив еще в верхнем палеолите. Добавим, что все люди относятся к одному виду живых существ, все дают потомство от смешанных браков, все, на протяжении истории, сто раз вступали в перекрестные брачные связи, однако этносы исчезать не собираются, ибо их разнообразие является итогом разных способов адаптации человека к разнообразной природной среде. Более того, по мере усложнения хозяйственных структур мыслимо увеличение числа этносов. Добавим к сему, что за последние двести лет в мире идёт бурный и одновекторный процесс выделения всё новых и новых национальных государств (без поглощения какого-либо из старых!) и нежелание считаться с этим процессом, недооценка этнических проблем, как раз и привела к провалам нашей политики во многих регионах земного шара.

Пора перестать говорить о „буржуазном национализме“ и поглядеть правде в глаза. Иначе мы дождёмся полного хаоса уже в пределах нашего многонационального государства, а там станет поздно заниматься любой теорией.

Это надо понять, это надо увидеть, наконец, к этому надо приспособиться, а не надеяться, что, по изволению свыше, христиане-армяне вдруг сольются с мусульманами-тюрками Азербайджана; или эсты этнически, сразу и вдруг, мановением начальственного перста, соединятся с русскими, чего не произошло за предыдущие десять веков; ну, а горные афганцы, с их родоплеменным бытом, перенесутся враз в объятия мышления классового общества XX-го века; или что племя мабуту вдруг поддержит чужака, представителя совсем другого племени, Патриса Лумумбу, в угоду принятой россиянами классовой теории.

Надо раз и навсегда уяснить себе, каковы объективные (природные) законы развития этносов и, соответственно, что мы можем и чего не можем требовать от них в каждом данном случае.

Точно так же, в значительной мере от непонимания этнических законов, происходили все споры вокруг России и русского народа за последние двести лет.

Является ли Россия одной из европейских стран, обязанной развиваться по образцу стран Европы, и за несоответствие своего пути развития западному, заплатившая „отсталостью“? (См. новейшее из сочинений в этом духе Эйдельмана в № 10 «Науки и жизни»).

Или, напротив, у России собственная мессианская задача в этом хоре народов? (Славянофилы, заметим, во многом опирались на идеи западной, немецкой философии, выворачивая их на русский лад).

Лучше или хуже наша история и мы сами стран и народов Запада?

Не лучше и не хуже, – говорит проф. Л. Н. Гумилёв, – мы – иные.

Кратко напомним суть Гумилёвской концепции. Этнос появляется в результате пассионарного (энергетического) толчка, происходящего, повидимому, из ближнего космоса. Пассионарность – повышенная психо-энергетика, толкающая человека к совершению поступков, превышающих ту норму, которая надобна для простого поддержания жизни. Пассионарный „разогрев“ бывает разный,

от простого стремления к благополучию до потребности отдать жизнь за свои идеалы.

Всё то, что мы называем историей: события, подвиги, миграция этносов, сотворение памятников культуры и искусства – всё это создано пассионарностью.

Этнос, создающийся из обломков иных этносов в результате пассионарного толчка, проходит характерную кривую своего развития, состоящую из двух ветвей, подъема и упадка (вторая линия более пологая, за счёт инерции государственных форм), и прерывающуюся рядом резких всплесков и падений. Самый главный из последних, обозначаемый термином „надлом“, и характеризуется разрывом внутриэтнических связей и происходящей из сего резней.

Общий срок этнического развития – 1200 - 1400 лет. Это срок генетической передачи пассионарной энергии до её затухания, самостоятельно, на другом материале, указанный Вавиловым (одна тысяча лет) плюс инерция созданной культуры и государственности, вкуче сопротивляющихся энтропии. Этнос, потерявший пассионарную энергию, переходит в реликт и продолжает существовать по инерции, пока его не захотят уничтожить пассионарные соседи.

Примеры, ежели нужны: Византия, первые века – возникновение, VIII век надлом (иконоборчество); Рим (возникновение VII в. до н. э.), надлом – гражданские войны Цезаря и Помпея, с последующим созданием империи; монголы – X - XI века подъём, в XVII в. они попадают под власть маньчжур, одновременно совершается переход к „Золотой осени“, агрессивность этноса исчезает, укрепляется ламаизм, развивается искусство и т. д. Западно-европейские этносы создались на развалинах империи Карла Великого в начале IX века. Надлом выразился во Франции в виде войн гугенотов с католиками, в Германии – как крестьянская война, когда погибла половина нации. Киевский этнос, возникший одновременно с Византией, в пору надлома попал под власть варягов. Московская Русь создалась в XIV столетии, и ныне мы стараемся вылезти

из надлома. Сумеет - наступит спокойный период „Золотой осени“.

На пространстве этой этнической кривой меняется поведенческий стереотип и этнический идеал, от героического долженствования фазы подъема, к выделению личного героического „я“ фазы перегрева, к идеалу государственного служения, и до бандитского, в эпоху надлома: - „А что, тебе больше чем всем надо?“ То-есть, говоря об этносе, всегда нужно учитывать фазу, в которой он находится, ибо этнос - это не состояние, а процесс.

Я сейчас буду говорить о создании не Киевской, а именно нашей, Московской Руси.

Сперва об экологических особенностях, во многом обусловивших особенности национальные.

Восточную Европу отличает от Западной отсутствие горных цепей, отгораживающих Запад Европы от ветров с Ледовитого океана. Отсюда - резко-континентальный климат, затяжные зимы, меньшее (на единицу площади) количество воды. Граница Руси и Запада - отрицательная изотерма января. „Держат“ климат на нашей территории два природных фактора: лес и болота (кстати - хранилища питьевой воды). Земледелие здесь возможно пойменное. Пашня во всей нечерноземной зоне, да и южнее, должна быть загорожена лесом. Прежние насельники этих мест, угро-финны, занимались охотой и рыболовством, селились у самой воды. Русские заняли „второй этаж“, высокие берега рек, расположив пашни так, чтобы спасти хлеб от вымерзания и используя заливные луга для косьбы сена и скотоводства. На малых реках ставили мельницы.

Московские русичи - это результат смешения русичей киевских и славян прибалтийских с местными угро-финнами. Смешение это произошло полностью в эпицентре пассионарного взрыва - XIII - XIV в.в. (весегонская и шехонская, ростовская меря, мурома и ряд других племён целиком вошли в состав Руси Московской), и мало коснулись окраин, где местные племена: эсты, карелы, вепсы (весь), саами, югра и печора, мордва - сохранили своё

национальное лицо.

Перед новым славянским этносом, вернее, перед племенами, его составившими, ещё в VII - VIII веках, в пору первоначального заселения края, возникли следующие задачи:

1. Приспособиться к суровым зимам и краткому сельскохозяйственному циклу.

2. Приспособиться к необходимости сохранения лесного покрова и болот на обширных территориях.

3. Создать, наконец, такую социальную систему, которая помогла бы уцелеть и отбиться от соседей с многочисленным и плотным населением.

Первое из этих условий было решено подбором злаков морозостойких и быстросозревающих, а, главное, питательных (так, древнее просо постепенно заменяли и заменили гречихой). Ячмень и рожь, капуста, редька, морковь, лук, позже чеснок, и ягоды мочёные, толчёные, сушёные – вот неполный перечень того, что обеспечивало питание и давало достаточный на долгую зиму запас витаминов. Нынешнюю картошку заменяла морозостойкая репа. Хозяйство было построено так, что все имели дешёвое меховое платье и валенки, (овчинные зипуны, полушубки и шубы, а для далёких поездок тулупы, – одежда, заимствованная от татар). Сколь дешёвы были до недавнего времени овчинные полушубки – помнят все. Хватало молока и молочных продуктов. В изобилии были говядина и рыба лучших сортов, опять же уничтоженная лишь недавно нашим минводхозом. Заметим, что меховое платье у русских крестьян удивляло западных путешественников уже в XVI веке, так как там мех был дорог. Соответственным, приспособленным к суровым зимам, было и жилище русского крестьянина, на Севере превращавшееся в единую крепость с замкнутым крытым двором. Кстати, деревянное жилище, в сыром климате, было залогом здоровья жителей.

Сельскохозяйственный цикл был крайне напряженным, летом крестьянин почти не спал. Значительная часть горожан тоже работала в поле. Войска распускались на

уборочную (и, кстати, осенняя распутица спасала от неожиданных и особенно нежелательных в эту пору вражеских набегов). Знаменитая, постоянно спасавшая наше государство способность русских в грозный час беды собираться в кулак, совершать сверхусилие – рождена отнюдь не военным опытом, а опытом ежегодного сельскохозяйственного цикла.

Второе условие выживания, опять же найденное опытным порядком, было решено тем способом, что московские русичи редко селились крупными селениями, – селами или слободами. Обычным типом селения (см. по этому вопросу исследования С. Б. Веселовского, в частности его работу: „Село и деревня“) была для Московской Руси однодворная деревня, иначе сказать хутор, или „отруб“, ежели использовать терминологию Столыпинской реформы. Под словом „деревня“ разумелось именно и только однодворное селение. Много позже деревни стали увеличиваться за счёт раздела семей.

Деревни эти имели десятидворную систему организации, но каждая стояла в лесу, на „росчисти“, и отделялась от соседней лесным кордоном. Такая система обеспечивала защиту поля от вымерзания (болото рядом!) и от засухи (лес рядом).

Но редкое население – это, на случай войны, повышенная сложность мобилизации. Это и растянутые коммуникации. Вопрос с дорогами был решён определённым ритмом жизни. Весной и осенью никто никуда не ездил, и ничего не возил, иначе как по воде. Да и люди были заняты на полевых работах. Ездили по рекам, ездили по сухой летней дороге, но, главным образом, по зимнему, санному пути (и, опять же, по замёрзшим рекам). А повышенная возможность мобилизации сил решалась двумя способами. Во-первых, мужик был зажиточен. Грамоты, сохранившиеся от конца XVI – начала XVII века (от смутного времени) с исчислением имущества крестьянского двора, показывают огромное количество драгоценностей и дорогой рухляди, праздничной одежды, которая, при нужде проданная, позволяла враз восстановить

порушенное хозяйство. При цене рабочей лошади в полтину, а боевого коня в рубль, выходные украшения рядовой крестьянки-жонки стоили минимум 10 - 15 рублей, а то и много более. Нередки были у крестьян капиталы в 200 - 400 рублей, так что служилый человек оказывался много беднее подобного крестьянина. А богатому крестьянину было что защищать, было на что купить и оружие.

Во-вторых, правящий класс, то же военно-служивое сословие, не противопоставлял себя народу в той степени как это было на Западе и у нас после Петра Великого. Культура была единою. Празднества, пиры, свадьбы, хороводы, богослужения собирали и объединяли все классы общества. Характерно, что у нас совсем не развилось архитектуры замков (крепостей против собственных крестьян и соседа-феодала) как это было на Западе, хотя служивое сословие (по-сути, те же конные рыцари) было значительным.

То отсутствие специальной рыцарской культуры, на которое указывают западники, как на признак отсталости, было следствием как раз культурного единства классов.

Поскольку, при этом, русская артиллерия в XVI - XVII веках не уступала, а порой и превосходила западную, поскольку фортификационное искусство при строительстве крепостей было так же не ниже, а о зажиточности населения и дешевизне продуктов питания в Московской Руси говорят хором все западные путешественники, поскольку, судя по фольклорным и этнографическим наблюдениям, культура простого народа даже и превосходила культурно-бытовой уровень простонародья в западных странах, - то об отсталости страны говорить не приходится отнюдь. (Можно и живопись Рублёва и иных, безымянных мастеров, можно и памятники церковного зодчества вспомнить, к слову!).

Все перечисленные особенности, это, в какой-то мере, результат массового, стихийного творчества. Скажем, селекция растений и животных шла непрерывно, непрерывно совершенствовалась жильё, и одежда, многие эле-

менты которой мы заимствовали у степняков, вынужденных считаться с режущим зимним ветром степей.

Рассмотрим теперь, опять же в целом, то, что подчинилось сознательным усилиям немногих, т. е. становление государственной и идеологической системы.

Та же самая редкость населения, – т. е. изобилие продуктов при скромном денежном обращении, – диктовала необходимость расплаты с войском натурой, т. е. земельными пожалованиями. Одновременно требовалось это войско сделать мобильным, исключить возможность разброда, неповиновения, того, что кто-то не захотел прийти в срок и т. д., что подчас, задерживало и даже срывало мобилизацию на Западе (примеров чему мы достаточно знаем и из истории и даже по хроникам Шекспира). Постепенно у нас выработался, и утвердился при Иване III, как государственный, принцип наделения землей под условием несения службы (не в „вотчину“, а в „поместье“), принцип наследственного держания земли, а не полного владения землей на вотчинном праве. Переставая служить, дворянин должен был представить замену (сыновей) иначе он терял и данное ему поместье.

Та же система наследственного держания, при условии выполнения ряда государственных обязательств, была, по-существу, принята и для крестьянских хозяйств. Уезжая на новое место лично свободный крестьянин землю оставлял, а не продавал.

Система эта оказалась идеальной, и как раз её всяческие нарушения (крепостное право, послепетровские переделы земель в общине, личное владение поместьями со спекуляцией землями и сведением лесов и т. п.) и породили упадок нашего земледелия в дальнейшем, а любое восстановление исконных принципов, – будь то Столыпинская реформа, или земельный передел по Ленинскому декрету 1918 года с последующим введением продналога, – восстанавливали, порождая и зажиточность крестьян и изобилие продуктов в стране, и общее укрепление хозяйства.

Идеологическая система создавалась церковью. Тут

надо прежде всего назвать такие грандиозные фигуры исторических деятелей XIV столетия, как митрополит Алексей и игумен Сергей Радонежский. Разумеется, и они были не на пустом месте, и они опирались на уже созданную традицию, что ни в малой мере не умаляет, однако, их личных заслуг.

В третьей четверти XIV столетия митрополит Алексей, назначенный местоблюстителем престола при малолетнем Дмитрие (Донском), был фактически руководителем Московского государства, а точнее – его создателем. Он добился возвращения Москве утерянного ею ярлыка на Великое княжение. Добился от Орды признания Великого княжения Владимирского наследственной вотчиной московского княжеского дома, т. е. установил новый принцип власти, единодержавие одного княжеского рода и одного князя, что избавляло страну от династической борьбы и связанных с нею потрясений всего государственного аппарата. Он сумел „укротить“ суздальских князей, претендентов на Великое княжение, начав спор сперва военной силою, потом, – силою духовной власти и окончив династическим браком Дмитрия Иваныча и Евдокии Дмитриевны Суздальской. Он затеял, и, после ряда неудач, добился-таки такого же „укрощения“ другого, тверского претендента. Он вёл сложную и крайне опасную борьбу против захватнических устремлений великого князя Литовского Ольгерда, и добился, высидел в Константинополе акции, не только укрепившей, но и спасшей страну: переноса митрополичьей кафедры, т. е. центра русской Церкви, из Киева, вскоре захваченного Литвою, во Владимир, подчинённый Москве (фактическою церковной столицей стал даже не Владимир, а Переяславль). Трудно представить, что было бы с нами, ежели престол митрополитов русских остался бы в Киеве, под властью Ольгерда, а вскоре и польских католиков. Московская Русь могла бы и вовсе не состояться. Митрополит Алексей добился, наконец, на какое-то время, что духовный авторитет, авторитет Церкви, стал выше авторитета государственной власти, что смягчало многие

острые проблемы и уменьшало княжеские споры о власти.

О Сергии Радонежском следовало бы делать специальный доклад. Лучшие стороны русского национального характера, прослеживаемые в нашей истории и доныне, заложены именно им. Это абсолютное, непреложное следование избранным принципам, работоспособность и такая же абсолютная, при должной строгости, доброта, спокойная деловитость, нарочитое, принципиальное отсутствие позы, внешней значительности во всех своих действиях, одинаковость в обращении с высшими и низшими, и тоже абсолютный, жертвенный патриотизм. Разумеется, эти качества были и во всём народе, и даже два века крепостного права их не вполне исказили, но Сергей как бы ограничил, означил, обработал эти свойства, и дал их, через себя, как идеал, для последующего воспроизведения.

Сергий создал традицию общежительных монастырей, где отсутствие личной монашеской собственности разрушало социальные перегородки; то-есть в этой важнейшей области культуры (средневековый монастырь – это тогдашний университет) открывалась дорога для выдвижения на руководящие духовные посты представителям всех классов и групп тогдашнего кастового общества.

Не говорю уже о крупных политических акциях Сергия, способствовавших укреплению Московского государства.

Система эта, при которой Церковь взяла в свои руки идеологическое руководство страной, продержалась сравнительно не долго. Но она позволила создать государство, утвердить принципы соборного единения, связала общество идеологически, скрепив его морально-этическими нормами христианской идеологии, утверждая святость семьи, например, непререкаемость власти, и проч. В области личной и семейной морали Церковь проделала в средние века и позже огромную работу, ослабление которой в после-Никоновские времена привело, постепенно, к новому падению семейной нравственности.

В результате было создано государство с сильной централизованной властью, но с демократическим самоуправлением на местах, и с духовно-нравственным идеалом защиты отечества („Святая Русь“). Система эта оказалась очень устойчивой и против натиска мусульман с юга, и против западно-католической экспансии. При этом, поскольку христианство никак не утверждало племенной исключительности русичей, система эта оказалась годной для создания, на взаимотерпимых принципах, многонационального государства, великой России или Великороссии. После взятия Казани, например, татарская знать была уравнена в правах с русской, и позже, в значительной степени, вошла в состав русского дворянства. (До трети наших дворянских родов имеют монголо-татарское происхождение).

Позже это отразилось в русском законодательстве таким образом, что у нас отсутствовали все три признака колониального состояния по Марксу (неравноправие в законах, неравная оплата за равный труд, угнетение национальной культуры). В России за равный труд платили равную плату, законы были одинаковы для всех, национальные церкви уважались и имели в столице свои храмы, а в высших учебных заведениях империи была принята процентная норма, позволяющая попадать туда представителям всех, так называемых „диких народов“. Можно перечислить и национальных учёных, вроде Валиханова и Цыбикова, появившихся благодаря этому правилу.

Система эта была исключительной в мировой истории, и позволила уцелеть нашему государству в момент Октябрьской революции и гражданской войны.

Однако идеальная, так сказать, форма русской государственности стала нарушаться уже давно, с ростом самодержавия и бюрократического аппарата. Сила заменила убеждение. „Силовые“ Никоновские реформы вызвали раскол и ослабление Церкви. Екатерининские реформы убили церковные школы, и подорвали культуру Церкви. Грозный с его опричниной был гигантским, не-

предусмотренным, эксцессом власти, но уже Петр I сделал непоправимое. Он разорвал нацию надвое, противопоставив дворянство народу. Установил рабство, ввел порку и продажу людей, увеличил налоги в 6,5 раз (численность нации при нём сократилась на 1/5 часть!). Начались ежегодные переделы земель (со введением подушной подати), а потому землю перестали уваживать, и началось быстрое падение урожайности. Вырубка лесов, вкуче со введением отвального плуга, вызвала быстрое обезструктурирование почвенного слоя в центральной России и размывы её оврагами. Блестящий расцвет дворянской культуры шёл в отрыве от нужд страны, и мало давал выгоды всему народу. Хозяйничать экологически-грамотно на землях России русское офранцуженное дворянство так и не научилось. Фигуры Докучаева, Жилинского и других остались эпизодом, а не правилом в культуре страны. Все усилия создать хозяйство „культурное“, т. е. как во Франции, как в Англии, как в Голландии и т. д. оканчивались крахом, ибо не учитывались экологические особенности Московии, ни исторический опыт народной жизни.

Указ Екатерины о вольности дворянства углубил кризис военно-служилого класса, и после проигранной Крымской войны, реформой 1861 года, с ним, по-сути, было покончено. Однако, поскольку вопросы крестьянского землепользования (и грамотной экологии!) были не решены, а культурное противостояние классов тоже лишь углублялось, начался общий кризис, закономерно приведший к революции.

Заметим, Столыпинские реформы, – в числе коих было не только возвращение к здоровому наследственному землепользованию, но и уравнивание крестьян в правах со всеми другими сословиями, – резко оздоровили ситуацию.

То, что произошло в 1930-х годах, начиная с коллективизации, – вторичное закрепощение крестьян, – можно назвать контрреволюционным переворотом, погубившим исконную систему земледелия, а в дальнейшем, и саму землю. (Я говорю о продолжающейся до сих пор деятель-

ности минводхоза, задача которого – открыть дорогу северным ветрам и залить поймы рек, сделав невозможным земледелие в России, одновременно засолив и загноив наши южные земли, как и земли наших азиатских союзных республик).

Сейчас страна на краю гибели. Мелиорация, химия, „технический прогресс“, давно перекрывший все надобные нормы, вкупе со строительством атомных станций, уничтожат нас в ближайшие 15 - 20 лет. Мы тащим за собой к гибели и прочие народы, включенные в нашу государственную систему, что озлобляет и вызывает возмущения и всплёски национализма.

Армянский Карабах надо безусловно вернуть Армении, а после уж смотреть, чем вознаградить, в его хозяйственных связях Азербайджан, ибо хозяйственные связи, это то, что в отличие от национальной принадлежности, подчинено нашим устремлениям.

То же – в Прибалтике, где конфликт вызван опять же нарушением исконных национальных начал жизни и нелепыми стройками. Но ведь стройки губят и русские области!? Да, и прежде всего! Но тут – русское дело, и испытывается наше, русское, национальное терпение. Оно, повидимому, выносливее, чем терпение прибалтов. А решать национальные вопросы путём организации погромов, как в Сумгаите, – мерзко.

Эстонцы потребовали политических свобод после того, как Москва решила затеять там гибельную для республики стройку и когда выяснилось, что при существующей системе местные власти не могут её остановить. И всё-таки сама возможность подобного возмущения без национальных начал была бы невозможна.

Думал ли кто из наших „поворотчиков“, планируя плотину на Оби, что под воду уходит территория ряда народов: хантов, манси, вогулов и других? Никто! А Дальний Восток? Бурятия? Землю надо беречь, и беречь её надо национально.

В нашей политике мы должны вернуться к разработанным Россией принципам уважения национальной

территории, национальных традиций, национального способа жизни и – процентной норме в предоставлении благ в высшем звене образования и культуры.

Кстати, пора перестать грабить Россию, перекачивая половину её бюджета в национальные республики. В дело это, всё одно, не идёт, вызывая лишь умножение хапуг и нуворишей в Азии и Закавказье.

Сама идея слабо и не слабо развитых стран ошибочна. Она исходит из той же космополитической мысли, что всем нациям надобен единый способ существования, скопированный, опять же, с Западной Европы. Но способы существования не могут быть едиными! И мы, нашими стараниями „приобщить“, разрушили уже не одну национальную культуру (например, народов Сибири и Севера), загоняя их в наш культурный стандарт. Но мы и себя самих уничтожили, равняя под „Запад“! И, не понимая того, ищем виноватых в далёком прошлом и на стороне. Кочевники, вишь, виноваты, иначе мы давно бы приобщились и стало всё у нас как в Италии... Кроме климата, дорогие друзья! И кроме географии, увы! А, значит, не стало бы тут ни Италии, ни Франции, начинай хоть с XX-го, хоть с XII-го века!

Возвращаясь к проблемам России нам надобно:

Береженье наших вод, болот и лесов. То-есть, необходимо не только окружить лесными кордонами наши поля, как сделал Докучаев в Каменной степи, но и засадить лесом гигантские обезлесенные территории русского Севера (Карелии, Новгородчины, Архангельской и Вологодской областей, Коми АССР). Надобно полностью ликвидировать мелиорацию в её современном виде, и минводхоз, спустив все равнинные моря и разгородив Волгу.

Надо уменьшить объем промышленного производства группы А до минимально необходимого и – не более.

Закрывать атомные станции и большинство химических предприятий, соответственно устроив гласный суд над преступниками из минводхоза, химии и проч.

Восстановить национальные традиции земледелия.

И для всего этого, и самое главное, вернуть землю

труженику на основании наследственного землепользования. Это не значит – немедленный разгон колхозов и совхозов, но земля должна быть оценена по плодородию (произведён земельный кадастр), после чего должен быть введён дифференцированный, согласно кадастру, налог на землю. Стоимость всех и всяческих строителей должна вестись с учётом стоимости земли, с непременною выплатою за землепользование. Все же нерационально занимающие землю производства должны быть закрыты. Поземельные налоги, повторяю, должны быть едины для всех типов хозяйств (колхоза, совхоза, арендатора и владельца). Отсюда уже сам собою укрепится хозрасчет, и все те реформы, которые предлагает сейчас наше правительство, войдут в силу и станут давать действительную пользу.

А все те организации, которые черпают деньги из госбюджета (минводхоз и мелиораторы, прежде всего) должны быть уничтожены, и их средства, техника и рабочая сила переданы владельцам земли.

Тогда мы вернёмся в значительной мере к фермерскому хозяйству, особенно в северной зоне России и Прибалтике, где это исторически обусловлено, и где это наиболее разумно экологически. В конечном счёте сами собой восстановятся оптимальные для каждого данного места способы землепользования. Хозяин земли, естественно, потребует ту технику, которая ему нужна, и министерство сельхозмашин перестанет выпускать сверх-трактора и прочие сверх-механизмы, надобные для рытья каналов и порчи земли. Произойдёт резкое снижение цен на продовольствие.

Произойдёт, надеемся, и восстановление национальной культуры и народной нравственности в её традиционных формах. Только тут без помощи Церкви нам никак не обойтись. Церковь должна быть освобождена от тех египетских гонений, политических и экономических, коим она подвергается до сих пор, и ей должны быть возвращены хотя бы те права, которые оговорены нашей конституцией.

И школы должны быть иными, и учебники... Словом, чтобы уцелеть, чтобы придти к той самой „Золотой осени“, к спокойной, сытой и культурной цивилизации, которую заслужил наш великий народ, чтобы придти к ней, необходимы огромные усилия и сознательная, национальная работа всего общества.

И нужна любовь. Любовь к своему народу, к своей земле, к истине и справедливости. И необходимо при этом, ежели мы хотим сохранить наше государство в целости, иметь уважение к иным народам нашей многонациональной родины, и к их традиционному способу жизни.

В н и м а н и е !

**Новый почтовый адрес
РНО и редакции «Вече»**

Frau V. Drewing
(für RNV e. V. und «Veche»)
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81
W. - Germany

РУССКИЕ КНИГИ на складе парижского издательства Л Е В

01 АГНИВЦЕВ Н. – „Мои песенки“.	ам. \$ 9,00
02 Вел.Кн. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – Книга воспоминаний.	ам. \$ 28,00
03 Преосв. АНТОНИЙ – Словарь к творениям Достоевского.	ам. \$ 14,00
04 БЛОК А. – Последние дни императорской власти.	ам. \$ 14,00
05 БУНИН Н. – Воспоминания.	ам. \$ 24,00
06 ВОЛКОНСКАЯ О. – Как тяжкий млат.	ам. \$ 17,00
07 ГОЛЛЕРБАХ Э. – Город муз,	ам. \$ 15,00
08 ГУБЕР П. – Дон-жуанский список А. С. Пушкина.	ам. \$ 25,00
09 ДЖИЛАС М. – Тито, мой друг, и мой враг.	ам. \$ 19,00
10 ДНЕВНИК ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.	ам. \$ 24,00
11 ЖИЛЬЯР П. – Тринадцать лет при русском Дворе.	ам. \$ 28,00
12 ЗАНДЕР Л. – Песнь Господня.	ам. \$ 8,00
13 ИВАНОВ Г. – Избранные стихи.	ам. \$ 16,00
14 КАРАЧЕВЦЕВ С. – Тысяча двести анекдотов.	ам. \$ 16,00
15 КОРОВИН К. – Шалыпин.	ам. \$ 16,00
16 ЛЕЙКИН Н. – Где апельсины зреют.	ам. \$ 16,00
17 МЕЛЬГУНОВ С. – На путях к дворцовому перевороту.	ам. \$ 18,00
18 МИНЦЛОВ С. – За мертвыми душами.	ам. \$ 18,00
19 ПАЛЕОЛОГ М. – Роман Императора.	ам. \$ 9,00
20 ПОЛОВЦЕВ Л. – Рыцари Тернового Венца.	ам. \$ 17,00
21 РЕМИЗОВ А. – Встречи.	ам. \$ 27,00
22 ТИТОВ А. – Лето на водах.	ам. \$ 16,00
23 ТРУБЕЦКОЙ Кн. Е. – Смысл жизни.	ам. \$ 23,00
24 ЦВЕТАЕВА М. – Вечерний альбом.	ам. \$ 18,00
25 ЦВЕТАЕВА М. – Волшебный фонарь.	ам. \$ 14,00
26 ЦВЕТАЕВА М. – Психея.	ам. \$ 9,00
27 ЦВЕТАЕВА М. – Разлука.	ам. \$ 8,00
28 ЧЕРНЫЙ Саша – Детский остров.	ам. \$ 9,00
29 ЧЕРНЫЙ Саша – Румяная книжка.	ам. \$ 12,00
30 ЧЕРНЫЙ Саша – Сатиры.	ам. \$ 19,00
31 ЧЕРНЫЙ Саша – Солдатские сказки.	ам. \$ 16,00
32 ЭЙХЕНБАУМ Б. – Анна Ахматова.	ам. \$ 11,00
33 ЭФРОН А. – Страницы воспоминаний.	ам. \$ 18,00
34 Кн. Ф. ЮСУПОВ – Конец Распутина.	ам. \$ 24,00

Заказы направлять по адресу:

SNOCHOUS Vlad. Ed., LEV, 59, Avenue Victor Hugo
92100 BOULOGNE-sur-SEINE (France)

Пересылка за счет покупателя. Просим добавлять на пересылку
1,50 долл. за первый и 75 центов за каждый следующий экземпляр

Книги отправляются после получения чека

Валентин Распутин

**К у л ь т у р а:
«левая, правая где сторона?»***

„Покажите, какие поёте вы песни, и я скажу, что вас ждёт впереди“, – мог бы ответить тот, к кому обратились бы за судьбой народа. Для этого не нужно быть оракулом.

„... И я скажу, чем вы больны“, – продолжил бы другой, не будучи врачом.

“... Я увижу, во что вы веруете, чему поклоняетесь, знаете ли вы границу между добром и злом“, – мог бы подхватить третий.

И тут нет преувеличения. Культура народа как сумма этических и эстетических ценностей показывает в его прошлом, настоящем и будущем слишком многое. Она есть мера глубины и состоятельности, прочности и талантности народа. Звук образной отзывчивости – это эхо отзывчивости сердечной. Культура возникла и веками развивалась как музыкальное сопровождение человека, как постепенное и таинственное извлечение его нетелесной фигуры. Человека создал труд, но если бы в нашем дале-

---

* «Литературный Иркутск», март 1989 г.

ком предке не зазвучала одновременно мелодия, едва ли он пошел бы дальше того вида, который в науке называется „человеком умелым“, что равнозначно умелому зверю. Подобно Туринской плащанице, в которую обращивали снятого с распятия Христа и которая вот уже скоро две тысячи лет сохраняет Его облик, культура оставляет беспристрастный отпечаток нашего портрета.

Для культуры, для искусства излишне добавлять, что они обязаны быть гуманистическими. Не гуманистической культуры не должно существовать. Это значило бы, что человек сознательно решил вернуться в скотское состояние. То, что называет себя иной раз культурой, что рядится в её одежды, не имея сути, бывает или самозванством, или подражательством, или проходимством. Это волк из известной народной сказки, перековавший грубый голос на тонкий, чтобы выдать себя за мать семерых козлят. С тем же результатом для бедных козлят. Искусство – это праведный и чистый голос человечества в целом и каждого народа в отдельности, духовная и эстетическая побудительная высота, осуществленная мечта человека, ухваченное перо Жар-птицы и прометеев огонь человеческих исканий и побед. Искусство является тогда, когда человеку дано преодолеть силу земного притяжения и вознестись в ту высь, где начинается творец, испытав при этом все муки и радости творца. Надо, вероятно, уточнить: творец – это тот, кто создает гармонию и красоту, кто способствует ладу и миру в жизни; действия того, кто разрушает их под видом нового искусства, вносит в них диссонанс и аритмию, должны иметь другое обозначение.

И уж чтобы не путаться еще в одном: твердой границы между искусством и культурой провести, пожалуй, нельзя. Не было её в прошлом, нет и сейчас. Профессионализм может быть и там и там, и не там, не там его может не быть. Понятие культуры как низового, доступного массам искусства, а искусства как элитарной культуры не выдерживает логики. Еще Л. Н. Толстой в статье „Что такое искусство?“ отнимал у искусства право быть

непонятным. Он написал: „Великие предметы искусства только потому и велики, что они доступны и понятны всем“. Но ни Толстой, ни кто другой, открывая залы искусства для миллионов, не открывали никогда мастерских для любого и каждого, кто пожелал бы туда войти. Само собой разумеется, что в этот сан, чтобы священнослужить искусству, человека возводит некий небесный перст. Брать семейный или общинный подряд в этом виде деятельности, как повелось сейчас, никому не приходило в голову.

Не будем и мы вбивать колья между культурой и искусством. Если и прежде они были как сиамские близнецы, то теперь, спеленутые массовостью, и вовсе звучат слитно: массовое искусство, массовая культура... Не забудем, однако, что родителями их были Красота и Добро, и оставим за собой наперед право сделать кое-какие необходимые оговорки.

Главное требование, громче других провозглашаемое сегодня, – искусство должно быть современным. Спорить тут, казалось бы, не о чем. Если бы с нашими оппонентами сошлись в смысловом ударении. Мы выделяем „искусство“, они – „современным“. Но и в этом случае можно еще и не ломать копий. Современным – значит глубоко и сильно воздействующим, увеличивающим духовную производительность человека, которая, в свою очередь, скажется на производительности материальной, рождающим чистые чувства. Но для утвердившихся ныне теоретиков и практиков искусства прогрессивное движение его заключается в постоянной смене звуков и линий, духа и смысла. Современное для них – это новое, заменившее вчерашнее, как день сменяет день, следующее поворотам вкусов.

Однако еще французским поэтом Валери сказано: „Ничто на свете не стареет так быстро, как новизна“. Чехов уточняет: „Ново только то, что талантливо“. С истинами тягаться трудно, но если употребить ловкость рук и ума, то истина прочитается выгодней и заманчивей: „Талантливо только то, что ново“. Толстой и Достоевский

никому не интересны, потому что они защищали восход солнца в искусстве с одной и той же стороны; Пушкин и Лермонтов не могут быть слышны, потому что их звуки, какими бы ни считались они чудными, не имеют достаточного количества децибел; Глинка и Мусоргский для „гимнастических потех“ (выражение Стасова) вообще непригодны; Репин, Суриков и Серов, несмотря на всю их громкость, остались жалкими подражателями, потому что не сумели из пластики сделать геометрию. И все они в сущности были „передвижниками“, топтавшимися по какой-то жалкой национальной стезе. „О боги, как вы скучны со всеми своими истинами, нотациями, духовными зачерпами из таинственных глубин и искомым светом! – так можно определить отношение авангардной культуры к классике. – Оставайтесь на своих божницах, пока мы вас вновь не скинули, и посмотрите, за кем пошел так обожаемый вами народ“.

А посмотреть ныне есть на что.

Но взглядемся и мы в требование к искусству во что бы то ни стало быть современным, новым в своих истинах и формах. Так ли оно, это новое, сменяемое, и нет ли в его сменяемости постоянства, закономерности и подчиненности? Не растет ли оно по-прежнему из того корня, который в виде руководства был провозглашен органом Наркомпроса «Искусство коммуны» сразу после революции в 1918 году: „Взорвать, разрушить, стереть с лица земли старые художественные формы“. Русское искусство в 20-х годах напоминало хлебное поле, засеянное поликультурой стольких „измов“, что негде было взойти и житю. Если красота, нравственность одухотворенность и любовь каким-то чудом сохранялись, так только случайно и само-seвом, семена классической и народной культуры изымались из обращения. Засилие чужого, анархия и дурноцвет, как и следовало ожидать (мы почему-то не хотим признать, что это исторически обусловленный закон, так не однажды было и так, если мы не научимся соблюдать меры, так будет) – засилие чужого и анархия привели к жестокому и безжалостному кулаку, побивающему пра-

вых и виноватых. В том числе и в искусстве. На ниву культуры взошел новый хозяин, решивший, что наша земля лучше всего приспособлена для монокультуры – „социалистическая по содержанию“, к которой осторожно привит был отечественный дичок – „национальная по форме“. И пошли засеивать этой монокультурой всю распаханную, что, как не трудно догадаться, обедняло почвы. Формализм не исчез, но перекинулся. Однако, ко времени монокультуры, „разрушено, взорвано и стерто с лица земли“ было предостаточно. И потому „национальное по форме“ нередко выбирало низкосортные и худосочные сорта. Вроде и Федот, да не тот. А к социалистическому содержанию довольно быстро приспособилось и то, что взрывало и уничтожало, размахивая неприкасаемым и охранительным лозунгом интернационализма.

А теперь самое время разобраться с культурами, которые произрастали и произрастают на ниве. Интернационалист, тот самый искусник, который из здорового и благодетельного понятия интернационализма сделал собственный национализм и который своими действиямивольно или невольно подталкивает некоторых неразборчивых моих соотечественников к национальному русскому, – этот интернационалист никогда, в отличие от нас, не дремлет. Он уже наострил уши и приготовил перо. Не станем его томить, но призовём слышать и избирать не одно лишь выгодное для обвинения, но и то, что способствовало бы истине.

В прежние времена умели вести споры. Плюрализмом тогда не размахивали, как билетом в общественную баню, куда прилично входить одетым, но мыться прилично раздетым. Чужое мнение не только выслушивалось, но и уважалось. Из борьбы разных идейных течений создавалась отечественная философия. Продолжавшийся почти весь прошлый век спор между западниками и славянофилами обогатил и русскую мысль и русскую художественность. Белинский и Герцен, в особенности Герцен, будучи противниками Киреевских, Хомякова и Аксаковых, находили смелость и справедливость соглашаться с

ними, не поступаясь своими взглядами, и искать сходные точки зрения. Это уже в наш воинствующий век из славянофилов сделали мракобесов, а слово это отнесли к разряду оскорбительных для прогрессивного слуха.

И. Киреевский, к примеру, писал о форме искусства: „возвращать её (старую форму –В. Р.) насильно смешно, когда бы не было вредно“. Пользоваться в наши дни слогом Сумарокова и Тредиаковского в стихе, как и крюковой записью в музыке, по меньшей мере, было бы глупо. Ни один из тех, кто еще недавно сочинял оды в честь Брежнева и его трилогии, в том числе нынешние лидеры прогрессистов, не стал подражателем од к Фелице и отказался от напыщенности 18-го века. Можно бы от 20-го ожидать, чтобы этот жанр и вовсе был забыт со всеми его формами, и это явилось бы действительно современным поступком искусства (ни „деревенские“ поэты в 20-х годах, ни „деревенские“ писатели 70-х, ставшие вдруг чуть ли не реакционными с точки зрения комивояжеров нового искусства, до подобной игры с совестью, надо сказать, не опускались), но для такой формы поведения в искусстве надо иметь соответствующее содержание.

И. Киреевский продолжал: „... все споры о превосходстве Запада или России, о достоинстве истории европейской или нашей и тому подобные рассуждения принадлежат к числу самых бесполезных, самых пустых вопросов, какие только может придумать праздное любопытство мыслящего человека. И что в самом деле за польза нам отвергать или порочить то, что было или есть доброго в жизни Запада? Всё прекрасное, благородное, христианское по необходимости нам своё, хотя бы оно было европейское, хотя бы африканское ...“

Это то самое, что и мы сейчас говорим: ни искусство, ни общественная мысль, ни даже общественная жизнь не должны и не могут замыкаться в одних лишь национальных стенах без вреда для себя. Искусства разных народов развиваются, питают и обогащают друг друга, современность в искусстве есть параллельность движения национальных культур сообщающихся между собой. Но имеющих собст-

венные берега. В единых берегах какой-то транснациональной культуры она существовать не может, она выродится в нечто искусственное и сделаное, в нечто электронно-машинное и агрессивное, способное не воодушевлять, а подавлять, не обогащать, а изнурять, способствовать не любви, а стадности. Почему, спросите вы, она должна непременно выродиться в подобное чудовище? Да потому, что нигде, ни в какой стороне, не может она иметь корней, ей не о что будет опереться, все добрые, питающие её начала высохнут и окостенеют, ценности, идущие на распродажу, вытеснят из неё всё природное и гуманное. Национальная собственность на культуру не может быть отменена. В древности на Руси наказывали: „Помяните одно: только коренью основанье крепко, то и древо неподвижно; только коренья не будет – к чему прилепиться?!“ Тот же И. Киреевский, который, как видим, никогда не был против прививок из других культур, считал необходимым условием для такого соединения – „когда оно вырастет из нашего корня, будет следствием нашего собственного развития, а не тогда, как упадёт к нам извне, в виде противоречия всему строю нашего сознательного и обычного бытия“. И говорит о последствиях: „единственный результат его заключался бы не в просвещении, а в уничтожении самого народа“.

Всё, казалось бы, ясно. Не так много точек, чтобы без ошибок расставить их по собственным местам. И когда имеющий уши да не слышит, когда слово „русское“ немедленно трансформируется в нем в шовинизм, а слово „национальное“ в национализм, поневоле придешь к выводу, что не истина, не духовное дело искусства, интересуют его, а нечто иное.

В самом понятии массовой культуры ничего плохого нет. Когда бы ценностная культура овладела массами, когда бы лучшие её образцы прошлого и настоящего становились хлебом насущным, – что могло бы быть полезней столь широкого её распространения?! Ибо тогда широта способствовала бы и глубине. Об этом мечтали и мечтают все творцы прекрасного – чтобы их слушали,

читали, смотрели и впитывали не узкие круги, а миллионы. Однако в том понятии, в каком утвердилась сейчас массовая культура, ничего общего с желаемым она не имеет. Условие культуры – эстетическое просвещение народа, возделывание его души таким образом, чтобы она оказалась способной принимать добро и красоту. Из этого состава, который есть в нас, с одинаковым успехом можно сделать человека и зверя. В зависимости от того, кто возьмется за эту работу.

В 20-е годы происходило директивное, силовое вытеснение традиционного искусства новым, которое назвало себя революционным. Оно и было революционным – вызывающим, чужеродным и агрессивным, не желающим делить власть с плодами той земли, на которой утвердилось, и не стесняющимся в борьбе с ними применять динамит в прямом и переносном смыслах. Пользуясь революционными лозунгами, оно диктовало условия, какие хотело, свергало и насаждало, кого хотело, и хотя в условиях того времени даже и это не могло казаться естественным, но в общей раскалённой обстановке, когда всё вокруг с ног становилось на голову, когда революционному классу внушалось, что даже и хлеб он может получать из революционного духа, переворот в искусстве, пожалуй, мало кого удивил. Однако при всём при этом художественный вкус народа продолжал оставаться здоровым. В деревне, отпев положенную новую песню, брались за старые. Слишком велика была крестьянская Россия. Да и средства массового давления на человека, называющиеся почему-то средствами информации, были не те, что ныне, и не могли от начала до конца объять страну показательно-воспитательной обработкой.

Вспомним, что ещё совсем недавно опасным проявлением дурного тона нам представлялся городской романс. А уж как пугались мы мелодрамы, расслабляющей душу пустопорожней чувствительностью! Сейчас бы нам эти тревоги! Сейчас, когда всё, что насильно прививалось в 20-е, привилось, как бы само собой и пошло в массы, когда двигателем искусства стала реклама и конкуренция,

когда дурное самым демократическим путем заступило место хорошему, когда мораль, без которой не сочинялась ни одна басня, превратилась в кукиш в кармане, а гармония вырядилась в шутовской наряд. Ни Чайковский, ни Глинка, ни Свиридов не отменяются, только пусть их мелодии на основе свободного выбора посоревнуются с ритмами рокеров. Каждому свое. Насильно, как известно, мил не будешь.

Три опасности уничтожения человечества существуют, на мой взгляд, сегодня в мире: ядерная, экологическая и опасность, связанная с разрушением культуры. Трудно сказать, какая из них предпочтительнее, если выбирать способ самоубийства. При ядерном это можно сделать моментально, при экологическом – с мучительным, но недолгим продлением, когда отцы получают возможность наблюдать, как рождаются дети все меньше похожие на людей. И при „культурном“ – когда нравственно-эстетическая деградация приведёт к обществу дикарей, которые не захотят терпеть друг друга. В известном смысле можно предполагать, что третья опасность, то есть нарушение духовно-поведенческого аппарата, привела к появлению и первых двух. Когда красота и тайна теряют смысл и становится позволительным всё, что было непозволительно, когда ценности со знаком минус, постепенно перерождаясь, переходят в положительное качество, – теряет смысл и та сумма законов, которая содержит в моральных законах жизнь. Мы уже привыкаем к парадоксам, каждый из которых должен бы ужасать: чтобы сохранить мир – накапливать оружие, способное десятки раз уничтожить планету; чтобы казаться сильным – отнимать действительную силу, заражая воду, воздух и землю, получая продукты питания, напичканные ядами; чтобы выполнить продовольственную программу – сгонять с земли людей и объявлять их селения неперспективными, запахивая под культуру под именем бурьян; чтобы стать богатым – продавать богатства; чтобы очиститься от скверны – плевать в прошлое. И так далее. И наконец, чтобы утвердить народ в славе и достоинстве, импортировать ему чужие

образцы. Где право, где лево, уже не разобрать: сенокосола да и только.

Мы к месту и не к месту употребляем слова Достоевского из романа „Идиот“: „Красота мир спасёт“. Но он уже в „Бесах“ предупреждал: „Некрасивость убьёт“. То, что происходит сейчас с нашей культурой, могло бы напоминать древний сюжет с подменой на основании внешнего сходства, если бы он не был слишком прост. Но современные писатели этот сюжет усложнили, сделали его круче и занимательней, и выяснилось, что он как нельзя более подходит теперь под сравнение с положением в культуре. Недавно я прочитал книгу, в которой внешнее сходство, чтобы с успехом выдать себя за другого, не играет роли при нынешних технических возможностях, способных из любой некрасивости сделать красоту. Книга называется „Ловушка для Золушки“, автор её – известный мастер детективного жанра французский писатель С. Жапризо. И название, и даже жанр – всё тут к месту, всё годится для параллели. Вот краткое содержание этой книги.

Росли подружками две девочки, одна из которых по воле фортуны стала затем богатой, а вторая осталась бедной и завидовала богатой, имя и портреты которой мелькали на страницах газет и журналов. Бедная нашла случай сойтись со своей бывшей подружкой вновь, войти к ней в полное доверие и сопровождать её в путешествиях и развлечениях. Богатую ждало огромное наследство от старухи, которая была их общей крестной. Сначала Золушка пыталась письмами скомпрометировать наследницу, но, не получая ответа, сочла, что этого недостаточно. И тогда она вошла в сговор с воспитательницей наследницы, и вместе они замыслили её устранить, устроив в доме пожар, в котором бы богатая погибла, а бедная обгорела до неузнаваемости, что и дало бы возможность выдать её затем за наследницу.

Задумано – сделано. В пожаре одна из подружек сгорает, а второй, сильно пострадавшей, делают пластическую операцию лица, так что, будучи прежде едва не дур-

нушкой, она становится красавицей. Но полностью теряет память обо всём, что было с нею до пожара, и о сговоре, и о событиях, и о своей судьбе зная лишь со слов сообщницы.

Этим писатель старой школы, бесспорно и удовлетворился бы: потеря памяти – достаточное моральное и физическое возмездие, но нынешнему автору, и читателю тоже, столь бесхитростной и выпрямленной истории мало, по теперешним меркам, когда сама жизнь сплошь и рядом преподносит фигуры высшего пилотажа, она отдаёт преснятиной. Писатель умело заостряет её параллельным обратным ходом. Оказывается, наследница знала, что на неё готовится покушение. Больше того – она уведовлена была, что старуха-благодетельница перед смертью переписала завещание, отказав ей в наследстве, которое переходило теперь бедной. И она могла сделать то, что собирались сделать с нею. Всё сошло с мест: бедная становилась богатой, а богатая бедной, жертва превращалась в преступницу, преступница – в жертву.

Оставшаяся в живых не помнит, кто она – та, которой было отказано в наследстве, или та, на которую свалилось наследство. Сообщнице верить нельзя, да и она сама запуталась, кто есть кто. Преступление между тем совершено, жертва есть, а миллионы завещательницы остаются без хозяйки.

Не то же ли самое происходит с нашей культурой? Словно пластическую операцию сделали ей, чтобы некрасивость выдать за красоту, а безродность – за законное право владения. Словно без рук оказалось великое национальное наследие – без рук, способных его сохранять и достойно продолжать. Словно один преступный замысел пересёкся с другим, чтобы лишить народ памяти и чутья. Культурой и нравственностью стало то, что никогда ими не было, а в воспитатели вышли люди сомнительных правил, святость превратилась в насмешку.

„Никто не должен петь либо плясать несообразно со священными общенародными песнями. Этого надо остерегаться больше, чем нарушения любого другого закона“,

– сказано Платоном. Но от Платона миновало слишком много веков, кому теперь те времена в указ, хотя от них пошли и истина, и право, и искусство, имеющие для человечества непреходящее значение.

Но вот Л. Н. Толстой:

„Музыка – государственное дело. И это так и должно быть. Разве можно допустить, чтобы всякий, кто хочет, гипнотизировал бы один другого или многих и потом бы делал с ними, что хочет“.

Вот Циолковский, который был не только великим учёным, но и великим мыслителем:

„Музыка есть сильное возбуждающее, могучее орудие, подобное медикаментам. Она может и отравлять и исцелять. Как медикаменты должны быть во власти специалистов, так и музыка“.

„Специалисты“ явились во множестве. Музыка превратилась воистину в „государственное“ дело. Ни Волга, ни Севан, ни Арал, ни Байкал не удостоились и десятой доли общественного мнения, какое собрал на свою защиту рок. Стоило раздаться робким голосам, что да, запрещать рок не надо, но не надо и пропагировать его с той истовостью, какую выказали устные и письменные средства информации, что тяжелые формы рока небезопасны, как „вся королевская рать“ в лице искусствоведов, композиторов, исполнителей во главе с заслуженными и народными артистами вострубила в голос: искусство в обиду не дадим! Что мы – до сих пор чудь с древлянами, пиликающая на жалейках, или цивилизованный народ, за кого себя перед всем миром выдаем?! Молодёжи нужны свои ритмы, она не может вместе с вами петь заскорузлые слова о любви и верности, у неё трудная судьба поколения, не желающего принимать вашего фарисейства и идолопоклонства. Она впервые освободилась от наследственных пут рабов, и её свобода ни в чем не должна иметь ограничений.

Пробовали возражать медики, ведающие тайну болезней и медикаментов и наблюдавшие разрушительное влияние рока на психику. Никто их не услышал. И такой

довод, что от этой музыки происходят опасные изменения гемоглобина в крови, только подогрел кровь рокоманам и их защитникам. Оставив ударные стройки, шефство над роком взял комсомол. И пошла плясать губерния, то бишь страна. Новости по телевидению – под рок, музыкальные занятия в детском саду – под рок, классика – под роковую обработку, театральные спектакли под рок. Фестивали роковых групп, едва отгремев в одном городе, переезжают в другой, где их встречают с распростертыми объятиями. Этот праздник не кончается. Загранрок приглашается наперебой, а если не всякая группа имеет возможность немедленно откликнуться, в газетах траур.

„Приедет ли в СССР американский исполнитель рок-музыки Майкл Джексон?“ – выносит в рекламный букет вопрос газета «Советская культура». И отвечает: „В течение последних двух лет, сообщили нам в Госконцерте СССР, ведется постоянный поиск партнеров, которые могли бы взять на себя организацию гастролей в СССР популярнейшего исполнителя рок-музыки Майкла Джексона. К сожалению, эти попытки не увенчались конкретными результатами, хотя из ряда стран поступали предложения от менеджеров. Работа эта продолжается активно, поскольку Госконцерт хотел бы пригласить Майкла на серию концертов с тем, чтобы любители эстрады не только Москвы и Ленинграда, но и других городов нашей страны смогли познакомиться с его программами“.

Как не вспомнить: „Ну что же он не едет, ну что же он не едет, доктор Айболит?“

Быстро нашлись у рока и свои Стасовы. Правда, их художественная логика, профессиональный язык и нравственные оценки звучат с той же расстроенностью, на какой возникло их детище, но иначе и быть не может. Я мог бы процитировать десятки отзывов, похожих друг на друга неприятной самоуверенностью, в которой бездомность мысли и чувства восполняется вызовом и неумеренными восторгами. Пожалее ваше время. Вот один лишь образец, взятый из журнала «Смена»: „Чем выде-

ляется этот 26-летний юноша из ряда современных героев рок-н-ролла? – вкрадчиво начинает Нина Тихонова о лидере ленинградской группы „Кино“. – Колоритной восточной внешностью? Суровым выражением лица? Да. – Дальше предмет искусства диктует и пляску логики. – А еще странной уверенностью в своих силах. В сущности он поет о том же, о чем другие рокеры, – о своем поколении. Сценический образ воплощается в манере форсированно, с растяжкой произносить слова – похоже на стиль речи дворовой шпаны. Персонаж Виктора Цоя не просто готов выйти под дождь, отправиться в путь, вступить в бой. Он таинственно улыбается безусловной победе, даже когда сажает „алюминевые огурцы на брезентовом поле“. И когда тонет, хотя, как и все, знает близлежащий брод. Дело не в том, что он отказывается от легкого пути, дело в том, что он, позвав за собой, манит не на красивую гибель, а к выигрышу по большому счёту. Так уж сложилось, поет Цой – „где бы ты ни был, что б ты ни делал, между землей и небом – война“. И в тотальной возне за место под солнцем уверенность в осмысленности на первый взгляд иррациональных, „невыгодных“ поступков служит залогом сохранения духовности“.

Вот так. Вот что нынче „служит залогом сохранения духовности“.

Удержусь от соблазна цитировать самих бардов, которые считаются лучшими и слух о которых прошел по всей Руси великой.

Однако, из Руси великой одно за другим поступают сведения о результатах действия этого искусства. „Искусство есть орган жизни человечества, переводящий разумное сознание людей в чувство. Искусство должно устранять насилие“, – говорил Толстой.

В десятках городов молодёжные группы ведут между собой настоящие бои с применением оружия и терроризируют население. В поисках причин собираются психологи, юристы, социологи, медики, в чем угодно готовы они видеть истоки неожиданной агрессивности подростков, но об одном умалчивают, словно наложено на него

табу – о воздействии так называемой музыки. Об опасности тяжелого рока, о подавлении им сдерживающих нравственных начал и возбуждении злых, давно с тревогой пишут на Западе. Наши теоретики и добровольные пропагандисты рока не захотели внять предупреждениям и с той стороны, которая является родиной рока.

Рок был первой наживкой, которую мы проглотили с восторгом и бумом. За нею должны были последовать другие, и они не замедлили явиться.

В июне месяце москвичи обязаны были почувствовать себя счастливыми. У них появилась королева красоты, первая патентованная красавица столицы. О конкурсном шоу, назвавшем самую-самую, газеты рассказывали взахлёб. На первой странице «Московских новостей» объявлялись параметры красоты: „рост 176, вес 53 кг, объем талии 62 см, груди – 88 см“. „Значит школьная реформа коснулась всех“, – делают выводы авторы, поскольку „королева“ ещё сидит за партой. И ударяются в подробности: „Она ещё совсем юная, Маша Калинина. Ей ещё нет и семнадцати. И уже такое признание. В белом платье из „Бурда моден“ с золотистой лентой через плечо от „Дипломатик сервис“, в часах с бриллиантами от „Ив Сен Лоран“, окруженная со всех сторон призами от различных фирм, от одних названий которых закружится голова у любой женщины – „Джан-Франко ферре“, „Сан-Суси“, „Квин оф Саба“... Как сложится её дальнейшая судьба? Уже маячат впереди и зарубежные круизы, и рекламные съемки, и выгодные контракты...“

Газета «Комсомольская правда» подхватывает: „А может, это был публичный акт снятия паранджи с лиц наших женщин (но ведь русские женщины никогда на лицах паранджу не носили, она была у них там, где ей и полагается быть, и вот о чем хлопоты: снять её, как атрибут рабства, оттуда, куда её водрузили дикари ещё в первобытные времена)? Действо, которое вернет нам наконец женщину, воспетую Рембрандтом, Микеланджело, Серовым, Пушкиным, Блоком... Во всяком случае конкурсом „Московская красавица - 88“, как, впрочем, и уже прошед-

шим в других городах страны, положено начало новому, социалистическому молодёжному явлению“.

А председатель жюри народный артист СССР Муслим Магомаев добавляет: „Конкурсы женской красоты непременно должны войти в нашу жизнь. Ведь у нас не так много действительно молодёжных программ, шоу, где главными действующими лицами были бы сами молодые“.

И комментировать язык не поднимается, слишком ж всё здесь от святых имён искусства до „социалистического явления“ отдаёт издевательством и цинизмом. У Достоевского есть наблюдение о том, что народ наш, который не назовёшь ангелом, поступая дурно, сознаёт, что он поступает дурно, и не оправдывает себя... Сознают ли эти – не станем гадать; цинизм ведь тоже может быть свойством природы и иметь определённые задачи.

Зададимся вопросом: а чего это так расщедрились на призы западные фирмы, „от одних названий которых закружится голова у любой женщины“? Этакого вороха драгоценностей и предложений не отваливают они и собственным красоткам. Да ведь больно лакомый кусок: сама Россия, извечно считавшаяся дикаркой своей скромностью и стыдливостью, публично пала перед богатым соблазнителем. Это стоит денег. Раньше в полон отводили на аркане, теперь в „золотистой ленте, усыпанной бриллиантами“. Лёд тронулся. Впредь за погляд плату умерят, впредь потребуют большего. Союз кинематографистов выступил с инициативой о проведении конкурса на роль первой красавицы всей страны, творческая организация нашла достойное применение своим возможностям. Нетрудно представить (и всё-таки пока ещё трудно), какой шабаш будет происходить в конкурсных шоу по всем нашим городам и весям в течение двух лет с одновременным соревнованием местных звезд на каждый год. Сначала преувеличенное „у советских собственная гордость“, сейчас – у советских собственная униженность, ниже которой, кажется, нигде не бывало. Красота, считавшаяся несказанностью, тайной и чудом, для которых

не существует мерил, на десятки тысяч претенденток будет загнана в стереотип, раскрытый чужими портными. Перед этой явленностью померкнет всё – и „Я помню чудное мгновенье“, и „Я встретил вас, и всё былое...“

Что дальше – просматривается довольно ясно. Союз кинематографистов не зря возглавил новый почин. Там недалеко и до порнокино. Общественное мнение полуварварской страны к нему не совсем готово, идёт обработка. Телевизионная программа „Взгляд“ уже выступила в защиту гомосексуалистов, против которых пока действует закон. Проститутки у нас всюду дают интервью, делясь опытом жизни. Школьникам, чтобы не попасть впросак, предлагают пользоваться презервативами. Журнал «Смена» для совершенствования техники любовных игр советует подросткам начинать с муляжей. Искусство тоже не должно оставаться в стороне. „Секс в искусстве, эротика играют для человека весьма важную сублимативную роль. То, что недополучает он от интимной жизни в семье, то, что недополучает он в силу независимых от него обстоятельств, из-за болезни, например, он сможет компенсировать за счёт визуальных впечатлений. Ощущение, конечно, несравнимое, но всё же...“ (это, по-прежнему, журнал «Смена»).

Увы нам, ханжам! О сырых и болезных ведь пекутся, а нам невдомёк!

У Андре Моруа есть работа под названием „Письма к незнакомке“, а в ней глава „Одеть тех, кто гол“, которая начинается так:

„Известный английский писатель Джордж Мур рассказывал мне однажды, что, обнаружив в книге американского романиста Генри Джеймса фразу: „Я увидел на пляже совершенно раздетую женщину“, он спросил: „Почему 'раздетую', Генри? Здесь больше подходит слово 'голую'. От природы человек гол, одежда появляется потом“. Высокопарный и важный Джеймс задумался, затем ответил: „Вы ошибаетесь, Мур, для жителя цивилизованной страны естественное состояние – быть одетым. Нагота аномальна“.

У Андре Бяйи: „Женщина, дорожащая тайнами своего тела, не станет размениваться и в чувствах“.

Солженицын, объясняя, что могло заставить киевского студента Богрова пойти на убийство Столыпина, рассуждает: „Никто не говорит Богрову: пойдй убей! Он не связан практически ни с каким подпольем. Ему 24 года, и он в 24 года решает, что он, пожалуй, убьёт Столыпина и повернет направление России. Это более сложный, структурно более тонкий способ манипуляции – не простого подполья, а идеологического поля, общего направления. Но это ещё страшнее, потому что, как видите, само идеологическое настроение общества может создать террор“.

Суд способен и ошибиться, оправдать преступника и вынести приговор невиновному. Когда путает противоположности общество, это уже не ошибка, а избранное направление, имеющее определенные цели. Представьте себе мир, в котором вся система принятых эталонов и мер упразднена и человек оказался перед физической необходимостью самых простых вещей. Что делать ему? Не миновать как возможно скорей или возвращать старые меры, или придумывать новые. За два-три поколения удастся, вероятно, и к новым приучить человека, сами существующие в природе расстояния и объемы от этого не пострадают. Но в нравственном миропорядке, если отказываемся мы от принятых норм плохого и хорошего, освященных не одним тысячелетием человеческой культуры, мы тем самым извращаем и человеческую природу и поворачиваем ход моральных и этических стрелок назад на встречу со злом. Вздумай мы север назвать югом, а юг севером, земной шар не встанет с ног на голову, но при объявлении зла добром, некрасивости красотой и бесстыдства совестью, на те же самые 180 градусов перевернется и нравственная опорность человека. Апокалипсическое пришествие Зверя может быть и из нас самих, из нашего поклонения и увеселения плоти.

Культура, вместо того, чтобы противостоять перевороту своих ценностей с необыкновенной готовностью принялась их обслуживать, вскармливая внутри себя

собственного убийцу. Откуда эта неразборчивость и саморастление, далеко искать не надо. Ещё Л. Н. Толстой предупреждал: „До тех пор, пока не будут высланы торговцы из храма, храм искусства не будет храмом“.

Верно и то, что общая расстроенность и ненадёжность жизни, смятение цивилизованного общества перед угрозой подступающих одно за другим планетарных бедствий, далеко зашедшие игры с техническим прогрессом, превратившимся в монстра и поработившим своего создателя, способствовали и расстроенности искусства. Но тем более оно должно было, осознав меру опасности, держаться своих святынь и не отдавать их на поругание новым миссионерам, конструкторам всепроеходимой „машины времени“, с которой в обмен на чужую веру раздают блестящие побрякушки. Искусство держит оборону малыми силами, но оно сегодня и есть искусство, способное не поддаваться на дешёвые соблазны. Те, кто от имени искусства организует шоу с красотками, похож на спекулянта, торгующего чужими ценностями. Чистые звуки творятся чистыми руками. Культура и искусство, не имея прежде, как говорилось, чётких границ, начинают в последнее время, вместе с усиливающейся профессиональной разностью, приобретать их в том, чему они каждый служат – массовости во имя её духовного нигилизма и разъединения или выстоявшим – во имя их объединения и одухотворения. Массовая культура в её нынешнем виде явно ведёт к раскультированию масс. Это поселившаяся в доме муз публичная девка, на чей талант сбежалось общество искусствоведов особого рода.

Можно лишь диву даваться, с какой быстроногостью едва ли не во всех формах жизни кинулись мы перенимать чужую нажить. Будто и не было у нас ни собственной истории, должной оставлять отпечаток на собственном лице, ни тысячелетней культуры, взрослой на духовности и вызывавшей надежду светлых умов мира на всеобщее исцеление... Будто не было ни общественных институтов, ни крепости, ни союзного духа... Ни самобытности, ни традиций, ни характера, ни сил, ни идеалов –

не было, а явились мы сбродом невесть откуда и должны искать, под чьё покровительство отдаться, чтобы уцелеть в незнакомом мире.

Идеологическое общественное мнение, способное создать террор, о котором в случае с Богровым говорил Солженицын, снова обретает монополию на взгляды и вкусы и диктует условия. И сегодня на всякого, кто пытается напомнить об отечественных корнях или, не дай Бог, о святоотеческих началах, немедленно набрасываются как на опричника Ивана Грозного или Сталина, стоящего на культовых или клерикальных позициях и не имеющего ни биологического, ни гражданского права существовать в эпоху демократических перемен. Инакомыслием в собственной стране стало рассуждение, даже с оговорками, о её самостоятельности; невежеством и косностью – обращение к вечным ценностям нравственности и культуры. Дальше, дальше, дальше – от народной укорененности и эстетической троицы в искусстве – от Истины, Красоты и Добра. Ломать – не строить, выкорчевывать – не сеять, обогащаться – не обогащать. Идеалы, конечные цели? Что-нибудь потом придумается, а сейчас – дальше!

Ещё в 1877 году Достоевский в „Дневнике писателя“ рассуждал по поводу нашего преклонения перед иностранным:

„И чего же мы достигли? Результатов странных: главное, все на нас в Европе смотрят с насмешкой, а на лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерным снисхождением. Не спасала их от этого высокомерного снисхождения даже и самая эмиграция из России, то есть уже политическая эмиграция в полнейшее от России отречение. Не хотели европейцы нас почтить за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в коем случае: grattez, дескать le russe et vous verrez le tartare (поскоблите русского и вы увидите татарина – фр.) и так далее. Мы у них в поговорку вошли. И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, тем более они презирали нас самих. Мы виляли перед ними, мы подобострастно исповедывали им наши „европейские“ взгляды и

убеждения, а они снова нас не слушали и обыкновенно прибавляли с учтливой усмешкой, как бы желая поскорее отвязаться, что мы это всё у них „не так поняли“. Они именно удивлялись тому, как это мы, будучи такими татарами, никак не можем стать русскими; мы же никогда не могли растолковать им, что хотим быть не русскими, а общечеловеками...

А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество – я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам почти так же дорога, как Россия; в ней всё Яфетово племя, а наша идея – объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама. Как же быть?

Стать русскими во-первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего, надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу всё изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать. И действительно: чем сильнее и самостоятельнее развились бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы европейской душе и, породнившись с нею, стали бы тотчас ей понятнее. Тогда не отвергивались бы от нас высокомерно, а выслушивали нас. Мы и на вид тогда станем совсем другие. Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний“.

Получим ли? И готовы ли получить? – вот вопросы, которые возникают сегодня куда с большей остротой, чем при Достоевском.

Вероника Аренс-Пулавская

НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ КНИЖНОГО МАГАЗИНА

G L O B U S

A SLAVIC BOOKSTORE

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам.

ВЫПОЛНЯЕМ ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТЕ

Адрес: 332 Balboa Str. San Francisco, CA 94118
Т. (415) 668-4723

МАГАЗИН ОТКРЫТ ЕЖЕДНЕВНО
(кроме воскресенья)
С 10 до 6 ч.

Виктор Аксютин

Русская идея*

„Народ наш носит в себе органический зачаток идеи, от всего света особенной. Идея же эта заключает в себе такую великую у нас силу, что, конечно, повлияет на всю дальнейшую историю нашу“.

Ф. М. Достоевский.

„Для постижения России нужно применить теологические добродетели веры, надежды, любви... Мы должны осознать русскую религиозную идею и из неё понять все противоречия России“.

Н. Бердяев.

Название этой статьи не только обозначает актуальную проблему, но и полностью повторяет название работ Вл. Соловьева и Н. Бердяева. Как ни парадоксально, в работах „Русская идея“ – у Вл. Соловьева тема самой

---

* «Выбор» № 3, Москва 1988 г.

Русской идеи практически отсутствует, а у Н. Бердяева она растворена в творческих историософских построениях автора. Вновь возвращаясь к проблеме „Русская идея“, я не претендую на открытие новых исторических фактов, но лишь на попытку непредубежденного их осмысления. В то же время я не претендую на полное освещение темы. Мне хотелось бы поставить и вызвать обсуждение проблемы национального идеала самого по себе и диалектики его исторического воплощения.

О душе народа

Что есть то историческое единство, которое мы называем народом, нацией? Почему разные поколения одного народа связаны духовной преемственностью? Почему потомки отвечают за дела предков?

Все распространенные определения нации и народа являются частичными, ибо отражают только те или иные фрагменты эмпирического единства народа. Но есть некий метафизический стержень, который незримо соединяет все разрозненные элементы в то общее, что можно назвать народом. Это связывающее начало нематериально, оно и есть душа народа. Как и всякую душу, её трудно определить. Но указать на этот духовный центр народа мы в силах.

Существует замысел Божий о каждой душе, личной или соборной, и есть предмирный помысел этой души о себе самой. В вечности совершился свободный диалог Бога и человека, результатом которого явилось дарованное Творцом и принятое человеком назначение в этой жизни. Каждая вечная душа имеет личную и соборную сторону этого творческого соглашения в вечности. Нация не есть личность, ибо личностью может быть по существу только человек. Но нация, после семьи, наиболее личностна из всех исторических общностей. Нация имеет не личную, но соборную душу, запечатленную в вечности. Соборность же есть свободное единство личностей, во всей полноте их личностного бытия. Соборное

единение родственных душ есть родительское лоно народа и, вместе с тем, его стремление, его конечный идеал.

„Во Христе нет ни эллина ни иудея“, – это значит, что в Царствие Божие войдут свободные личности со всею полнотой и уникальностью своих личных качеств. Всё, что разделяет людей в этой жизни, сгорит при переходе мира в новый эон. И национальные различия и перегородки не доходят до неба и не сохраняются в вечности. Но путь к свободному братству всечеловечества у каждой души свой, и в этот путь она отправляется совместно с родственными душами. Нация – это соборное согласие личных духов, заключенное в вечности и реализующееся на земле в единстве места и времени воплощения, то есть общности мирской судьбы. Мы все друг перед другом и совместно взяли великие творческие обязанности, и призваны в этой жизни вспомнить, понять это назначение, найти друг друга, восстановить свое небесное братство и во взаимной любви и опоре друг на друга пройти наш общий земной путь.

Таким образом, метафизическое согласие личных душ находит отражение в физическом плане жизни в общности их исторической судьбы. Поэтому народ – это прежде всего **общность исторической судьбы**, в которой воплощается творческая миссия душ, породнившихся в предмирной вечности. В общей земной судьбе воплощается замысел Божий о народе и свободное самоопределение народа. Все остальные характеристики: общность земного происхождения (крови), языка, территории, времени, хозяйственной жизни, культуры, государственное единство, – являются только эмпирическими формами единой судьбы народа. Тех или иных форм может не быть, но народное единство тем не менее будет существовать. Кто разделяет эту судьбу, тот и принадлежит к этому народу. Свобода личного самоопределения настолько безгранична, что человек способен „скорректировать“ свой предмирный выбор, и может „вписаться“ в конкретный народ, не будучи соединенным с ним по

происхождению. Но это только исключение из всеобщих принципов.

Истинность метафизического определения народа подтверждается и фактом сохранения в веках еврейского народа, который неоднократно смешивался кровно с другими народами, ассимилировался культурно, менял язык и нравы, тысячелетия не имел „общности территории“ и хозяйства, не имел собственной государственности, но тем не менее вполне сохранился как единый народ. Еврейство сохранилось как таковое только в силу ощущения общности исторической судьбы. Как и в судьбе каждой души, в ней есть элемент таинственного, скрытого за пределами истории. Но ясно, что еврейство смогло сохранить самобытность только потому, что спаивалось, сознавало оно это или нет, исполнением какой-то грандиозной исторической миссии.

Каждый народ имеет свое духовное назначение, которое определяет его исторический облик и направление его исторического движения. Природные условия и достигнутый уровень культуры оказывается материей воплощения этой метафизической интенции народа и, как всякая материя, налагает печать на форму воплощения духовной задачи. Но в трагедии земной истории формулируется надисторический **идеал** народа – духовное раскрытие его изначального небесного призвания. Идеал народа вбирает в себя всё лучшее, что о себе помыслил и что из Божьего завета совершил в истории этот народ.

Русская идея

Сущность того, что мы переживаем сейчас, можно было бы выразить словами: мы как народ совершили глубокое духовное падение – отказ от Бога, а значит и смысла жизни. Но, вопреки „здравому смыслу“ истории, мы не уничтожены окончательно, ещё живы, и имеем шанс выжить и **возродиться**. Но это возможно только в том случае, если мы станем самими собой в лучшем своем качестве – вновь раскроем замутнённый образ Божий в себе.

Оказавшись на дне исторического провала, мы фактом жизни своей получаем возможность увидеть в прошлом России **не только** череду заблуждений и пороков, но и образ **обновленной, преображенной** России, контуры того идеала, который русский народ мучительно нарождал в себе, к которому стремился вопреки всем своим грехам и падениям. Были точки в истории России, когда русская идея просияла немеркнущим светом – это, прежде всего, свет русской святости. Были периоды, когда идея национального призвания замутнялась и предавалась забвению. Но она никогда **не прерывалась**, а обогащалась трагическим опытом истории. И вот эта непрерываемая линия и есть линия нашей жизни, это – передаваемый от поколения к поколению **завет** Бога о русском народе. И только живой дух этого богочеловеческого завета, только приобщение Русской идее дает нам, как народу, и каждому из нас, как личности, возможность устоять, выжить и преобразить свою жизнь.

От выбора православия – первого шага национального самостояния, от первых русских летописей и „Слова о законе и благодати“ митрополита Илариона, через исторические победы народа над смертельными врагами, через непревзойдённую русскую способность выживать и упорное государственное строительство, через русскую святость и русскую гениальность, – в трагических испытаниях и муках растёт и ширится **содержание** Русской идеи: замысел Творца о русском народе и ответный помысел народа о самом себе, о своем историческом бытии и призвании. Русская идея – есть **идеал** русского народа, который он возжигал перед собой, к которому стремился и которым судил себя. Как всякий идеал, он в чем-то далёк от исторической эмпирии, но как всякий **истинный** идеал он является внутренним моментом истории, её духовной доминантой.

В чём состояли основные свойства Русской идеи? В неё входят не только черты народного характера, но и основополагающие начала души, которые придают набору характерных черт индивидуальное сплетение и неповто-

римую направленность. В русской духовности изначально формулируется убеждение в том, что русский народ – **богоносец**, что русские и русское несёт в себе некое божественное начало, обязывающее народ сохранять его и донести до других народов. Русский народ имеет некое божественное призвание, и эта миссия – всечеловечна. Русская идея – глубоко христианская. Она отражает миссию русского народа в христианстве, его путь и его задачу в раскрытии христианской истины – универсальной и всечеловеческой. Разные народы могут идти различными путями в одном направлении – к Истине. Тот опыт добра, который собирает народ в своём историческом пути, не исключает, а дополняет опыт других народов, и христианская истина объёмлет всё многообразие земных путей и земного опыта. Русская идея есть небесное отражение земного пути русского народа к истинной жизни.

Русская идея глубоко **софиологична**. Не случайно первые христианские храмы на Руси посвящались Софии – Премудрости в Любви Божией. В иконописи развилась оригинальная софиологическая тема, религиозную мысль всегда волновал софиологический вопрос. Идея богоносности русского народа укоренена в софийном призвании. София как Вечная Женственность – это женственная природа Триипостасного Бога, лоно Божьего творения, рождающее лоно Творца мира. София – мироустроительница, собирательница, охранительница творения Божьего, заступница чад Божиих. Из Божьего хранилища – Софии получает человек образ и материал творения, силу и импульс к сотворчеству Богу. Из рук человека, как сотворца Божьего, София принимает созданные им образцы Нового Бытия. София – Душа Мира, создательница коллективных душ наций и человечества, начало соборности и Церкви Христовой. Это осмысление Премудрости Божией и роли её в творении неслось и развивалось в Русской идее. В русском благочестии образ Премудрости нередко воспринимался через образ Богородицы, ибо в Деве Марии явлена полнота Софии-Девы – Вечной Жены

Вечного Жениха - Логоса, а Мария - Богородица воплощает полноту Софии как твари, рождающей в мир Бога. Русское православное чувство и сознание было предано этому всеобъемлющему образу Софии-Премудрости Божией. Оно сказывалось в русской религиозности, в русском отношении к жизни, в наборе и отборе черт характера русского народа. Софийная любовь - это радостное приятие Премудрости как замысла Творца о творении и, вместе с тем, любовь к миру как творению Божьему. Все элементы содержания Русской идеи носят софиологический характер. Из созерцания Софии рождалась идея соборности.

Соборность представляет собой свободное общество свободных индивидуальных душ, свободное братство вечных личных духов, в нём раскрывается полнота природы каждого и единство в любви всех. Личность - это степень вочеловечения, достигшая высот индивидуальной свободы и неповторимости в свободной обращённости и любви ко всем личностям. Таким образом, соборность - это свободное единение свободных личностей. Истинная соборность достигается в единстве **всего человечества вечных душ** в любви. Любовь является силой сцепления соборно-персоналистических начал и играет огромную созидательную роль в истории.

Христианство - религия любви, православие - установка на преображение мира любовью. Русская идея - это утверждение соборной любви в жизни. Идеал православия - любовь на земле по образу небесной любви Ипостасей Святой Троицы: „Дабы воззрением на Святую Троицу уничтожался страх розни мира сего“. Поэтому Русская идея настолько пронизана троическим умозрением. Чаще всего и во все времена храмы на Руси посвящались Св. Троице. Духовный центр Руси - Свято-Троицкая Лавра, основанная Св. Сергием Радонежским. Зримым выражением Русской идеи является икона Андрея Рублева - Св. Троица.

Это - идея соборности, её идеал, который и был идеалом русского народа. Соборность Русской идеи выража-

лась прежде всего в глубокой и органичной укорененности в православии – наиболее соборного вероисповедания в единственно соборной религии – христианстве. Принципы организации Русской Православной Церкви соборны, даже больше, чем Византийской. Характер русского православия отражает идеальный характер русского народа, и наоборот, ибо православие есть органичная школа воспитания русской души, лоно формирования Русской идеи.

Как писал Ф. М. Достоевский, „... народ русский в огромном большинстве своём – православен и живет идеей православия в полноте, хотя и не понимает эту идею отчётливо и научно. **В сущности** в народе нашем кроме этой „идеи“ и нет никакой, и всё из неё одной исходит, по крайней мере, народ наш так хочет, всем сердцем своим и глубоким убеждением своим. Он именно хочет, чтоб всё, что есть у него и что дают ему, из этой лишь одной идеи и происходило. И это несмотря на то, что многое у самого же народа является и выходит до нелепости не из этой идеи, а смрадного, гадкого, преступного, варварского и греховного. Но и самые преступник и варвар хоть и грешат, а все-таки молят Бога, в высшие минуты духовной жизни своей, чтоб пресёкся грех их и смрад и всё бы выходило опять из той излюбленной 'идеи' их“.

Эта идея христианской соборности была духовной основой русского национального единства, которое ощущалось, прежде всего, как религиозное – единство в Истине. Чуткий гений Достоевского выделял эту „неустанную жажду в народе русском, всегда в нём присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христа“.

Соборный характер проявлялся во всечеловечности и универсализме Русской идеи, в том, что Н. Бердяев ошибочно называл тоталитарностью русского характера.

В с е ч е л о в е ч н о с т ь Русской идеи означает, что русский народ не чужд ничему инородному, открыт всем благим влияниям. Пушкин отмечал эту черту в русском

человеке: „переимчивость его известна... Никогда не встретите вы в нашем народе невежественного презрения к чужому“. В то же время, русский ощущает своё как общечеловеческое, призван нести своё всем народам и всему миру, но не насилием, а служением и примером. „Что такое сила духа русской народности, как не стремление её в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности“ (Ф. М. Достоевский). Открытость и обращенность к другому и другим вместе со стремлением сохранить собственную самобытность – это черта соборности, всечеловечности.

В историческом бытии народа всечеловечность отражается в характерно русской уживчивости, в здоровом инстинкте общежития, без которого невозможно было бы устроить нормальную жизнь множества национальностей в рамках крупнейшей в мире империи: „Ужиться народ русский со всяким может, ибо много видел видов, многое заметил и запомнил в долгую, тяжелую жизнь свою двух последних веков“ (Ф. М. Достоевский). В историческом строительстве русский народ во многом вело стремление к содружеству и сотрудничеству различных наций и, вместе с тем, идея национального единства, что есть жизненная проекция соборной всечеловечности.

Универсализм Руской идеи в том, что истина, которую стремится постигнуть русская душа, есть истина всего и обо всём, она касается бытия в целом и всего в нём. Всё в жизни должно быть приобщено истине. Русская идея соборности не уводит в частность и частичность, но стремится охватить все аспекты жизни единым организующим принципом блага. Всё в этом мире должно устроиться по Божией правде. Пытливость и безграничность познания и деятельности – отражают универсализм русского характера. Широта русской души не меньше, чем обширность русских пространств.

Только христианство может воспитать ощущение бесконечной ценности и неповторимости каждого человека. Только в христианской культуре может развиваться **персоналистическое** отношение к миру. Но развитие личност-

ного самосознания протекало двумя путями. На Западе – на основе сильных индивидуалистических традиций и унаследованного римского права. В России же молодой природный народ, в котором не развиты индивидуалистические начала и сильны коллективистские стремления – отдаётся очарованию христианской соборности.

Так как формирование соборности в России упреждало формирование персоналистичности, то сам персоналистический принцип специально не развивался в Русской идее. Отсюда слабое воспитание в русской душе чувства личного права и долга, т. е. того, что называется силой личного характера и ясностью правосознания. Однако в Русской идее содержались те основоположения, которые могли развиться в оригинальные представления о личности. Русская соборность несёт в себе потенцию своеобразной персоналистичности.

В начальном соборном жизнеощущении личность ещё не осознает и не требует своих прав. Здесь совершенно отсутствует индивидуалистическое представление о том, что личность может отстаивать себя даже ошибаясь. Специфичность русской соборности в том, что она развивала ощущение братства, любви, милосердия, т. е. признание абсолютной ценности другого человека. Христианское смирение, кротость не подавляют индивидуальность, но воспитывают любовное отношение к другому человеку. Братская любовь утверждает личностное достоинство любящих. Тот, кто бесконечно любит и ценит своего ближнего и потому хочет, чтобы он спасся как таковой, – тот не захочет силой загнать его в рай. И такая новозаветная любовь и ощущение самоценности каждой личности („человек – выше субботы“) порождает персоналистические устои. И религиозное воспитание Православия, и мощное государственное строительство в **идее** своей были направлены на защиту человека от смертельных стихий, грозящих его существованию, и на **создание условий** для жизни, роста и совершенствования личности. Таким образом, в безличных формах Русской идеи коренится глубокая персоналистическая устремлённость.

Русская идея вбирает в себя специфически русское переживание **свободы**. У свободы два аспекта: „свобода от“ – от внешнего давления, контроля, авторитета. Борьба за этот аспект свободы характерна для народов Западной Европы и приводит к развитию формального права и правосознания. Именно закон гарантирует „свободы“, т. е. защищает от внешних посягательств на свободу личности. Но полнота свободы предполагает и другой аспект её – „свободу для“, т. е. свободное внутреннее самоопределение. Можно иметь все права на свободу, но не быть внутренне свободным, не стремиться свободно творить себя. Полнота свободы объединяет эти два аспекта и замыкается чувством свободной ответственности: свободное решение до конца свободно только в том случае, если свободно принимается ответственность за его последствия.

В Русской идее больше развивался второй аспект свободы. Характерно русское переживание свободы – это свобода как воля. Русский человек не борется за внешние свободы, но стремится „по воле пожить“. Для него взыскуемым идеалом является воля-вольная, т. е. самоосуществление по органической потребности души и сердца. Русскому человеку оскорбительным было бы представить свою жизнь раз и навсегда регламентированной и предписанной. Он хочет новых обстоятельств жизни и нового самоощущения. Такую вольготность души можно удовлетворить только в безбрежных русских пространствах. Русский человек может терпеть тяжелые обязанности и даже закрепощение, но он совсем не выносит неволи, т. е. ограниченной жизни и ограничения жизненного пространства. Клетка, даже золотая – хуже самой тяжелой жизни. Любые внешние рамки ощущаются как помеха для души. Тяга к воле постоянно выделяла в народе наиболее активный элемент, который оказывался организатором новых форм жизни и колонизатором новых пространств. В поработанных массах народа всегда была сильна тоска по воле-свободе. Но эту установку подстерегали соблазны. Во-первых, недооценка внешних условий

свободы, т. е. малая активность в развитии правосознания и в создании свободных общественных и государственных форм жизни. Во-вторых, подмена свободной воли слепым своеволием.

Русское **органичное право** создается добром, а не силой („не в силе Бог, а в правде“) и не взаимным договором эгоистических интересов, не принуждением и не законом. И такое право на Руси создавало силу. Право – как незыблемый авторитет правды и силы, наименьшей формальной регламентированности при наибольшей органичности и цельности – это специфически русское переживание права. Формальное право не воспринималось как добродетель, ибо критерием было чувство правды, а не права. Русская идея была нацелена не на созидание правовых форм, а на воспитание такого душевного строя или такого нравственного порядка души, который может не нуждаться во внешней регламентации законом. „В России содержание всегда предпочиталось форме, совесть – букве закона, мораль – силе, а сила – интриге“ (И. Солоневич). В этом сказывалось большое доверие к людям и малая любовь к законам. Отсюда – приоритет внутреннего, духовного авторитета над внешним – юридическим и рационалистическим. Жизнь по вере, а не по долгу и обязанности. Правда выше долга, а долг выше права. Лев Тихомиров отмечал, что „никогда русский человек не верил и не будет верить в возможность устройства жизни на юридических началах“. Понятно, что в таком пренебрежении к правовым общественным и государственным формам таится большая опасность. Но это есть своеобразный путь исторического строительства, который открывает и новые возможности. В этом жизнеощущении заложены основания оригинальной и, вместе с тем, истинно христианской **нравственности**, укорененной не в формальном моральном законе, а в свободной потребности любви, милосердия и справедливости. Это – нравственность, основанная не на чувстве долга, а на совести и любви: поступаю так не потому, что должен, а потому, что иначе не могу. Отсюда характерная русская

совестливость. Предел Русской идеи – это господство правды, доброты и любви. Пронизанная добром Русская идея воспитывала добронравие, доброту и душевную ласку. Русский человек добр и сострадателен и по идеалу, и по потребности души.

Как писал Н. Бердяев, „православие воспитывало русский народ не нормами поведения, а образами жития святых и культом святости, и центр тяжести религиозной жизни православие полагало в молитве, которая есть богообщение, а не нормировка жизни“. Вместе с тем, необходимо видеть, что нравственное и правовое чувство русского человека, покоящееся на оригинальном христианском жизнеощущении, не достигло ещё в Русской идее степени самосознания. Было сильно органичное чувство добра и правоты, но не было ещё незыблемого нравственного сознания и ясного правосознания личности. Этим потенциям Русской идеи ещё предстояло и предстоит развиваться.

Глубинный онтологизм Православия воспитывал **онтологичность** национального характера. Русская идея ориентирована на основоположения жизни, а не переходящие её формы, на сущность вещей и бытия, а не брэнную их плоть, на истину и правду саму по себе, а не её житейские отражения. Русский дух ценит и тянется к абсолютному, а не к текущему. Поэтому „русскому народу так свойственно философствовать. Русский безграмотный мужик любит ставить вопросы философского характера – о смысле жизни, о Боге, о вечной жизни, о зле и правде, о том, как осуществить Царство Божие“ (Н. Бердяев). Такая озабоченность высшими и большими вопросами – специфически русская черта. Жить, твердо стоя на земле, но устремляясь к небесному, всё земное меря вечным.

Отсюда Русская идея проникнута здоровым **реализмом**, что значит признание самоценности этой жизни и ценности земного устроения. В одновременной устремленности к горнему и к земному нет никакого болезненного разрыва, как то представлялось многим. Такая гармония антиномий лежит в основе христианства, религии Богоче-

ловека, религии преображения и спасения в Боге всего тварного мира. Сохраняя эту бытийную дуполярность, а не срываясь в близорукий спиритуализм или слепой натурализм, Русская идея остается наиболее верной истине христианства: цель – за пределами жизни и мира, но путь к ней лежит **только** в пределах мира сего, – и в этом – высшее значение жизни.

Смысл жизни – в историческом накоплении добра. Добро откладывается в вечности, но совершается оно в этой жизни. И потому жизнь воспринимается как драгоценный дар Божий. Жизнь – самоценна и потому ценно всё живое в ней. Оно требует человеческой защиты и бережения. Это выражается в отношении к природе, которая для русского человека является как бы продолжением его души и тела. Это не противопоставленная человеку натура, но то, что „при-роде“, т. е. в роде, в родовом, и что не чуждо, но родное.

Из-за этого бережного отношения к жизни Русская идея не склонна к крайностям, но сориентирована на поиск мудрого равновесия между разрывными антиномиями. Истина есть единство многообразия и гармоническое равновесие противоположного. Именно радикальный религиозный онтологизм делает Русскую идею умеренно реалистичной по отношению к мирской жизни. Русскую государственную, общественную, церковную и бытовую жизнь устрояет „здравый смысл“, холодная мудрость и основательность жизненного опыта. Мудро-покойны и светло-реалистичны Сергей Радонежский, Нил Сорский, Серафим Саровский. Инстинкт упорных строителей, а не радикальных реформаторов господствует у большинства русских князей и царей, у абсолютного большинства русских тружеников. Главная магистраль русской истории есть поиск разрешения непрерывных конфликтов и противоречий жизни, поиск узкой тропы истинной жизни. Без этого инстинкта равновесия и спасающей середины русский народ был бы давно раздавлен обрушивающимися на него испытаниями. Всякий энтузиазм проистекает из слепой и ложной веры. Маниакальны энтузиазм в

иосифлянстве, в опричнине Грозного, у никонианцев и раскольников, у Петра I. Все крайние цели, методы и средства в русской истории были срывами в Русской идее и изменой русскому характеру. Осторожное напряженное устроение жизни, а не радикальные переломки, – позволяли создать условия для внутреннего духовного воспитания людей. Так реалистичность Русской идеи замыкается на её онтологичности, земля соединяется с небом.

Может быть с этой мудростью реалистичности связано то, что Православие не ставило, по словам Н. Бердяева, „слишком высоких нравственных задач личности среднего человека, в нем огромная нравственная снисходительность. Русскому человеку прежде всего было предъявлено требование **смирения**... Смирение и было единственной формой дисциплины личности. Лучше смиренно грешить, чем гордо совершенствоваться“. Характерно русское смирение – это смирение перед непосредственным божественным авторитетом – смиренно открыться голосу Божьему в себе и смиренно следовать ему. Смиренно принять бремя Креста Христова – креста жизни, смерти и воскресения. В этом дерзновенном христианском смирении проявляется понимание долгого и трудного пути земного совершенствования.

Из всего этого проистекает неискоренимый **оптимизм** Русской идеи, русского Православия и русского характера. Русский человек приучался принимать жизнь такой, какая она есть, но во имя того, какой она должна быть. Не тяготиться жизнью, любить всё живое в жизни. Именно глубокая вера и ощущение мира иного позволяли ценить радость жизни как тяжкий, но благодатный путь в Новую Жизнь. Если буддийская вера – это бестрагичный и унылый пессимизм, античное отношение к жизни – это трагический безысходный пессимизм, то христианство воспитывает чувство **трагического оптимизма**. Пережить трагедию жизни и смерти в светлом уповании. Русская идея, как глубоко христианская, наделяла ощущением жизни как Креста Христова – „через Крест – воскресение“ и „смертию смерть поправ“. Отсюда острое чувство тра-

гизма смерти, невозвратности в пределах жизни наносимых ею потерь, но полное отсутствие безблагодатного и безысходного ужаса смерти. Смерть богопротивна, это величайшее зло, но Христос пришёл, чтобы вырвать жало смерти, и человек с Христом и во имя Христа преодолевает смерть. Смерть разрушает жизнь, но она и итожит жизнь, снимает крест жизни и выводит за её пределы. Такое христиански сложное отношение к смерти характерно: „отмаялся“, „отмучился“, – говорит умудренный русский человек об умершем. Кто-то из писателей сказал, что такую подготовленность к смерти можно увидеть только в глазах русских старух.

Светлая вера и глубокий оптимизм наделяют русский характер беспрецедентной исторической **выживаемостью**. Суровость природы и открытость для нашествий обрушивали на русский народ такие бедствия, которые стерли бы с лица земли любой другой народ. Только глубокая укорененность в неотмирном позволяла твердо стоять в этом зыбком мире и сохраниться как единый народ. Эта несокрушимая и упорная выживаемость является не только биологической силой крови, но и жизненным принципом Русской идеи, ибо без него в истории не оказалось бы ни народа, ни его идеи. Онтологический оптимизм русского характера позволяет народу пережить страшные катастрофы, устоять перед невиданными испытаниями, подняться после глубокого падения и восстать преображенным под крест жизни, на Крест Христов.

Совокупность свойств Русской идеи наделяла этот идеал зарядом исторической **динамичности**. Русский народ – это народ упорных и трудолюбивых строителей истории, освоителей, организаторов хаоса в жизнь. Работа для русского человека – это не унылое тягло, а благодатный крест. Русский человек должен любить труд, и он любит трудиться. Стремление восстановить разрушенное, освоить девственное, придать дикому гармонию и лад, создать новые формы, – привело к культурному освоению огромных суровых пространств, к организации на них более совершенной жизни.

Богатое содержание Русской идеи и всего, что воплощалось этим идеалом – наделяло русский народ острым чувством **патриотизма**. В русском патриотизме сказывалось безотчётное чувство общности национальной судьбы и уникальности миссии русского народа. Миссия народа – в служении Мессии Христу. Сохранить свою православную истину и быть свидетелем её перед другими народами – эта патриотическая гордость покоилась не на индивидуалистической, и не на националистической, а на мессианской основе. Русская идея награждала чувством общенационального долга, призвания народа и его совместной ответственности. Западноевропейский патриотизм определялся во многом чувством общегосударственного единства. Своеобразие русского патриотизма в ощущении народом единства своей земли, единства нации даже вопреки государственной раздроблённости. Соединяло народ не государство, а религиозно-мессианская идея. Сила патриотических чувств заставляла народ объединяться перед всяким вторжением извне, которое грозило лишить народ его исторической самобытности, т. е. отымало у него родное лоно, в котором в труде и муках нарождался и оформлялся путь национального призвания и спасения. Это чувство ревнивого и ревностного патриотизма могло переходить в терпимость к собственным недостаткам и к своим тиранам: „лучше худое, да свое, чем лучшее, но чужое“. Избежать такой крайности можно было только в равновесии всех свойств Русской идеи.

Стержнем Русской идеи, собирающим все её значения в единый неповторимый смысл, является концепция **„Святой Руси“**, **„Москвы – Третьего Рима“**. „Святая Русь“ в Русской идее – это духовный идеал царства правды и справедливости, любви и добра, по которому должна отстраиваться Русь историческая. Миссия „Москвы – Третьего Рима“ – отстоять и сохранить чистоту Божией истины, замысел Творца о творении, нести её всем народам, но не насилем, а примером бескорыстного труда и служения другим. Миссия русского народа – открыться

учению Мессии и устроить жизнь по Христу. Это не есть хилиазм, т. е. стремление установить тысячелетнее Царство Божие в границах мира сего. Это – следование к замирному Новому Небу и Новой Земле, но так, чтобы свет преображения и воскресения освещал и путь к нему. Во тьме мира сего может светить и вести только идеал воскресения Христова – воскресения человека в Боге и Бога в человеке.

Русская идея есть великая идея и во имя её совершались великие дела. Она была внутренним идеалом народной души, даже если не осознавалась вполне. Русская идея укоренена в русском жизненчувствии. Этот ориентир жизни оставался таковым даже и тогда, когда ему переставали следовать. „Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во Христовы минуты, он никогда в правде не ошибётся. То именно и важно, во что народ верит как в свою правду, в чем её полагает, как её себе представляет, что ставит своим лучшим желанием, что возлюбил, чего просит у Бога, о чем молитвенно плачет. А идеал народа Христос“ (Ф. М. Достоевский).

Это – основоположения Русской идеи, но не самой русской жизни. Как и всякая жизнь, русская была искажением собственного идеала, но вместе с тем, и трудным историческим развитием этого идеала. Всё лучшее, выстроенное в русской истории и основы самой жизни русского народа – проистекают из русской идеи и кристаллизуются в Русскую идею. Трагическим узлом русской истории, впервые полно обнажившим содержание Русской идеи и, вместе с тем, совершившим поворот от Русской идеи – была победа иосифлянкой церкви над духовной традицией нестяжательства. В „ереси иосифлянства“ русская всечеловечность подменена азиатским чванством, универсализм – партикуляризмом, патриотизм – национализмом, русское смирение – смиренной гордыней, доброта и милосердие – жёсткостью внешних требований и жестокостью. Православная святоотеческая традиция пос-

тепенно вытесняется еретическим начётничеством латинских и протестантских авторов. Органичное почвенное отвергается, разрушается и подменяется чуждым. Иосифлянство было виновником последующего поворота русской культуры от своего истинного к чужому ложному. Напряжение государственного строительства по благословению иосифлянства срывается в государственное крепостничество. Духовное воспитание личности подменяется разнузданием горделивой самости. Соборность срывается в ложные формы коллективизма. Живая духовность закостеневаает в обскурантизме. Динамичное ответственное историческое делание расщепляется в защитную стагнацию, с одной стороны, и безудержное своеволие – с другой.

С победой иосифлянства в душе народа совершился отказ от развития Русской идеи, предательство своей исторической миссии. В Московский период русской истории этот внутренний поворот распространяется на все сферы жизни и заканчивается переворотом Петра I, то есть утверждением материальной власти ложных идей иосифлянства. В Петербургский период на арене русской истории господствует антирусская идея. Двухсотлетнее господство лжерусского духа приводит к российской катастрофе 1917 года. Конечно, ни в один из этих периодов борьба Русской идеи и за Русскую идею не закончилась, но она всё более уходила в глубину. Содержание Русской идеи обогащалось и очищалось в трагическом опыте истории. Эта борьба именно сейчас достигла высшего напряжения. И от её исхода зависит не только историческое бытие русского народа, но и существование всего человечества.

Миссия мессианских народов

Чтобы понять глубинный смысл и оценить глобальное значение борьбы за Русскую идею, необходимо сравнить её с судьбой религиозно-национальной идеи еще одного

мессианского народа – еврейского. Русский и еврейский народы, при всём различии их характеров и истории, имеют нечто общее, отличающее их от всех народов. И это общее лежит в духовных измерениях. Ни один народ в мире не мыслил и не говорил о себе, что он есть народ **богоизбранный** – как еврейский, и **богоносный** – как русский. И не про один народ в мире не говорили так другие народы. Два народа объединяет острое чувство **мессианизма**, что нужно отличать от исторического миссионизма, т. е. ощущения каким-либо народом своей миссии, задания в истории. Миссионизм ограничен какой-либо исторической задачей – большой или малой, – но задача эта стоит только в пределах истории. Мессианизм же направлен за пределы истории, в грядущее, к концу веков. Миссионизм сам по себе не частое явление в истории, но все известные имеют частный характер: культурный миссионизм греков, государственный и правовой миссионизм римлян, националистический миссионизм немцев, имперский миссионизм англичан, миссионизм демократии у американцев. Но только у русского и еврейского народов в основе исторического самосознания лежит идея мессианская, идея **спасения** народа и человечества. Убеждение это покоится на вере в Мессию – Спасителя, и на вере в конечное торжество Царства Божьего, которое грядёт с Мессией.

Таким образом, жизнеощущение, национальное самосознание и чувство исторического призвания еврейского и русского народов укоренены в вере в Спасителя-Мессию. Можно сказать, что эти два народа видели свою земную миссию в мессианизме. Но содержание мессианских идей у них различно. Судьбы этих народов настолько трагически переплелись, что имеет смысл рассматривать в сравнении формирование их религиозных идеалов.

Но прежде необходимо остановиться ещё на одной проблеме, связанной с этими. Дело в том, что в христианском мире есть еще один народ, который называл себя мессианским. Во всяком случае в нем была сильна мессианская идея. Это – польский народ. Вначале я при-

веду высказывание на эту тему современного русского философа.

„Польский мессианизм делает честь польскому народу, но настоящим мессианизмом не является. Исконно Польша не имела такой идеи, считала себя одним из западноевропейских народов. Идеи объединения всех народов у неё не было никогда. Внутреннее разделение между высшими и низшими сословиями польского общества было колоссальным. У польского шляхетства – носителя мессианской идеи – было огромное презрение к простонародью. Завоеванные народы были низшими сословиями. Заговорили в Польше о мессианизме только когда попали в порабощение. Причем, польский мессианизм был плодом разгоряченной мысли выдающихся поляков, находившихся на чужбине, в парижской эмиграции, являющейся бродилищем различных интернациональных идей. Польский народ остро ощущал свое угнетение, но, тем не менее, ни о каком мессианизме не помышлял.

Итак, мессианская идея польской интеллигенции: Польша своими страданиями искупает все грехи человечества, и когда её освободят, то наступит освобождение человечества. Польша как бы заслужила своими страданиями, чтобы мир освободил её, но это освобождение было бы спасительным и для мира. Это – исключительно обостренное чувство собственной нации, в котором нет ничего самоотверженно мессианского. Поляки были самоотверженными по отношению к своей нации, но идеи самоотверженного служения другим нациям и человечеству, – у них не было вовсе. В этом мессианизме не было идей всечеловечности и жертвенности.

Польский мессианизм всегда сочетался с идеями социализма. На этапе страдания мессианизм не был достоянием всего польского народа, не затронул народные массы. После того, как Польша отделилась от России – мессианизм совершенно исчез. Оказалось, что это была привнесённая идея. В современной Польше вновь возрождается мессианская идея в формах антикоммунистического польского католичества. Но хотя польское католи-

чество сейчас очень сильно, оно является бытовым, национальным. В нём поляк черпает ощущение своей национальности. Оно мало направлено на общечеловечность, но сориентировано на выделение из человечества, что ещё раз доказывает, что это было чрезвычайно напряженное национальное сознание, одетое в цвета мессианизма. Может быть корни этой идеи в общеславянском чувстве мессианизма, которое по-разному преломилось у различных народов. У поляков эта идея усилилась католичеством. Но только в России она достигла всечеловеческого значения“ (М. Е. Аверьянов).

К этому можно только добавить, что польский мессианизм не укоренён в беззаветной вере в Мессию-Спасителя. Движут им более партикулярные тенденции. Скорее в одежды эсхатологического мессианизма облекался исторический миссионизм. Цель польской идеи целиком имманентна истории: национальное и социальное освобождение польского народа. Порабощение и страдание польского народа в **основном** были итогом авантюристической политики польского шляхетства, цель которого „Великая Польша от моря до моря“. Захваченным и порабощённым народам (как украинцам и белоруссам) Польша не только не несла никаких мессианских идей, но и никакого культурного миссионерства. Эти народы были низшими сословиями, искусственно задерживались в культурном развитии, денационализировались, перекрещивались. Сейчас польская религиозность во многом является формой оппозиции господствующей идеологии, в ней сильны антирусские настроения, которые подменяют антисоветские и антикоммунистические.

Таким образом, соблазнительность польского мессианизма проявляется и сегодня. Но, тем не менее, в этой двоящейся идее есть зерна великой истины: о национально-религиозном призвании польского католичества. Польское религиозное сознание способно поведать миру об уникальном опыте страдальческой судьбы польского народа. В нем есть своя неповторимая и, вместе с тем, спасительная для мира истина. Но чтобы это произошло,

Польская идея должна возвыситься до искреннего и беззаветного служения всечеловечеству, Мессии.

Еврейский народ был порождён духом религиозной исключительности. Вокруг Моисея в Египте сплотились **разноплеменные** группы, **объединённые общей верой** в Единого Бога Яхве. Исход из Египта был выходом в свет нового народа, который не создан долгим естественно-историческим отбором, но рожден в одночасье инстинктивным, но мощным объединяющим духовным импульсом. Новый народ породила новая вера, и религию эту нёс в себе только этот народ. Вне еврейства нет иудаизма, а вне иудаизма не может быть еврейства. Из исторической судьбы еврейства до распятия Христа выпадают те племена, которые отпадают от веры в Яхве и в Мессию. Итак, еврейство сплавляется как народ, живёт и несёт в себе религию, которая есть вера в Единого Бога, есть вера в Мессию, и есть убеждённость, что иудаизм – единственная истинная вера. По отношению к нему все прочие – просто формы неверия.

Когда многострадальная и кровавая история нарождения этой религиозной истины в народе заканчивается воплощением Самой Истины в образе человека-единоплеменника, абсолютное большинство евреев не признает Воплотившегося Бога и предаёт Его распятию. Этим заканчивается всемирно-историческая миссия иудаизма как приготовления боговоплощения. Но этим начинается новая мировая миссия еврейства. Внутри народной души происходит болезненный разрыв („и разорвалась завеса в Храме“...).

Большая часть евреев, не приняв Христа, изменяет своей исторической и религиозной миссии и, тем самым, меняет свою природу. Нехристианское еврейство перестает быть наиболее метафизическим, самым высоконравственным народом своего времени. Религиозная метафизика, опаляющая нравственность ветхозаветных писателей и пророков, резко выродилась в талмудическое законничество, в нравственную беспринципность и серви-

лизм. Это была плата за предательство и распятие Истины. Всё усиливающаяся умственная и нравственная выхолощенность еврейства является формой непризнания собственного преступления, неприятия своей вины и болезненного отталкивания от Распятия. Еврейская культура и судьба в христианскую эпоху во многом определяется слепым самооправданием за совершенное предательство Христа. Так самый метафизический народ в мире превращается в самый антиметафизический. Дух антихристианского еврейства – один из наиболее разрушительных и разлагающих духов современности. Утративший мистическую глубину еврейский разум порождает безбожную античеловеческую идеологию и создаёт мертво-рационалистическую, нравственно-позитивистскую картину мира. Современные властители дум, „маги“ антихристианского еврейства диктуют представления о вселенной (Эйнштейн), о человеческой душе (Фрейд), о законах истории (Маркс). Создают современную „науку наук“, науку обо всём и ни о чем, о связи всего на основе „ничто“ – „черного ящика“ – кибернетику (Винер). Всё это гениально сложно, местами глубоко, всё очень „полезно“ и „продуктивно“ для телесного „блага человека“, но золотые зерна истины зацементированы в этой картине антитеистической и антиперсоналистической установкой.

После распятия Христа внутри еврейства определилась малая часть, которая восприняла спасающую истину, сохранила её и донесла до других народов. Без этого еврейства мир не знал бы откровения христианства. В лице немногочисленных избранников еврейский народ выполнил свою всемирно-историческую миссию, сохранил условия общенационального исцеления и спасения. Отныне в самом еврействе былой метафизический дух и нравственная твердость возвращаются **только** с принятием Креста Христова.

Величайшую миссию подстерегал великий соблазн. Еврейский народ большей частью соблазнился о Христе, меньшей же – сохранил верность своему призванию. История не окончена, не окончена и судьба еврейства.

Какая из сторон расколовшейся национальной души возторжествует – определится свободным религиозно-национальным выбором еврейства.

Историческое самосознание русского народа тоже начинается с рождения духовного – с крещения в Православие. То, как русский народ принял крещение, само по себе является чудом. Нельзя сказать, что какая-то готовность к христианству была во всем народе. Но в немыслимо короткие сроки народ искренне и глубоко обратился. Сопротивление христианству, по сравнению с другими народами, было мизерным. Через сто лет после крещения Русь уже была традиционно христианской страной. В строе жизни, в мировоззрении, в жизненности людей были восприняты коренные христианские идеалы: любви, милосердия, прощения. Можно сказать, что крещение Руси – это своего рода Богоявление. Оттого русский народ очень скоро и ощутил свою богоносность. Но когда из Русской идеи выпадает христианский стержень – происходит великое падение, ибо это означает духовную смерть.

Как и еврейский, русский народ очень рано осознал свое религиозно-национальное призвание. Русская идея была идеей служения Христу и подчинения этому служению всей жизни. Поэтому русский народ остро ощущал свою богоносность, свой мессианизм. Богоизбранность – это чувство собственного избранничества, выделения Богом. Богоносность же – это осознание несения некоей божественной миссии, борения за обретение истины и несение истины другим. Богоизбранность ориентирует на свое, сосредотачивает на открывшейся истине в себе. Богоносность открывает себя другим. Еврейский народ **избран** Богом для служения другим через служение высшему в себе. Русский народ **несёт** Бога в себе для других. Полное проявление обеих миссий наделяет эти народы божественным достоинством. Когда же эта религиозная ориентация вырождается, на ней паразитируют демонические силы. Еврейский народ замыкается в

националистической гордыне, изгоями становятся не только „неверные“ Слову Божьему, но и все не-евреи. Русский народ превращается в слепую экспансионистическую стихию, несёт народам подменную „истину“. Так пики духовного подъема обрываются пропастью.

Русский народ не смог сохранить верность открывшимся ему христианским идеалам в той полноте, которой требовала его историческая миссия. Постепенно совершается отказ от Русской идеи, и, тем самым, измена собственной духовной природе. Очевидно, началом внутреннего отказа от „Русского Христа“ было торжество иосифлянства над традицией нестяжательства. В предыдущем – накапливались отдельные соблазны и отступления. В иосифлянской церкви, которая стала церковью общерусской, внешнее благочестие, подменяющее христианское воспитание души, сервиллизм в отношении к государственной власти, отсутствие нравственной взыскательности, обскурантизм и болезненный консерватизм становятся господствующей ориентацией. В последующие периоды происходит историческое накопление результатов этого ложного выбора.

Очевидно, самым опасным для прельщения звеном в Русской идее оказалась концепция „Святой Руси“, „Москвы – Третьего Рима“, также как в еврейской мессианской идее – концепция „Царства Божьего“ на земле. Истинный религиозный идеал – в неотмирности, в небесности „Царства Божьего“, которое есть Новое Небо и Новая Земля. В этом самая глубокая религиозная истина, которую впервые обнажает христианство: цель мира сего – за пределами мира, жизнь есть путь человека, ведомого Богом в Царство Божие. Поэтому Богочеловек с небес воплотился на земле: „Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом“.

Раскрытие этого высшего идеала чревато великими соблазнами. И вот русский и еврейский народы соблазнились о Царстве Божием. Еврейство разработало **теорию** хилиазма – тысячелетнего Царства Божьего **на земле**. Распятием Христа оно обрело эту установку на **безбож-**

ность. „Царство Божие“ без Бога – это основной срыв и русского духа. Высокий идеал „Святой Руси“, „Москвы – Третьего Рима“ был подменён идеалом иосифлянским – „священным царством“, которое должно огнем и мечом насаждаться внутри и нестись во вне. Идеал свободы, любви и правды подменяется идеалом рабства, насилия и беспринципности. Более того, идеал сам по себе видится не в сфере идеального, но отождествляется со сложившимися историческими формами. „Святая Русь“, по иосифлянству, не на небе, а на грешной земле, а московский князь есть „Святой Царь“ „Святого Града“. Естественно, что историческое воплощение такого заниженного и искаженного идеала оказывалось ещё более безобразным, чем то, к чему он призывал. Этот иосифлянский соблазн „царством“ и выпустил на арену русской истории новые мощные духи разлада и расщепления.

Духи зла паразитируют на энергии устроения „Святой Руси“. Идеал „Москвы – Третьего Рима“ как духовного града правды и справедливости подменяется уродливой маской иосифлянского „священного царства“. Но подмена эта не обнаруживается и до сих пор, что породило массу смещений и путаницу. Так, Н. Бердяев возводит „истоки и смысл русского коммунизма“ к самой Русской идее. По его мнению, „святая Русь“ могла породить только советскую Россию, а идеал „Москвы – Третьего Рима“ органично развился в идею Третьего Интернационала. Это роковое заблуждение не только вымарывает всё благое в русской истории, но и лишает современность **всех** надежд на возрождение. Ибо без истинно Русской идеи, равно как и без очищения её от искажений и паразитаций на ней, русскому народу не восстать из пепла.

Таким образом, с иосифлянского срыва в русской душе постепенно разнуздываются демонические силы. Нарождающиеся и обретающие историческую плоть коварные духи зла паразитируют на Русской идее, унижают и искажают её высокие идеалы. Опричнина Грозного, Смутное время, Раскол, Петровские „реформы“, рационалистическое разложение христианства в XVIII веке – всё это

этапы размывания духовных устоев России.

Отказ от истинных христианских идеалов вызвал расслоение и в русской душе. На исторической арене всё больше торжествовали нехристианские ценности, но в глубине жизни сохранялась и оттачивалась Русская христианская идея. После Петра I Русская идея продолжилась не в царстве, не в историческом теле церкви, не в исторических деяниях народа, а в народном благочестии, в русской святости, в русской гениальности. Измена своей миссии вызывает в большей части народа, особенно в образованных слоях, потерю органичных качеств души и развитие ложной ориентации. Характер русского народа так же изменился к худшему после отступления от христианских идеалов, как и характер еврейского после распятия Христа. Оба народа, имея высшее назначение, совершили наибольшее отпадение, ибо, зная истину предать её есть величайшее падение во зло.

Трагический срыв русской истории в 1917 году не в последнюю очередь является следствием и итогом отпадения русской жизни от Русской идеи. Но, тем не менее, в течение веков Русская религиозная идея сохранялась в глубине культуры и обогащалась в трагическом опыте истории. С 1917 года развитие Русской идеи полностью отделяется от исторического тела России и от того, на чем паразитирует богоборчество. Этот огненный опыт выжигает наносное в Русской идее и придает ей новое качество. Образуется внешняя и внутренняя духовная эмиграция, что есть попытка отсечь в себе раковую опухоль идеологии смерти и разрушения, изжить её метастазы. Но вот начинается возвращение изгнанных верных сынов Отечества. Тело России ещё в судорогах и конвульсиях, но душа просыпается после горячечного состояния. И только торжество этого оздоровительного процесса – залог спасения России и русской культуры.

Итак, два народа, считающие себя мессианскими, дали миру новое откровение, но и совершили духовное преступление – хулу на Спасителя. Падшая часть еврейского народа оформила радикальную атеистическую доктрину –

марксизм – самую изощренную форму антихристианства как самооправдания. Падшая часть русского народа наплотила сонмы духов зла. Природа „русского коммунизма“ покоится на двух „китах“:

1) Еврейская атеистическая коммунистическая **идея**, взращённая в формах западноевропейского рационализма, материализма и позитивизма.

2) Русское духовное помутнение, ставшее **почвой и плотью** этой богоборческой идеи.

Хотя идеология богоборчества была сформулирована на Западе, так воплотиться она могла только в России. С одной стороны, ясно, что идеология разрушения – совершенно чуждое явление для России, с другой же – она нигде в мире не дала такие всходы, как в России. Современный мировой погром есть во многом плод греха двух мессианских народов. Души русского и еврейского народов соединились во зле, что породило форму **антихристианского мессианизма**, или лжемессианизма. Россия и еврейство ощущали призвание спасти весь мир, но создали интернационал разрушения.

Этим объясняется тот факт, что антиномические отношения мессианских народов превратились в антагонистические, и мировые силы антихристианского еврейства сконцентрировались в России. Ни один народ в мире не претерпел столько от этих сил, сколько народ русский. Евреям в России грозит черное неблагоприятное отмщение. И если оно произойдёт, то это будет означать окончательную духовную гибель русского народа.

Судьбы еврейского и русского народа трагически и роково переплелись в добре и во зле. Дальнейшее их существование и спасение целиком зависит от решения проблемы века – освобождения от одержимости антихристианскими духами. Этим же определено и взаимоотношение обоих народов. Злым силам удалось столкнуть два избранных народа друг с другом, и обоих – в пропасть. В попытках слепого самоопределения каждый из них стремится переложить вину за происшедшее на другой. В этом – корни инстинктивного русофобства

евреев и антисемитизма русских. Взаимная ненависть падших частей русского и еврейского народов достигла уже безотчётно-инфернального характера. Через неё силы мирового сатанизма пытаются покончить с человечеством.

Такой диагноз болезни двух мессианских народов, ставшей болезнью общемировой, предполагает определённые средства излечения. Не взаимное обвинение и сваливание всех грехов и причин зла друг на друга, а взаимное покаяние русского и еврейского народов в своих глобальных грехах. Нам следует не считаться, кто кого хуже или лучше, а подумать о том, как вместе выбраться из ямы, в которую мы завели всё человечество. Чем больше мы сознаем свой грех, тем больше должны уповать. Два народа, близких в избрании и падении, могут помочь друг другу и всему миру пережить величайшую в истории катастрофу. Это возможно только при возвращении каждого народа в русло собственной религиозной мессианской идеи, осознание того, что **смысл и содержание** этой идеи едины - в Спасителе-Мессии-Христе. Только соединение в Истине двух великих народов даст возможность возродить их национальную самобытность. Без Христа и вне Христа евреи и русские будут продолжать избивать себя, друг друга, и разрушать мироздание. На Русской Голгофе решается судьба и русского, и еврейского народов, и судьба всего мира. Возвращение русского народа к Христу и Русской идее, возврат еврейского народа к истинному Спасителю-Мессии возродит сами эти народы и откроет перед миром новые исторические перспективы. Объединенные раскаянием и любовью, силы обновленной России и силы благодатного еврейства могут дать истории новый творческий импульс.

Москва, 1985 г. - февраль 1988 г.

Глеб Анищенко

Нужен ли „Нюренбергский процесс“ в Москве*?

Сталинизм сейчас, безусловно, является главной исторической темой, обсуждаемой у нас в обществе. Выяснение сути этого феномена идёт по двум направлениям: обсуждение ряда вопросов средствами массовой информации и работа Комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30 - 40-х и начала 50-х годов.

Средства массовой информации занимают предельно активную позицию: огромное количество статей, мемуаров, интервью направлены на разоблачение сталинизма. Если бы это происходило в прежние времена, всё было бы нормально. Тогда почти любое заявление газеты (особенно «Правды», «Известий»), радио, телевидения воспринималось как закон. Было даже гораздо более значимым и жизненным: газета и телевизор – для всех и каждый день, а конкретное содержание закона советский человек узнавал разве что на суде. Теперь – дело иное. Везде царит полный разнобой: не знаешь, кому верить. Даже заявления членов правительства перестали для граждан быть чем-то непреложным.

Хотя, казалось бы, именно в отношении сталинизма господствует относительное единодушие (если не считать таких „проколов“, как статья Н. Андреевой). Однако это единодушие затрагивает лишь самый внешний план,

---

* «Выбор» № 6 (октябрь - декабрь 1988 г.), Москва.

выражаясь, как правило, в общей отрицательной оценке сталинизма как весьма абстрактного явления. Когда же речь заходит о конкретных проблемах, опять начинается разногласия (вопросы о разделении вины между Сталиным и его окружением, о роли Сталина в войне, об оправданности ряда экономических, политических, юридических решений и т. д.). В результате всего этого и сейчас нет никакой возможности говорить о Сталине и сталинцах как о преступниках с точно определенным составом преступлений. Оценка того, либо иного, факта оказывается зависящей от точки зрения отдельного автора, которая чаще всего субъективна. Объективны, увы, только миллионы жертв, разоренная страна и искалеченный народ. Таким образом, перенос основного центра разоблачения сталинизма в сферу средств массовой информации грозит подменой общепризнанного объективного факта более или менее частным мнением. Мало того, чтобы преступника ругал журналист – преступника должен судить народ. Обилие разных частных мнений само по себе, конечно, полезно. Но, когда речь идёт о величайших в мировой истории злодеяниях, о жизни и смерти народа, – этот народ вправе несколько потеснить „плюрализм“ мнений и потребовать однозначной правды.

Более непреложных результатов по сравнению с теми, которые достигаются с помощью средств массовой информации, можно было бы ожидать от второго направления разоблачения сталинизма – от работы Комиссии Политбюро. Её председатель – Соломенцев – в интервью «Правде» характеризует комиссию как орган главный („О всех заседаниях сообщается в печати, по радио, телевидению“), демократический („В своей работе комиссия опирается на широкую общественность“), рассматривающий события прошлого во всенародном масштабе („нас в равной мере интересуют судьбы и видных деятелей партии, государства и, рядовых граждан – рабочих, крестьян, служащих“). Однако при внимательном взгляде на работу комиссии (даже сквозь призму интервью) все эти заявления оказываются чистойшей демагогией. В отношении

„гласности“ показателен уже тот факт, что первый более или менее подробный рассказ о комиссии (интервью с Соломенцевым) появился в печати только 18 августа 1988 г., т. е. почти через год после её создания (октябрь 1987-го). Сообщения же о заседаниях комиссии и судов сводились лишь к краткой информации, оглашению конечных результатов. Не было помину о тех мерах, которые могли бы обеспечить настоящую гласность: полные прямые репортажи, оперативная публикация всех без исключения материалов работы комиссии. Людей просто оповещают о том, что отныне Бухарин и Рыков, например, не считаются немецкими шпионами. Но по-прежнему для народа остается сокрытой объективная правда о конкретных преступлениях сталинизма, обнажающая суть самого этого явления.

Немного стоят и разговоры о „демократичности“ комиссии и её подхода к изучаемым проблемам. Состав этого органа говорит сам за себя: в него входят исключительно высшие партийные деятели и нет ни одного представителя общественности. Никакого механизма контроля общества над работой комиссии не существует. Из самого интервью следует, что участие граждан сводится лишь к исполнению роли свидетелей, которых опрашивают по отдельным вопросам. Поэтому не стоит удивляться, что комиссия, представляя интересы партии в разборе сталинских преступлений, занимается прежде всего внутрипартийными делами: существование фракций, партийная реабилитация и т. д. Не случайно, что и в предшествующей работе и в перспективном плане основное внимание уделяется „блокам“, „центрам“, „оппозициям“, но в тени остаются преступления глобального масштаба: коллективизация и раскулачивание, переселение народов, репрессии против людей, побывавших в плену и оккупации. Вообще же можно сказать, что работа комиссии касается непартийных членов общества (т. е. его абсолютного большинства) только в части реабилитации отдельных „простых“ граждан. Но и это при отсутствии гласности становится делом скорее личным, чем общест-

венным.

Особого внимания требует не только вопрос о жертвах, но и вопрос о палачах всех рангов. И тут беседа с Соломенцевым дает весьма интересный материал. Примечательно, что уже интервьюеры переводят проблему из плана юридического в план моральный: „Ведь моральная ответственность за это не имеет срока давности“. Подразумевается, по-видимому, что с юридической точки зрения срок давности должен действовать. Приведу здесь один пример. В телепрограмме „Взгляд“ зашла речь о соловецких лагерях: в студию последовал звонок с сообщением о том, что один из руководителей этих лагерей является персональным пенсионером и живет в центре Москвы. Ведущий попросил видного юриста прокомментировать данный факт. Тот ответил, что соловецкий начальник не может быть привлечён к ответственности, т. к. истёк срок давности. Здесь налицо, конечно, бесстыдная ложь. Даже самый безграмотный юрист в состоянии открыть Кодекс и прочитать статью 48 (п. 4, ч. 4): „Вопрос о применении давности к лицу, совершившему преступление, за которое по закону может быть назначена смертная казнь, разрешается судом“. В данном случае речь идёт именно о таком преступлении – об участии в умерщвлении тысяч людей, т. е. об „умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах“. Но дело даже не в том, что написано в современном Кодексе: любое законодательство должно изменяться или дополняться, когда открывается **тип** преступлений, неучтенный в этом законодательстве. Та же 48-я статья была дополнена в своё время Указом ПВС СССР о неприменении давности к лицам, виновным „в преступлениях против мира и человечности“. Однако этот Указ относится сейчас только к гитлеровцам, а совершенно необходимо распространить его действие на всех преступников подобного рода.

Соломенцев, по-видимому, понял невозможность говорить лишь о „моральной ответственности“ и предложил другой путь ухода от принципиального решения проблемы: „По вскрытым фактам нарушения социалистической

законности в 30-х, 40-х и начале 50-х годов, виновные уже понесли наказание в уголовном, служебном и партийном порядке“. Даже перечисляются 6 фамилий расстрелянных во главе с Абакумовым. Перечисление сопровождается характерной оговоркой: „Не для всех, видимо, секрет, что...“ Да, не для всех секрет, что Абакумова убрали, обрубая этим многие концы, так же, как в свое время убрали Ягоду, Ежова, Берию. Но подобные закулисные расправы есть лишь ещё одна печать, скрывающая от народа другой „секрет“ – глубину, смысл и генезис совершенных преступлений. Поэтому не внушает никакого оптимизма заявление Соломенцева относительно еще не названных преступников: „Мера ответственности каждого из них, несомненно, будет определена“. С уверенностью можно сказать, что если комиссия и в дальнейшем будет вести закрытое внутривнутрипартийное разбирательство, то народ, в лучшем случае, получит извещение о том, что товарищи такие-то исключены из партии. И дело тут вовсе не в степени суровости наказания: даже смертная казнь в данном случае будет не актом народной справедливости, а кровавой подачкой, призванной удовлетворить не слишком нравственное чувство – чувство мести.

Если говорить о восстановлении норм нравственности нашего народа, то не месть и расправа над отдельными людьми необходима, а точное выявление состава и размера преступления как сталинизма в целом, так и конкретных преступников. Это нужно, конечно, не для частных акций вроде „очищения“ кремлёвской стены или переименования городов. Речь сейчас должна идти о главном – о восстановлении народного самосознания. Один западный человек, гостивший недавно в России, сказал: „Удивительно, что современные немцы будут глубоко оскорблены, если при них запеть солдатские песни гитлеровских времён, а на вас, русских, пение самых лживых песен сталинской эпохи не произведёт никакого впечатления, в лучшем случае вызовет улыбку“. На это нечего возразить, всё действительно так и обстоит. Те же самые средства массовой информации, которые поносят

Сталина, одновременно, раз за разом, без всяких комментариев, передают сталинские песни, показывают соответствующие фильмы, перепечатавают произведения сталинской литературы. И большинство людей спокойно, без содрогания, слушает, смотрит, читает. А это означает, что сталинизм жив, что у страны и народа нет истинной скорби по неисчислимым жертвам, нет стыда за великий позор, нет покаяния в тягчайших преступлениях и грехах. Когда ругают Сталина, говорят, что это есть „восстановление исторической правды“. Но без чувства скорби, стыда и покаяния никакой правды быть не может. Тут не отделаешься сносом одного памятника и возведением другого.

Для христианина и особенно для христианина русского, православного совершенно очевидно, что единственный выход из нынешнего катастрофического положения состоит лишь во всенародном соборном церковном покаянии. Если мы, христиане, являемся отдельными членами целого – тела Христова, Церкви – то всё тело и должно очистить себя, покаянно смыть приставшую грязь. Может ли это покаяние совершиться сегодня или завтра? Да, может, но только как чудо. Думаю, что каждый истинный русский патриот молит Господа, чтобы Он ниспослал это чудо на нашу землю. Но мы не в силах предугадать Божий Промысел и не имеем права пассивно ожидать чуда, рассчитывая времена и сроки. Мы обязаны делать то, что можем сделать.

Нетрудно представить согласный покаянный порыв у народа, сохранившего непосредственную живую связь с Богом и Церковью. Но у нас в стране почти столетнее надругательство над душой и телом народа прервало большинство этих связей. Народ как целое потерял свою веру, память и сознание. Через их восстановление лежит путь к покаянию. Для того чтобы покаяться, надо прежде всего узнать и осознать ту бездну греха, в которую мы погрузились. И тут не избежать „суда мирского“. Библия ведёт через Закон к Благодати. Этот путь, по-видимому, должна пройти сейчас Россия.

Говоря о „суде мирском“, я, конечно, не имею в виду мстительную расправу. Речь идёт лишь о выяснении полной истины, выявлении подлинного лица преступника. Очевидно, что эту задачу могут выполнить только гласное глубокое следствие, открытое тщательное судебное разбирательство, осуществлённое с участием и под контролем нашей и мировой общественности, всех средств массовой информации. За основу здесь следовало бы, на мой взгляд, взять главные принципы Нюрнбергского процесса. Я сознательно оставляю за пределами этой статьи сравнение фашизма и коммунизма, отказываюсь измерять тяжесть совершенных преступлений и говорю о Нюрнбергском процессе как о юридическом прецеденте. Напомню, что процесс был подготовлен очень оперативно (начался в ноябре 45-го года), проведён в предельно сжатые сроки (меньше года), все его материалы стали достоянием самой широкой гласности. Приговоры Нюрнберга не отличались излишней жестокостью: 12 казнённых и 7 приговорённых к длительным срокам заключения. Сила правосудия обрушилась не столько на конкретных людей, сколько на само явление: фашизм был осуждён как таковой, осуждению подверглись и его некоторые исполнительные органы (СС, СД, гестапо). В Нюрнберге человечество поставило на фашизме вечное нестираемое клеймо. Правда, в последующие годы, благодаря однонаправленным усилиям различных государственных и национальных группировок, основная линия Нюрнберга – приговор явлению – была подменена дотошным выискиванием отдельных бывших нацистов и расправой над людьми, чаще всего не способными к дальнейшим преступлениям.

Необходимо принять все меры, чтобы процесс над сталинизмом избежал подобных искажений, но клеймо на преступлениях и преступниках следует поставить с нюрнбергской твёрдостью и безусловностью. Однако, исходя из специфики данного процесса и его гуманных целей, суд во всех случаях обязан выносить решение о замене смертной казни какой-либо формой казни граж-

данской. Такой замене должно подвергаться и наказание в виде лишения свободы при том условии, что приговорённый, в силу своего возраста, состояния здоровья или иных обстоятельств, не способен в дальнейшем совершать аналогичные преступления и не представляет общественной опасности. Я думаю, что именно такая постановка вопроса, а не закрывание глаз на величайшие злодеяния, была бы единственно возможным в сложившейся ситуации актом истинного народного милосердия.

Приговоры могли бы включать в себя в отдельных случаях лишение избирательного права, запрет на профессию, на занятие определённых должностей. Суд обязан лишать приговоренного того имущества, которое добыто преступным путём и тех привилегий, которые получены незаслуженно. Элементарные нормы социальной справедливости диктуют необходимость предоставить таким преступникам лишь те гражданские права и материальные блага, которые в данном государстве считаются минимально возможными.

Мне кажется, что только подобные юридические меры могли бы сделать осуждение сталинизма необратимым и способствовать пробуждению сознания и памяти народа. Но о сталинизме я говорю здесь в качестве примера и лишь потому, что именно это явление оказалось сейчас в центре внимания. На самом деле совершенно невозможно рассматривать любой отрезок истории коммунистической власти в России в отрыве от всех других: налицо целостная, неразрывная система. И все эти 70 лет (а если рассуждать строго, то надо захватить определённые периоды и тенденции ещё двух предшествующих веков) требуют покаяния и искупления.

Однако, если исходить из сегодняшней реальности, то приходится признать, что в настоящий момент народ, по разным причинам, ещё не в состоянии осознать всю свою историю нынешнего века. Но сейчас в этой исторической цепи обнаружилось слабое звено – сталинизм. Защищать его мало у кого хватит сил и наглости. Вот с этого звена и надо начать, по нему общество вполне может и должно

нанести решающий удар. Не из-за того, повторяю, что сталинизм есть совершенно особенное или самое страшное явление, а из-за того только, что оно в данное время наиболее уязвимо, доступно полного раскрытия и безусловного разоблачения.

Все здоровые силы общества не должны, на мой взгляд, разменивать себя на воплощение „теории малых дел“ (сооружение и упразднение памятников, переименование городов и улиц и т. д.). Нам совершенно необходимо всенародное „большое дело“. Им, мне кажется, могли бы стать требование и подготовка „Нюрнбергского процесса“ над сталинизмом. Здесь более, чем где-нибудь, возможно достигнуть соглашения между самыми различными общественными слоями, группами и течениями.

При должном подходе этот процесс стал бы для народа школой справедливости и милосердия, школой памяти и свободы. Полное и глубокое представление о 30-летнем отрезке нашей истории неизбежно проложило бы пути к осознанию истории предыдущей и последующей. А там уже, если даст Бог, забрезжит покаяние и возрождение.

II

Вскоре после написания первой части этой статьи в печати появились публикации о 17 исках Ивана Шеховцова в защиту товарища Сталина. Суда потребовали сталинисты. И сегодня, когда много говорится о создании у нас правового государства, именно сталинист Шеховцов, как это ни парадоксально, преподал всем образцовый урок правового мышления: „Коль скоро суда над вдохновителями террора не было, то и называть их палачами и даже обвинять в преступлениях незаконно“.

Общественность попыталась ответить Шеховцову. Но если Шеховцов стоит на чёткой правовой позиции, то практически для всех этих ответов характерно, как мне кажется, непозволительное смешение разных понятий и категорий. Укажу хотя бы на статью П. Гутионтова в

«Известиях». В споре с Шеховцовым автор ссылается на то, что по отношению к Сталину „уже вступил в законную силу“ „приговор Истории“ и на то, что мы называем Малюту Скуратова или Тимура преступниками, хотя суда над ними не было.

Попробуем разобраться в этой аргументации. Прежде всего, надо сказать, что правовая система не может быть ключом к пониманию истории, она призвана выполнять совершенно иную функцию – служить регулятором жизни общества на данном этапе. Отсюда вытекает, с одной стороны, необходимость посадить на скамью подсудимых вора или бандита, а с другой – бессмысленность уголовного процесса над Скуратовым или Тимуром. Называя их преступниками, мы выносим нравственный, а отнюдь не юридический приговор: правовые мерки к ним никогда не применялись. Для развития человечества в данное время вполне достаточно „приговора Истории“. Если же современное общество вдруг сочтёт, что не может нормально существовать без точного юридического выяснения преступлений Тимура, то такой суд должен состояться.

Безусловно, что и по отношению к сталинизму следует отделять вопросы моральные от вопросов юридических. Это принципиально важно. Моральную ответственность за преступления, совершенные в России, несут в той или иной степени не только все без исключения её жители, но и народы всего мира. Степень эта значительно увеличивается, если говорить о членах коммунистических партий: следующий круг увеличения виновности – все работники карательных органов и т. д. Но это – если речь идёт о суде моральном. Иное дело с судом юридическим.

Мы можем не подать руки – вынести моральный приговор – бывшему гардеробщику НКВД, но посадить его на скамью подсудимых, если работа ограничивалась выдаванием номерков, нельзя. Дальше – сложнее. Являются ли уголовными преступниками рядовые охранники лагерей? А следователи, применявшие пытки в дозволенных тогда рамках? Вопросов всех оттенков здесь множество. Ответы на них может дать только открытый процесс над стали-

низмом как таковым. Если суд признает эту систему с её законами преступной, нанесшей колоссальный ущерб всему человечеству, то сами собой решатся многие фундаментальные проблемы. Вопрос о сроке давности неизбежно надо будет решать по аналогии с осуждением фашизма. Отнимется возможность говорить о невинности „рядовых исполнителей“. Ведь мы не оправдываем „рядовых исполнителей“ акций какой-нибудь банды тем, что они просто подчинялись существующим в ней законам. Если законы преступны, то их исполнители – преступники. Точно так же отпадает вопрос о том, что законы не имеют обратной силы: ведь судить преступников будет не „перестроившаяся“ банда, а общество, которое не желает иметь ничего общего с этой бандой.

Поскольку же суда не было, сейчас можно лишь отвлечённо, теоретически рассуждать на эту тему. На мой взгляд, например, охранники лагеря не являются юридически преступниками в той части своей деятельности, которая связана именно с охраной заключённых, т. к. сам факт содержания людей под стражей не выходит за рамки ныне существующего в мире представления о человечности. Но уже тот лагерный начальник, который отвечал за содержание узников, по-видимому, может быть признан преступником, т. к. согласился исполнять указания, попирающие все нормы человечности.

Таким образом, самые общие законы, выработанные человечеством, должны становиться основой для выработки правовых норм, должны отливаться в них. Я подчеркиваю: быть основой, а не заменой и подменой. В противном случае в жизни общества стираются все критерии, перемешиваются разные категории его жизни. У нас, например, создалась такая парадоксальная ситуация, когда человек, укравший шапку, должен идти в лагерь, а по отношению к Кагановичу или Хвату можно ограничиться „приговором Истории“.

Итак, если следовать элементарной правовой логике, нельзя не согласиться с Шеховцовым: сталинисты уголовными преступниками сейчас не являются. Речь может

идти только о моральной ответственности. А тогда всё сразу становится очень зыбким, твёрдая почва непременно уйдёт из-под ног обсуждающих этот вопрос, если они являются людьми разных мировоззрений. Точкой столкновения станет вечная проблема о цели и средствах, а надеяться на её скорое решение весьма наивно. Я лично совершенно уверен, что вне религиозной системы ценностей не существует безусловных доказательств непозволительности того, чтобы меньшинство приносилось в жертву интересам большинства. „Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика“, – утверждает один из героев Достоевского. Нарушить этот „арифметический“ закон может лишь представление о том, что человек создан по образу и подобию Божию и вследствие этого представляет собой **абсолютную** ценность. Один абсолют ничуть не меньше ста абсолютов: „арифметика“ здесь не срabатывает. Христианство же утвердило путь к мировому спасению не через жертву „строительную“, а через искупляющее самопожертвование: не распять, а сораспяться вместе с Христом.

Возвращаясь к непосредственной теме статьи, можно предположить, что сталинист, не признающий, естественно, христианскую систему ценностей, будет оправдывать все совершенные преступления как неизбежные на пути к грядущему мировому счастью. И я сомневаюсь, что у его оппонента найдутся неопровержимые теоретические контраргументы. Уверен, что спор этот и бесконечен и бесплоден.

Совершенно по-новому будут обстоять дела, если перевести разговор из плана морального в юридический. Мировоззренческий спор уступит место выяснению фактов совершения преступных деяний. Очевидно, что даже по ныне существующим законам сталинизм в целом является тяжчайшим преступлением. Но также очевидно и то, что огромное количество фактов и ситуаций, которое неизбежно всплывёт на объективном процессе, если он будет проводиться с гуманистических позиций, вступит в противоречие с нынешним законодательством, выявит

его несоответствие правовым и моральным нормам современного цивилизованного человечества. Таким образом, данный процесс мог бы стать и лабораторией по созданию нового, гуманного правового механизма.

Скажем же спасибо Ивану Шеховцову за то, что он, сам того не желая, вскрыл один из нарывов нашего общества. Пристально взглядевшись в „дело Шеховцова“, нельзя не сделать такого вывода: если мы хотим жить в правовом государстве, то мы не должны неправовые „тройки“ сталинского времени заменять честным и благородным, но опять-таки неправовым судом Алеся Адамовича.

Замечу в конце статьи, что точно так же, как Шеховцов обнажил отсутствие у нас правового мышления, Нина Андреева показала, что, всё время повторяя слово „гласность“, мы имеем об этом понятии весьма своеобразное представление. Из-за чего, собственно, разгорелись страсти? Ну, высказал человек свои взгляды. Если кому-то они не нравятся, то следует попытаться их опровергнуть. Однако общество ополчилось даже и не на взгляды Андреевой, а прежде всего на саму возможность появления такой публикации: все бросились выискивать тех из сильных мира сего, кто стоял за автором статьи. Поэтому не откажешь в логике Шеховцову, когда он говорит, что „наша сегодняшняя гласность – улица с односторонним движением, она только для тех, кто клеветает на Сталина и на историю 'сталинского периода'“.

Однако нравственное чувство любого честного человека должно подсказать, что взгляды Андреевой и Шеховцова есть не просто мнение, равноправное с любым другим. Основой этих „взглядов“ является стремление утвердить **преступность** как идеальную форму государственного строительства, а значит и стремление (пусть неосознанное) надругаться над человеческой личностью. Любое общество, признающее правомочными „взгляды“ человека, пропагандирующего, например, изнасилование, представляет собой преступное образование – банду насильников.

Выход из данной ситуации только один. Нравственная

оценка должна не подменять юридическое решение вопроса, а подтолкнуть к такому решению. После того как будет вынесён приговор сталинизму, мнения андреевых и шеховцовых потеряют свою равноправность с другими мнениями. Их пропаганда будет запрещена без ущерба для гласности, т. к. в свою очередь, станет уголовным преступлением: пропагандой и агитацией, проводимой в целях „совершения особо опасных государственных преступлений“.

Итак, из всего сказанного вытекает, что одной из самых страшных болезней, поразивших наше общественное сознание, является **смещение категорий моральных и категорий правовых**. Эта болезнь не нова – ей 70 лет. И не преодолев её мы никуда не уйдём от сталинизма, который так ругаем. В сталинский период подмена шла лишь в иной последовательности: юридические законы подменяли собой общественную мораль, т. к. нужно было вытравить все представления о прежней, дореволюционной морали. Сейчас порядок подмены изменился, но как известно, от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Шаткая общественная мораль стремится не повлиять, а заменить собой твердые юридические законы. От этой подмены несут урон „обе стороны“. В равной степени тормозятся и развитие общественной морали и формирование правового сознания.

Повторяю, что с моей точки зрения именно „Нюрнбергский процесс“ над сталинизмом мог бы стать решающим этапом на пути выработки того и другого – двух взаимовлияющих, но неслиянных категорий – морали и права.

Август-октябрь, 1988 г.

Анатолий Федосеев

Социализм. А что это такое?

Спросим себя, в чём суть первоначальной идеи социализма, возникшей в Европе 300 - 400 лет назад, в эпоху Ренессанса? Колоссальные успехи науки и техники, давшие тогда впервые доступные для всеобщего обозрения и весьма впечатляющие плоды, так поразили воображение тогдашних интеллектуалов, что они поверили во всемогущество человеческого разума. Поверив, они сделали следующий шаг и, убедив себя, что всеильный человеческий разум может осуществить всё, создали идею совершенного человеческого общества. Идею общества, в котором всё будет разумно и целесообразно, в котором осуществится изобилие материальных и духовных благ, не будет неравенства, несправедливости и насилия. Не будет и проблемы несправедливого распределения между людьми этих материальных и духовных благ: всего будет достаточно для всех. Это и есть идея социализма или, по Марксу, коммунизма. Итак, поставлена перед человечеством цель, которой раньше никогда не было: социализм. Цель, дающая наперед заданный смысл всему процессу развития человечества. И не только поставлена цель, но и определено универсальное, общее средство её достижения - человеческий, коллективный, всеильный разум.

Дальше наступило время расшифровки того, как разум может конкретно осуществлять задачу. В этом вопросе появились колоссальные и, пожалуй, непредвиденные трудности. Прежде всего, то обстоятельство, что у каждого человека, без исключения, кроме разума существует и вера, в том числе религиозная. Сила этой веры поднимала массы людей и на подвиги, и иногда, не будучи правильной, на злодеяния. Посрамляла логику и целесообразность. Более того, можно справедливо утверждать, что в нашем поведении разум и знание руководят не более, чем 20 % наших поступков. Остальные основаны на эмоциях, личном, конкретном и различном для каждого человека опыте. На том, что составляет для каждого человека, так сказать, личное кредо веры или мировоззрение. Если существенная часть поведения человека определяется не разумом и логикой, а этим самым личным мировоззрением, задача осуществления социализма с помощью разума становится неразрешимой. А если ещё верить в Бога, то разум оказывается не только не всесильным, но даже маломощным. Одно дело разрешать разумом задачи науки и техники, другое дело – социальные и политические вопросы. В первой области достижения разума очевидны и огромны. В области же разрешения общественных и политических проблем разум оказался, политически, непригодным. Иначе говоря, разум есть мощный инструмент, но только для вполне определённых и ограниченных дел. Компьютерная техника и роботизация, конечно, не устраняли и не устранят ограниченности разума. Сначала социалисты этого определённо не знали, а затем им, видимо, не захотелось знать. Так или иначе, вопрос ограниченности разума ими ни раньше, ни сейчас не поднимался и не обсуждался. Следующее огромное препятствие ставилось инстинктом самосохранения каждого человека, в отдельности, и человечества, в целом. Законы природы таковы, что без сильного инстинкта самосохранения человечество не смогло бы не только стать „царём природы“, но даже только выжить. Этот инстинкт самосохранения проявляется в

той или иной степени личного и общечеловеческого коллективного эгоизма. Он очень плохо поддается любым воздействиям, которые не вытекают из прямого блага для людей и не ощущаются как таковые. Он в первую очередь определяется точными, индивидуальными потребностями и интересами людей. Когда дело определяется необходимостью просто выжить в данный момент, в данном месте, естественно, эгоизм становится очень близоруким и приводит к вырубке лесов, к отравлению природы с целью этого выживания в данный момент, в данном месте. То, что такие действия могут привести к огромным бедствиям человечества в непредусмотренном будущем и в масштабе всей планеты, отступает на задний план. В то же время, именно этот инстинкт эгоизма, несмотря на его частую близорукость, был главной движущей силой всего развития человечества от первобытной семьи к современному миру, неизмеримо более высокой материальной и духовной культуры, чем первобытная. Более того, имеются безошибочные признаки, что эгоизм начинает исправлять и свою близорукость, поскольку она наносит людям уже ощущаемый и конкретный вред. Идея социализма действует совсем в другом мире понятий. Конкретные, ощущаемые в данный момент личные нужды людей в ней не только не фигурируют, но даже отвергаются во имя будущего. Прекрасная идея социализма требует замены действия инстинкта самосохранения на действие чистого разума, требует ликвидации эгоизма.

Не меньшую трудность представляет собой и мощный, но личный, индивидуальный творческий инстинкт людей. Он весьма „хаотичен“ по сравнению с единственностью и ясностью цели социализма, индивидуален, и не укладывается в универсальное единство и совершенство, как самого социализма, так и единого фронта строительства социализма.

Результатом вышеуказанных трудностей были следующие шаги социалистов. Отказ от религии и объявление этой мощнейшей человеческой силе войны, которая ведётся, с весьма переменным и неустойчивым успехом, и

до сих пор. Создание и укрепление веры (опять таки!) в людях, что, рано или поздно, эмоции, национальность, вера, вообще, и вера в Бога, в частности, уступят место знанию и разуму. (Таким образом социалисты были не слишком-то последовательны и впали в противоречия). Наконец, подчинение творческого инстинкта людей единой задаче строительства социализма.

Таким образом, идея социализма не смогла включить в действие на пользу строительства социализма ни мощь религии, ни эмоциональность и иррациональность человека, ни инстинкт самосохранения (эгоизм) человека, ни его мощный и индивидуальный творческий инстинкт. Идея социализма оказалась, таким образом, в сильнейшем конфликте с главнейшими природными (обусловленными законами природы) свойствами человека и человечества. Фактически, социалисты были убеждены, что всеобщее изобилие и прогресс разума, по достижении социализма, преобразят самую природу человека, что уже в ходе строительства социализма люди будут постепенно превращаться из эгоистических, неразумных, недалёковидных – в идеальные социалистические существа, думающие не о себе, а об обществе и о других, и выполняющие строго определённые функции социализма (без „творческой отсечки“).

В результате, пришлось тащить людей в социализм силой и на ходу переделывать их природу. Пришлось рассчитывать на массовое насилие. Это, естественно, требовало от социалистов чрезвычайной личной убеждённости (веры) в правильность и осуществимость идеи социализма и, особенно, в правильность способов строительства социализма. Главное, каждый социалистический вождь, пригодный для этой цели, должен был не только понимать, но и всем своим существом чувствовать, что построить социализм без массового насилия над человечеством нельзя, и должен был верить в это без всяких оговорок. Маркс в „Коммунистическом манифесте“ так и подчеркнул: „Они (коммунисты) открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путём насильствен-

ного ниспровержения всего существующего общественного строя“. Он же заявил, что: „Философы объясняли мир, мы будем его перестраивать“. Нужны были исключительно убеждённые, глубоко верующие в идею социализма социалисты (коммунисты) и захват ими неограниченной власти над массами людей. Оставалось найти средства достаточной власти над массами людей.

Прежде всего стало ясно, что личная (частная) собственность на средства производства и, следовательно, на средства существования является почвой, особенно для „близорукого“, эгоизма и, главное, делает людей независимыми от государственной власти. (Социалистическая „Великая Французская революция“ не смогла одолеть огромную силу эгоизма миллионов крестьян, добывавших себе средства существования независимо от государства и революционных вождей, и выродилась в „буржуазную“, не достигнув заветной для социалистов цели). Социалисты пришли к выводу, что инструментом власти для строительства социализма должно стать государство, как главный инструмент насилия. Они так и определяли государство, как аппарат насилия одного класса над другим. Им было абсолютно необходимо захватить этот самый аппарат насилия. (Между тем, государство было бы правильнее определить, как аппарат власти, необходимый для организации соответствующего взаимоотношения личных („близоруких“) эгоистических интересов людей с их же эгоистическими коллективными („дальнозоркими“) интересами. Эта организация и предназначена, в первую очередь преодолеть близорукость индивидуального эгоизма, заботясь о будущем всего человечества. Такое определение социалистам не подходило. Их государство не должно было служить эгоизму людей, близорукому или дальнорозоркому. Оно должно было переделывать людей и освободить их от неразумности эгоизма).

Итак, для определения огромной мощи миллионов независимых от государства и сопротивляющихся людей, нужно было ликвидировать частную собственность на средства производства и, следовательно, на средства

существования, передав её государству, чтобы государство, именно как аппарат (по Ленину, ничем не ограниченного) насилия, получило необходимую высшую власть над людьми, полностью лишив их собственных средств существования и какой бы то ни было независимости. Такое государство под управлением убеждённых социалистов смогло бы силой „втащить“ людей в социализм, чтобы потом они сами убедились, как он хорош.

Идея ликвидации частной собственности, немедленно указывала и на массы потенциальных противников частной собственности, т. е. на наёмных работников, пролетариев. Было очень легко настроить их против хозяев средств производства и использовать в качестве главной и чрезвычайно мощной силы для захвата государственной власти именно социалистами. Следует это подчеркнуть потому, что пролетарии страдали тем же личным эгоизмом и недостатком разума, как и все люди. Поэтому у власти должны были стоять не пролетарии, а именно убеждённые социалисты-коммунисты. Эти два элемента (государственная собственность на средства производства и пролетариат, как ведущая сила в борьбе социалистов за социализм) легли в основу разработки новой идеологии – социалистической идеологии марксизма-ленинизма. Маркс придал ей особенно привлекательный вид. Он объявил, что борьба пролетариев за их эгоистические личные нужды не является, в действительности, эгоистической, а является чрезвычайно благородной борьбой за прекрасное будущее всего человечества. Всё это не только превратило пролетариев в горячих приверженцев марксизма, но привлекло на сторону марксизма огромные массы молодёжи, интеллигенции и даже многих самих частных собственников. Кто мог отказаться почувствовать себя благородным борцом за прекрасное будущее всего человечества? Марксизм распространился, как лесной пожар в засуху.

Отказавшись от религии и её морального кодекса („религия – опиум для народа“), социалистам было совершенно необходимо создать и новую мораль, новую

совесть. Разума, чувствовали социалисты, было недостаточно. Чтобы не стеснять себя определённым набором правил морали, социалисты объявили партию источником и символом власти. Это позволило им приспособлять совесть к любой данной задаче, к любому данному моменту. Мораль должна была просто отражать интересы строительства социализма в любой момент. Всё, что служит социализму, должно быть моральным. А судить о морали должны лишь избранные, высокоубеждённые социалисты и, конечно, их главный и единственный вождь. Было очень важно иметь полное единство в суждениях. Нельзя допускать разброда. Этому и служил культ личности вождя. Рядовые коммунисты, не говоря уже о рядовых гражданах, сделать правильное суждение были неспособны: ведь и их нужно было тащить в социализм, вопреки их эгоизму и недостатку разума.

Из факта государственной собственности на все средства производства и из задач разумного государственного управления ею, именно убеждёнными социалистами, вытекает абсолютная необходимость полной централизации этого управления и полного централизованного государственного планирования. Маркс в своём „Коммунистическом манифесте“ точно сформулировал способ строительства социализма, предложив превратить всё население в разного рода трудовые армии с соответствующей армейской дисциплиной и подчинением. Многотысячелетний опыт развития человечества оказался непригодным для строительства социализма. В основе этого многотысячелетнего опыта лежали природные свойства людей: преобладание эмоций над разумом, творческий инстинкт и эгоизм. Для социалистов эмоции и эгоизм были совершенно неприемлемы, а творчеством должны были заниматься только правоверные социалисты. Социализм должен был прервать преемственность с прошлым и вступить на совершенно новый путь. Начинать заново, как вполне точно сформулировал Маркс, значит ликвидировать старое. Поэтому первым же лозунгом социалистов был: „Мы старый строй насилия (государство – А. Ф.) раз-

рушим до основания, а затем, мы новый мир (новое государство) построим“. Государство, строй – не есть совокупность вещей и предметов, а совокупность людей. Разрушить старый строй означало ликвидировать людей прежнего строя. Задача была совершенно потрясающей по необходимым масштабам массового истребления людей. Для её осуществления нужны были социалисты наивысшей убеждённости и веры в социализм, а также с соответствующими свойствами характера. Такие социалисты, как Ленин, Троцкий, Сталин и многие другие, самоотверженно и решительно приступили к выполнению задачи. Успешно завершил всё Сталин, истребив 67 миллионов человек, включая и множество своих коллег, имевших свои самостоятельные мысли о строительстве социализма; не забудьте, что социализм означает полное единство и единовластие, без которых нельзя осуществить единое руководство массами и строить социализм единым фронтом. Впервые в мире, под гениальным руководством Сталина было построено социалистическое государство в России. Любопытно, что эта, опасная для многих людей задача была осуществлена впервые именно в России. Дело в том, что 300 лет циркулировавшие в Европе социалистические идеи послужили Западу, как вакцина против социалистической идеи и придали ей гораздо менее болезненный и менее разрушительный характер, чрезвычайно ослабив её воздействие. На Западе социалистическая революция оказалась невозможной. Россия такой вакцины не получила и осуществила социалистическую революцию впервые в мире.

Неожиданные результаты построения социализма.

„Зрелый“ социализм, однако, не дал того огромного роста производительности труда, который от него ожидался. Наоборот, производительность и качество труда резко ухудшились. Не только не состоялось никакого изобилия, но всё оказалось дефицитным. Вполне

разумное и целесообразное государственное управление государственной же собственностью, оказалось совершенно неэффективным и привело к глубочайшему экономическому, социальному и политическому кризису. Экономика на глазах разрушалась и страна обнищала и материально и духовно. Разруха зашла так далеко, что новое поколение социалистических вождей было вынуждено в поисках выхода из кризиса, радикально изменить социализму и вместо „железного“ управления из центра обратиться за помощью к населению с его несоциалистическими природными свойствами. Всё ведь создаётся и производится трудящимися, а не правительством. Если мало продукции и услуг и низко их качество, значит трудящиеся должным образом не работают или не могут работать. Вопрос был в том, почему же население не работает должным образом на социализм и не повышает свою производительность труда? Ведь нет «жадных» собственников-хозяев. „Работаете ведь на себя, на свое будущее. В чём дело?“ Впервые новые социалистические вожди потеряли из виду путь развития, зашли в тупик, засомневались и обратились за советом к населению.

Появились мнения, что сбились с пути, что построили не тот социализм, который хотели. Действительно, как могла прекрасная идея всеобщего материального и духовного изобилия привести к таким плохим результатам? Решили утверждать, что всё напортил Сталин, и осудили его, да и всех прежних вождей, за исключением „основоположников“. Осудить и их, означало бы осудить и всю идею и признать, что произошла ошибка и огромные жертвы и труды были напрасными. Ни вожди, ни население не были готовы к тому, чтобы перечеркнуть всю жизнь и страдания предыдущего и собственного поколения, как бесцельные. Появились названия: „казарменный социализм“, „административный социализм“, „не тот социализм“ и т. п., чтобы обозначить полученный неудовлетворительный результат. Появились и новые претенденты на более подходящий социализм: „демократический социализм“, „рыночный социализм“ и т. п.

Между тем, если свести идею социализма к идее существования наивысшей производительности труда, т. е. к осуществлению всеобщего материального и духовного изобилия, то кто же может возражать против такой идеи? Следовательно, беда заключалась в негодных способах и средствах осуществления этой наивысшей производительности труда. Спрашивается, а как достигается повышение производительности труда? Все знают, что для этого нужна индустриализация, т. е. введение более производительных процессов, машин, инструментов (в дальнейшем – роботов, компьютеров). Сталин именно это и делал и к этому стремился. В жертву индустриализации он принёс и крестьянство и миллионы жертв. Все последующие вожди, включая нынешнего, тоже изо всех сил добивались повышения производительности труда в качестве первой и главной своей задачи. Как же ещё повышать производительность труда? Всё, абсолютно всё было сделано, чтобы достичь наивысшей производительности труда и тем создать земной рай социализма. Тем не менее, результат был не просто мал, а отрицателен. Оказалось, что даже самая мощная индустриализация является недостаточной для повышения производительности труда. Теперь не трудно сообразить почему.

Без человеческого интереса (эгоизма) и личного, индивидуального творчества никакие самые производительные машины, инструменты, процессы, компьютеры, роботы не только не дают эффекта, но бесцельно распыляют человеческий труд, пошедший на их создание. Иначе говоря, только сами трудящиеся (учёные, инженеры, ремесленники, рабочие, крестьяне, художники, архитекторы и т. п.) своим заинтересованным трудом и свободным творчеством могли создать правильную технику и заставить её работать, повышая производительность труда и, следовательно, повышая их же собственное материальное и духовное благополучие. Социализм лишил их возможности свободно действовать, осуществляя свой личный эгоистический и творческий интерес. Техника и трудящиеся не могли выполнить свою задачу. (Нетрудно

сообразить, что и западная, весьма совершенная техника в СССР не поможет, как не помогла и раньше). Появился и порочный круг: чем менее результативно работают трудящиеся, тем меньше они производят, чем меньше они производят, тем меньше они имеют своей продукции для своего потребления и тем хуже живут, чем меньше они имеют для своего потребления, тем меньше они хотят работать, еще более снижая свою продуктивность.

Любопытно, что начиная с Ленина и Сталина и до сих пор, все вожди твердили одно: трудящийся должен чувствовать себя хозяином, действовать по-хозяйски (т. е. действовать как собственник, будучи им в действительности только по названию). Материальная заинтересованность трудящихся в своём труде была тоже „принята на вооружение“. Социалисты были полны противоречий. Им пришлось уступать эгоизму. (Следует обратить внимание, что „материальная заинтересованность“ не исчерпывает и малой доли явления, которое называется эгоизмом. Эгоизм включает в себя и потребность в очень широком спектре духовных благ и ценностей. Включает в себя потребность реализации мощного природного инстинкта творчества. Включает в себя разные формы взаимной любви к людям в обмен на благодарность, а иногда и без неё, из простого чувства удовлетворения хорошим делом. Эгоизм – это очень многообразное явление. Кроме того он непрерывно изменяется и по форме и по содержанию. Эгоизм пещерного человека резко отличается от эгоизма современного человека). Что касается чувства Хозяина, то – как можно чувствовать себя в чем-то хозяином, когда нет возможности ни распоряжаться средствами производства, ни добывать самостоятельно средства существования, ни даже просто принимать самостоятельные решения. Всё и вся в стране социализма были лишь элементами (винтиками и болтиками) огромной запутанной системы, в которой всё и вся зависели от всего и всех, и в которой даже вожди не были хозяевами, способными решать возникающие проблемы. Система и их полностью связывала. Все чувствовали, что ликвидация частной

собственности повлияла на процессы поднятия производительности труда. Но как? Какая разница трудящимся, работать на жадного частника или на государство? Ведь явно лучше работать на государство. Каждый знал, что работать на частника, значит „вкалывать“, трудиться до упаду, тяжело. Никому это не „улыбалось“. Может быть государство, правительство явились почему-то врагами людей? Нет. Никто не может отрицать, что правят государством социализма сами трудящиеся. Любой сегодняшний правитель и вождь, в том числе, является вчерашним рядовым трудящимся. Капиталистов и эксплуататоров в государстве нет. Почему же „на себя“ люди работают хуже, чем на хозяина.?

Прежде всего, воображаемое всеисие человеческого разума не существует, так как и сами убеждённые социалисты, и весь их аппарат централизованного управления, имеют крайне ограниченный разум, как и все люди. Поэтому и их управление, принципиально, не соответствовало громадности задачи. Социалистические правители не могли не оказаться банкротами и не могли не провалить задачу. Их провал был лишь следствием ошибочности идеи всеисия человеческого разума. Разум оказался неспособным иметь дело с построенной социалистической системой. Она ему тоже не подчинялась. Сами вожди едва ли могут быть обвинены в этом провале. Виновата идея или, вернее, легкомысленные интеллектуалы эпохи европейского Ренессанса, создавшие идею. Это одна сторона работы „на себя“, т. е. работы на государство. Разум государства не сработал.

Если рассмотреть любое общество или государство в истории, можно видеть, что в них всегда действовали две главные силы: интересы хозяев-собственников и интересы работников. Первые - эгоистически хотели выжать побольше и получше труда из вторых в обмен на наименьшие блага. В свою очередь, работники, не менее эгоистически, хотели прямо противоположного. Именно динамическое „социальное равновесие“ этих конкурирующих сил было движущей силой развития общества.

Это, кстати, есть положение (борьба противоположностей, как основа развития), полностью принятое марксизмом, ленинизмом и социалистами, но, очевидно, полностью в данном случае пренебрегаемое. Как только ликвидировали частную собственность и частных собственников-хозяев, социальное равновесие было нарушено и исчезла движущая сила развития – противоречие интересов работника и хозяина. Любопытно также, что прежде и хозяин и работники были заинтересованы друг в друге и в (полагающемся даже по досоциалистической диалектике) разрешении их противоречий через взаимное сотрудничество. Успех общего дела награждал эгоизм собственника и прибылью и чувством творческого успеха, а эгоизм работников награждался высокими зарплатами и чувством их собственного творческого успеха. Всё вместе двигало общество вперед, повышая производительность труда. Иначе говоря, суть неуспеха социализма заключалась именно в том, что социалистическая идея пошла против природных свойств людей и против домарксистской и марксистской диалектики. Любопытно, что и отказ от религии чрезвычайно повредил социализму. Моральный кодекс религии („трудись в поте лица“, „не воруи, не лги, возлюби ближнего“) был бы очень полезен для социализма и повышения производительности труда.

Итак, социалисты вернулись в исходную точку. Нужно начинать сначала, но уже с учётом свойств людей. Нужно ли при этом отказываться от социализма, как идеи повышения производительности труда и идеи более высокого благополучия человечества? В такой формулировке, я думаю, нет. Правда, это будет развитием в том же самом направлении, в котором человечество, фактически, всегда и развивалось, ещё тысячи лет до появления социалистов. В этом смысле Запад, где производительность труда оказалась гораздо более высокой, ушёл дальше на пути к социализму, чем страна „зрелого“ социализма. Ситуацию неплохо охарактеризовал в журнале «Огонёк» (№ 11, 1989) Феликс Новиков, секретарь правления Союза архитекторов СССР: „Пока мы доискиваемся

до истины, другие, чей современнный опыт свободен от подобных явлений (социализма, – А. Ф.), оторвутся от нас на значительное расстояние, окажутся куда ближе к идеалам грядущего. Перестраиваться куда сложнее, чем строить что-либо заново“. Иначе говоря, заблудились и надо возвращаться на прежний досоциалистический путь, ведущий к „идеалам грядущего“. Можно, конечно, и не называть „грядущие идеалы“ социализмом, но суть то их одна и та же: благо человечества.

Любопытно, что идеи, называемые „рыночный социализм“ или „демократический социализм“ прямо вытекают из того чувства всеобщего бессилия и взаимной безответственности в условиях созданной системы социализма, которая как-то приобрела самостоятельную жизнь и не подчинялась ни людям, ни даже вождям. Оба новых социализма рассчитывались на превращение системы социализма в нечто более управляемое людьми. Можно заранее предсказать, что без ликвидации системы государственной собственности, указанные паллиативы не приведут к успеху. Только задержат окончательное решение. Окончательное же решение состоит в том, чтобы учесть все реальные свойства человеческих существ и восстановить преемственность со всей прошлой историей человечества. Нетрудно, если есть желание, понять, что одно дело – идея социализма, как общества с наивысшей производительностью, а другое – идеология марксизма и ленинизма, как способ осуществления идеи через всеобщую государственную собственность и разумное централизованное управление. Способ оказался полностью негодным. Марксизм и ленинизм полностью провалились. Должно ли это кого-то удивлять или огорчать? Очевидно, нет. История человечества – есть непрерывная серия опровержения старых „истин“ новыми, которые, в свою очередь, опровергаются самыми новыми „истинами“. Это есть, всего навсего, процесс осознания людьми прошлого и настоящего и поиска всё новых и новых путей к благу человечества.

Теперь попробуем предсказать будущие пути такого, с

вашего разрешения, „Истинно, исторически преемственного, социализма“.

„Исторически преемственный социализм“.

Есть, мне кажется, аксиомы, которым нужно следовать, чтобы опять не заблудиться.

1. Люди и их благо – являются первичными. Общество и государство – вторичны и были созданы людьми именно потому, что служили интересам людей. Как только общество или государство перестают служить людям и их интересам, они, рано или поздно, приведут общество или государство к гибели или замене на более подходящие. Именно это и происходит сейчас со „зрелым“ или „незрелым“ социализмом во всём мире. И гибель или замена этого социализма совершенно неизбежна.

2. Отдельные от людей интересы общества, самого по себе, не существуют. Существует лишь огромное многообразие личных, индивидуальных интересов и общий, коллективный интерес, вытекающий, опять таки, из этого многообразия индивидуальных интересов. Динамическое, „социальное равновесие“ даёт что-то вроде равнодействующей всего этого множества, часто противоположных интересов. Преобладание продуктивного интереса (например, интереса собственников-хозяев) является характерной, в среднем, на протяжении тысяч лет, чертой „социального равновесия“. Преобладание потребительского, например, интереса работников, всегда временно и ведёт к спадам в развитии человечества. В зрелом социализме все, включая самих управителей-социалистов и всё множество начальников, являются наёмными трудящимися. Все они имеют один и тот же личный интерес: побольше зарплаты и всяких благ и поменьше работы, то есть – типично потребительский интерес. В совокупности, и без достаточно мощного противодействия, это есть чрезвычайно разрушительная сила. Конфликт между служебным долгом и личным интересом разрешается, в среднем, не в пользу долга. (Как это происходит во всём

мире, и вытекает из первой аксиомы). Поэтому долг начальников, в среднем, не может противодействовать потребительству. Чужое, т. е. государственное и общественное имущество и деньги, являются очень плодородной почвой для всякого рода коррупции и взяточничества. Если нет противоположного (диалектически) личного интереса, т. е. нет преобладания частной собственности, нет и социального равновесия, нет и положительного развития. Некому правильно организовать слаженный, творческий труд людей, добываясь высокой производительности труда и, следовательно, высоких зарплат, высоких прибылей, высоких вложений в будущее, высокого творческого удовлетворения трудом миллионов хозяев и миллионов работников. Преобладание потребления над продуктивным трудом, ведёт ко всем бедствиям „зрелого“ социализма. Опять следует вспомнить указание христианской религии, что наёмный работник (советский наёмный начальник или западный наёмный менеджер) всегда работает хуже хозяина. (Смотрите, например, Евангелие от Иоанна, 10, 11-13). Это указание - есть выражение тысячелетней мудрости человечества.

3. Государство, или другая организация общества, предназначена для координации личных, индивидуальных, эгоистических интересов людей и их же, тоже эгоистических, коллективных интересов. Это, конечно, включает в себя некоторое, не принципиальное насилие, но над отдельными людьми, а не над классами и массами.

4. Самое главное. Только такая организация общества и государства способна к радикальному повышению материальной и духовной производительности, которая реализует максимальным образом колоссальный творческий, созидательный потенциал всего населения, т. е. творческий потенциал каждого отдельного человека. Иначе, говоря, предоставляет полную свободу людям трудиться и жить, как они сами хотят и способны, соблюдая лишь правила общежития. Это же обеспечивает и максимальное сотрудничество людей друг с другом. Такое общество можно назвать и истинной демократией, и равновластием

(все имеют, примерно, одинаковую власть и поэтому сотрудничают, а не подчиняют себе). Такое общество будет наиболее процветающим и материально, и духовно.

Радикальная перестройка.

Главным условием для реализации огромного творческого потенциала миллионов граждан, является личная, индивидуальная собственность на средства производства. Она создаёт в условиях конкуренции независимость миллионов частных собственников-работодателей и миллионов их работников. Даёт возможность людям самостоятельно и творчески решать самим свою судьбу в меру своих способностей. (А это есть и цель и способ развития человечества). Решать в рамках правил общежития и государственной организации, необходимой для преодоления близорукости индивидуальных интересов. Индивидуальная частная собственность включает в развитие общества огромное число ограниченных разумом мозгов и создаёт огромную, в целом, силу человеческого разума. (У социалистов же население не могло использовать свои огромные запасы ограниченного разума индивидуумов, так как эти индивидуумы не владели средствами производства и не имели возможности самостоятельных решений, действий и соответствующей ответственности за них. Каждый человек был лишь несамостоятельным элементом колоссального и чрезвычайно запутанного клубка, в котором все зависели от всех и ни один человек не мог быть ответственным за свои действия). Естественно, государственное централизованное управление и планирование должно быть заменено миллионами планирующих свои дела собственников средств производства и самих трудящихся, а также государственной системой, дополняющей автоматизм частной собственности и свободного, конкурентного рынка заботой о дальних и коллективных задачах выживания и развития всего человечества в целом. Таким образом, будет снова введена в общепольное действие колоссальная продуктивная сила

эгоизма и индивидуально-ограниченных мозгов миллионов людей.

Как можно было бы начать эту радикальную перестройку в СССР?

Следует немедленно дать всем советским республикам полную хозяйственную и политическую независимость, собственное независимое законодательство, сохранив общую денежную единицу, общее гражданство, арбитраж и координацию в масштабе всей конфедерации. Ликвидировать, конечно, централизованное снабжение, управление и планирование, заменив их на совет и координацию, предоставив республикам решать самим все свои проблемы. Кстати, это будет самым настоящим „региональным хозрасчётом“. Это немедленно же, автоматически, ликвидирует сепаратизм и приведёт к всеобщему сотрудничеству республик, так как и экономически, и политически выгоднее состоять в огромной конфедерации, чтобы противостоять экономическому и политическому (и военному) напору международного бизнеса и политики. Это немедленно снимет неосуществимую ответственность за всё с Центра, ликвидирует миллионы склок и взаимных претензий. Начнётся реальная перестройка вместо перебранки и поиска виноватых. Важно, во избежание превращения всеобщего администрирования СССР в администрирование республик, договориться заранее, что республики введут у себя более мелкое деление на области, районы и общины, и тоже с хозяйственной и социальной автономией, сделав именно местные Советы общин центрами финансирования, управления государством и прямого воздействия населения на управителей. Всё это полностью ликвидирует национальный вопрос и множество нынешних проблем. (Конечно, нужно ввести во всех школах обязательное изучение трех языков: родного, общеконфедеративного и международного, вероятно, английского. Иначе будет невозможно разговаривать между собой и с внешним миром). Иначе говоря, должна быть предпринята полная хозяйственная, политическая и социальная децентрализация, деконцен-

трация власти и демонополизация с арбитражем и координацией в масштабе республик и всей конфедерации. Не следует волноваться, если республики выберут для себя каждая свой путь, оставаясь в конфедерации. Это позволит найти наилучшие способы жизни и работы, создав соревнование. Можно, для начала, поступить так, скажем, с Прибалтикой, Арменией, Грузией, с рядом особенно отдалённых от Москвы областей РСФСР, договорившись заранее об определённых правилах общежития (включая обеспечение содержания общих вооружённых сил, центрального аппарата конфедерации, а также, включая условия товаро- и услугуобмена между республиками).

Нужно ввести и серию важнейших законов. О праве любого гражданина на получение в бесплатную пожизненную и наследственную аренду участка земли для постройки на нём жилища или производства на нём пищи или любых других товаров или услуг. О праве любого гражданина продавать всё своё имущество на земле с одновременной передачей права на аренду. Сдача в аренду возлагается на Советы местных общин. О свободе производства любых товаров и свободе торговли ими, а также свободе предоставления платных услуг, включая банковские (но с ограничением максимальных процентов во избежание ростовщичества и удушения экономики). О свободе частной индивидуальной собственности на любые средства производства любых товаров и услуг. О свободном, по индивидуальным договорам, найме и использовании работников любых профессий (с ограничением числа работников, во избежание возникновения монополий). О запрещении любых прямых налогов, оставив единый косвенный налог на товары и услуги. Мне кажется, это есть наименее болезненный и быстрый способ вернуться на правильный путь, сохранив преимущества большого и сильного государства. Фактически, это будет наиболее приемлемый выход из тупика, как для руководителей СССР, так и для населения. Руководители СССР сохраняют определённую власть над событиями, а население впервые её получит. Без всякого сомнения

марксизм и ленинизм превратились в тяжелейшую цепь, сковывающую руки, ноги, души и умы нынешних правителей СССР и всего народа. Эта цепь совершенно неизбежно будет разорвана и придёт освобождение. Чем скорее это будет сделано, тем скорее наша страна превратится в мирового материального и духовного лидера всего человечества, прокладывающего путь к идеалам грядущего, к истинному, исторически преемственному социализму.

Значение библейско-христианской морали.

Обратимся теперь к кодексу морали. (Здесь я прошу верующих иметь в виду, что я обращаюсь к социалистическим атеистам и вынужден указывать на выгоды, а не на высокие религиозные идеалы). Нетрудно сообразить, что библейская и христианская религия, обращалась именно к личности каждого человека, но включала в себя моральный код, который является, по самому своему существу, собранием правил, без которых любое общество или государство просто не могут функционировать нормально. „Трудись в поте лица“, „Не воруй“, „Не лги“, „Возлюби ближнего“ (т. е. уважай его и сотрудничай с ним), „Не убий“, „Не прелюбы сотвори“ (т. е. не разрушай соращением чужой жены семью, важнейшую ячейку общества), „Не завидуй соседу“ (т. е. будь доволен своими успехами и не подрывай соседские), „Чти отца своего и мать“, „Уважай субботный день“ (т. е. имей время для отдыха и осознания себя самого и своих дел в масштабе мира), „Не произноси имени Бога твоего всуе“ (т. е. не прикрывай свои ошибки ссылкой на высшие цели и авторитеты), „Не сотвори себе кумира“ (т. е. не создавай себе иллюзий и ложных кумиров вроде „зрелого“ социализма. Пользуйся разумом.) Религиозный кодекс морали призывает человека к скромности, к здравому смыслу, к „дальнозоркости“ и разумности его эгоизма, к продуктивному сотрудничеству, указывает на ничтожность человека, отдельно, и человечества, в целом, по сравнению со

Вселенной и Богом. Едва ли возможен другой кодекс веры, который был бы так же важен для человечества, как кодекс библейской и христианской веры. Любопытно, что проблески понимания этого факта были ещё у Сталина (в трудные периоды). Нынешние правители это, видимо, поняли ещё полнее. Всего за один прошлый год в СССР было зарегистрировано 1610 религиозных объединений (в предыдущем году только 104). Из них: 1244 православных, 72 грузинских православных, 71 римско-католических, 48 мусульманских, 36 объединений пятидесятников. Действует 16 религиозных учебных заведений и предполагается открытие двух религиозных академий. Возвращено верующим много монастырей. Это лишь начало.

Думаю, что скоро придётся признать и роль конкурентного (не монопольного) хозяина-собственника в усвоении людьми указанного кодекса общественной морали. Действительно, может ли хозяин-собственник рассчитывать на успех своего дела, если его коллектив работников и каждый в отдельности, не выполняют правил указанной христианской морали, лгут друг другу, воруют, ненавидят друг друга, бездельничают вместо того, чтобы трудиться до поту? Без трудовой христианской морали не будет слаженной работы коллектива и успеха – ни у частного собственника, ни у его работников, ни у общества в целом. Именно эгоизм собственника и всех его работников требует соблюдения правил христианской морали. Иначе говоря, мудрость религии и её морального кодекса полностью соответствует свойствам самого человечества и наилучшему пути его развития.

Запад, как неподходящий нам пример.

Можем ли мы, восстанавливая способность быстро развиваться на благо граждан, брать полностью пример с Запада? Очевидно, нет. Запад сам находится в тупике, и его развитие потеряло скорость, по сравнению, например, с периодом промышленной революции. Возьмите хор

последователей Запада: „многопартийность, свободные выборы, демократия по примеру Запада, Запад именно поэтому живёт лучше нас“, – кричат они. Однако, так ли это? Однопартийность или многопартийность сводятся ведь не к тому, что существуют одна или много партий. Суть в том, что населением управляют партии. Какими бы хорошими они ни были, но они имеют идеологию и программу, которые совершенно не в состоянии отразить огромное и непрерывно изменяющееся многообразие нужд и интересов населения. На Западе можно наблюдать неоднократно, что людей не удовлетворяет ни одна партийная программа. Любой эмигрант может сказать, что он хотел бы кое-что из программы одной партии, кое-что из программы другой партии и даже третьей, да и самому кое-что добавить. Следовательно, нужно иметь в управлении государством не только членов партий, но и побольше всяких других представителей населения, и каждого обязательно со своей личной программой. По новому закону в СССР происходит разбавление состава „парламента“ беспартийными представителями. Каждому полагается по Закону иметь собственную, личную программу, а не общую, партийную. Новый Закон устраняет западную практику, когда партийные избранники считаются специалистами на все руки, и сегодняшний министр, скажем, спорта завтра сможет занять пост министра финансов. Дело избранников – давать законы, а исполнителями должны быть доверенные специалисты страны, как это и записано в новом избирательном законе СССР.

Свободные многокандидатные выборы тоже не решают дела полностью. Они ведь происходят по большинству голосов. А что делать меньшинству, которого представленные кандидаты не удовлетворяют? Что делать, скажем, чукче, киргизу, армянину, эстонцу или грузину против интересов которых действует общее для всех правительство большинства? И чем больше размер государства, тем больше общее расходится с частным и местным. Отделяться в собственное национальное государство?

Если центр управления и финансов и воздействия граждан на аппарат управления будет в не слишком населённых (10.000 - 50.000 жителей) и достаточно автономных общинах, тогда интересы любого меньшинства будут учтены и осуществлены. Центр, конечно, не должен вмешиваться в функции местных Советов общин. Законы и общины, в свою очередь, не должны вмешиваться в жизнь и деятельность граждан, если они находятся в рамках правил общежития. Это обеспечит максимум производительности труда и минимум конфликтов и свары. Сейчас даже Шотландия или Уэльс хотят отделиться, так как они не удовлетворены хозяйничанием общего центра управления в Лондоне. В децентрализованном государстве все будут довольны, расположены к сотрудничеству и не захотят отделяться.

Демократия? Что это такое, когда любое диктаторское государство называет себя демократией? Ведь существуют и „западная“, и „социалистическая“, и „народная“, и „Афинская“, и „Римская“ демократии. Я бы определил демократию, как государственное устройство, в котором каждый гражданин, независимо от большинства или меньшинства, может устраивать свою жизнь по своему, сотрудничая с другими и соблюдая элементарные правила общежития. Число и содержание общих для всех законов должны быть резко ограничены. Это есть также государство равновластия и государство социального равновесия. Легко видеть, что Запад не имеет ни демократии, ни удовлетворительной системы управления. Страдает от неразрешённых вопросов национализма, сепаратизма, страдает от утери духа сотрудничества граждан, от потери нравственности, страдает от монополизма и централизма. Система кредита Запада перестала выполнять свои функции и превратилась в систему ростовщичества. Фондовая, денежная и товарная Биржи Запада превратились в игорные дома, в центры спекуляции и ограбления рядовых граждан, в инструменты монополизации и гигантизации.

Есть, однако, и ещё более важная причина, по которой Запад не может служить нам примером. Тысячелетиями

человеческое общество в поисках удовлетворительных средств повышения производительности труда и, следовательно, повышения уровня жизни, двигалось по пути централизации, монополизации, концентрации, гигантизма. „Зрелый“ социализм осуществил всё это в самой предельной степени, но через революцию. Управление государством осуществлялось административными и насильственными средствами. Запад, несколько увернувшись от социализма, продолжил ту же самую тенденцию, употребив для управления людьми деньги. Деньги оказались гораздо более действенным и менее открыто насильственным средством централизации, концентрации, монополизации и гигантизма. (Нужно, конечно, иметь в виду огромный дефект управления деньгами. Нельзя управлять с помощью денег людьми, у которых деньги имеются в достатке. Для осуществления управления деньгами нужно иметь соответствующий недостаток денег у управляемых и достаточный излишек их у управителей. Нужны контрасты богатства управляющих и бедности управляемых. Система банков стала системой ростовщичества, высасывающего деньги, как мощным насосом, из карманов управляемых в сейфы управляющих).

Фактически, Запад полностью приблизился к пределу этой многотысячелетней тенденции – к мировому государству под единым и тотальным управлением мирового правительства из крупнейших финансовых тузов мира. Беда указанной тенденции оказалась в том, что она была вторичной. Первичной же, многотысячелетней тенденцией, было развитие самого человечества, как совокупности многообразия личностей и характеров. Если сравнить интеллектуальные уровни пещерного и современного человека, то разница будет огромной, в пользу современного человека. Это развитие в сторону большего интеллекта чрезвычайно ускорилося в последнее столетие. Люди приобретают всё больше новых сторон (включая и недобрые) и свойств, по которым они отличаются друг от друга. Развитая часть человечества, в особенности, превращается в колоссальное многообразие

равных, нестандартных личностей. Управлять ими становится чрезвычайно трудно. Каждый себе „сам с усам“. Каждый претендует на свой собственный способ жизни. Эта тенденция, естественно, полностью противоречит тенденции централизации, концентрации, монополизации, гигантизма. Спрашивается, какая тенденция победит?

Разве можно сомневаться, что победят именно люди. Они не захотят становиться винтиками и болтиками нового тоталитаризма мирового государства финансистов. Миссис Тэтчер, со своим здоровым инстинктом и здравым смыслом, является символом современного развитого человечества, не желающего становиться стандартными винтиками и болтиками. Она не захотела, чтобы Англия утратила свои собственные национальные черты и собственную волю в устройстве своей жизни, чтобы подпасть под бюрократическую власть централизованного и монопольного аппарата „Объединенной Европы“. Это, конечно, требует особого разговора, но стоит упомянуть, что появилось уже несколько очень важных признаков преодоления тысячелетней тенденции государств в пользу дегигантизации. Следует также отметить очень интересную особенность процесса децентрализации. Когда разница в активности и информированности вождя и населения велика, структура управления должна быть такой, чтобы команда вождя доходила бы до рядового („тёмного“) жителя. Этому соответствует иерархическая структура. В прошлом веке было установлено, что один человек может успешно командовать только четырьмя другими людьми. Вождь командует четырьмя помощниками, его помощники командуют каждый еще четырьмя людьми и так далее. Для двухсотмиллионного населения будет необходимо 14 ступеней команды. Когда существуют дополнительные, достаточно простые для усвоения правила, можно увеличивать число подкомандных и уменьшать число иерархических слоёв.

В СССР мы имеем сейчас десять слоёв подчинения и иерархии: работник, бригадир, мастер, начальник цеха,

директор предприятия, начальник главка, министр, Совет министров, Политбюро, Генеральный секретарь. По партийной линии: член партии, парторганизатор, партбюро предприятия, секретарь райкома, секретарь обкома, ЦК, Политбюро, Генеральный секретарь. Чем больше слоёв, тем более искажены команды, когда доходят до рядовых, и тем меньше вождь и его аппарат знают, что делается внизу. Иерархия есть необходимая для управления „болтиками“ система. Превращение рядовых „болтиков“ в самостоятельно мыслящие и ответственные личности создаёт необходимость в отказе от сложной иерархии. Она делается весьма неэффективной. На Западе совсем недавно начался отход от прежней иерархии. Конечно, не по „указанию“ начальников, а по указанию со стороны прибыли. Неэффективность понижает прибыли, а повышение производительности труда, повышает их. Такие корпорации, как Сиирс в США, имеют иерархию в 13 - 16 слоёв. Появился им конкурент, имеющий в иерархии только 3 слоя, хотя число работников было того же порядка. Эта конкурирующая корпорация использовала то, что работники перестали быть „болтиками“ и обрели свои собственные мозги. Оказалось возможным доверить рядовым работникам гораздо большую ответственность и самостоятельность, чем прежним „болтикам“, без опасности возникновения хаоса. Число иерархических слоёв резко сократилось. Появилась у рядовых работников творческая заинтересованность, а не только денежная. Производительность труда резко увеличилась, увеличились и прибыли. Теперь многие гигантские корпорации, вроде гиганта Сименса в ФРГ, расщепляются на множество маленьких автономных компаний с единым контрольным центром, управляемым Советом директоров, который почти не вмешивается в дела подчиненных компаний.

Легко видеть, что это есть развитие именно в направлении к государству в виде содружества независимых местных Общин. Иначе говоря, Запад тоже находится на переломе, и брать именно нынешний Запад за пример при перестройке, значит принять временное за постоян-

ное и замедлить без нужды движение к „идеалам грядущего“. Лучше ориентироваться на будущее, к которому движется всё человечество, включая Запад. Преобразование Запада возьмёт несколько десятилетий, а наша страна может управиться значительно скорее.

Я уже отмечал, что первые (конечно, ничтожно малые) шаги перестройки в СССР, указывают на попытки найти собственный путь. Будущее за децентрализацией, деконцентрацией, демонополизацией, дегигантизацией. За тем, чтобы реализовать колоссальные творческие силы миллионов граждан и каждого из них. В том, чтобы дать людям свободу двигаться каждому и по своему к „идеалам грядущего“, по пути, если хотите, истинного, исторически преемственного социализма. Помешать людям в этом можно только временно. Рано или поздно, любая помеха будет людьми ликвидирована.

**Письма для редакции «Вече»
направлять по адресу:**

Frau V. Drewing
(für RNV e. V. und «Veche»)
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81
W. - Germany

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

**Независимый русский православный
национальный журнал**

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год:

1. С пересылкой простой почтой — 24 ам. долл.
2. С пересылкой воздушной почтой — 39 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посылать:

"1000 Anniversary Committee"
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

На волнах „Свободы“ о „Русофобии“

Два года назад на страницах «Вече» (№ 27, с. 203-204) был опубликован знаменательный документ: Открытое письмо Радиостанции „Свобода“ от группы русских рабочих. Авторы письма выражали надежду что – поскольку Радио „Свобода“ вещает по-русски – оно и обращается к русским: „Мы – русские, и хотим, чтобы всегда помнили, что главное для вас – теплить добрым словом наши замерзающие от большевистского хаоса души... Мы хотим слушать правду об истории, о культуре России“.

Это был поистине крик души, души русского человека, жаждущего правды-истины и правды-справедливости. Уставшего от советской демагогии и пропаганды (хотя и время-то уже начиналось – „перестроечное“), но – и в этом заключался главный смысл письма-крика – и от засилия в программах Радио „Свобода“ тем, которые мало что говорят русскому человеку: проблемы выезда, отказники, „бедные“ евреи... Письмо было достаточно сдержанным, хотя свидетельствовало о многом, внутри накопившемся. „Нам хочется слышать о проблемах России“ – на этой высокой ноте заканчивалось письмо русских рабочих, пришедшее с родины.

Два года по нынешним временам – срок немалый. Время стремительно летит вперёд, буквально каждый день приносит что-то новое – в сообщениях **оттуда**. Одним из важнейших симптомов начавшихся радикальных перемен, спонтанных, не подчиняющихся партийной указке, явля-

ется национальное движение на окраинах, приобретающее необычно широкий размах, определяющее настроения и поведение миллионов людей. Пробуждается и русский народ, свидетельств чему множество.

Как же реагирует на эти процессы Радио „Свобода“? Насколько можно судить по публикациям Исследовательского отдела, национальный вопрос находится едва ли не в центре внимания сотрудников радиостанции. Национальные редакции переживают сейчас подъем, стремясь детально отразить всё, происходящее „на местах“; могут быть довольны слушатели программ армянской, грузинской, прибалтийских. Что же касается программ для русских слушателей, то эти программы всё ещё остаются бесконечно далёкими от высказанного из России пожелания: дайте нам наше чисто русское...

Весьма типичной для содержания и „духа“ передач, транслируемых в Россию является „историческо-культурная“ программа Радио „Свобода“, в рамках которой была передана 20. 5. 1989 г. передача, подготовленная нью-йоркским сотрудником радиостанции Борисом Парамоновым, посвященная книге И. Р. Шафаревича „Русофобия“, - что само по себе было достаточно неожиданным.

Дело в том, что „герои“ книги - самиздатские и публикующиеся на Западе авторы-руссофобы, подвергнутые острой критике И. Р. Шафаревичем за их клеветнические, во всяком случае оскорбительные для русского человека концепции и высказывания - долгие годы были главными авторами в программах Радио „Свобода“: их антирусские сочинения передавались сплошным потоком, им делали рекламу, их представляли единственными выразителями „инакомыслящей“ России. Но Шафаревич в своей книге идёт дальше: выбранные им сочинения и авторы служат лишь своего рода отправной точкой для серьёзного разговора о явлении, которое угрожает национальному и духовному бытию русского народа. Такого рода проблем, сколько помнится, Радио „Свобода“ никогда не затрагивало. Быть может, что-то изменилось в самое последнее время?

В начале своей пространной беседы Борис Парамонов громогласно заверяет слушателей: „мы стараемся не скрывать, а всячески (!) обнародовать книгу Игоря Шафаревича“ – но знакомство с содержанием беседы показывает, что главная тема книги фактически осталась даже не затронутой. Более того, вся эта „беседа“ построена на искажениях, передержках, мелких подлогах, вокруг коих напущено много псевдо-философского тумана. Насколько ясен, точен, прост язык И. Шафаревича, – что делает его книгу доступной читателям с самым разным уровнем подготовки, – настолько тёмнен и расплывчат, порой намеренно двусмысленен тот жаргон, на котором составлена беседа, и который понятен разве что советской образованнице.

Подлоги Б. Парамонова мелкие, но характерные; трудно сказать, насколько необходимость прибегнуть к ним диктуется его работой в „учреждении в некотором роде официальном“ – как он либерально иронизирует над своим работодателем – Радио „Свободой“ – и насколько это отражает его собственную идейную позицию сегодня. Вот как он начинает свою беседу:

“Издателем книги Шафаревича выступила организация, называющая себя (!) „Русским Национальным Объединением“ (если уж быть точным – Российское Национальное Объединение – В. Щ.), базирована (?) она в Мюнхене, Западная Германия. В предисловии от издателя говорится, что рукопись книги, некоторое время назад поступившей на Запад, была запрятана в сейфы нескольких официальных учреждений и по известным соображениям не публикуется. Трудно понять, что стоит за этими словами, кто и почему противился опубликованию труда Шафаревича, коль он в конце концов всё же опубликован?”

Наигранное удивление Б. Парамонова – которое задаёт тон всей этой, порой до отвращения **фальшивой** „беседе“ – возможно, кому-то покажется даже естественным. Может быть, этот недавний эмигрант из Советского Союза настолько „вписался“ в контекст и своего „учреждения“, и

американской демократии, что представить себе не может существования каких-то там запретов или негласной цензуры? Но, ведь у самого Б. Парамонова были в свое время проблемы как раз по этой части, и в этом самом учреждении, то бишь на Радио „Свобода“... Назовём это парадоксом свободного общества: – отказ каких-то **официальных** учреждений (на то они и официальные) публиковать какие-то рукописи или давать возможность пропагандировать определённые идеи, и противостоящая такому отказу предприимчивость и добрая воля частных лиц, имеющих возможность осуществлять такие публикации за свой счёт, а подчас на свой страх и риск...

Но не будем здесь заводить философский разговор о пределах свободы в свободном обществе. Хотим только подчеркнуть, что Б. Парамонов намеренно хочет бросить тень на издателей РНО, утверждающих всего лишь, что рукопись книги И. Р. Шафаревича попала на Запад давно, но что ей сознательно не давали ходу. Пример этот, увы, не первый.

К этому же типу „наведения тени на плетень“ у Парамонова относится и его вскользь брошенное замечание („кстати“!): „возникает впечатление, по ряду деталей, что книга не такая уж новая, писалась она, повидимому, в конце 70-х годов...“ Но если она тогда, „ещё до перестройки“, была написана, логично предположить, что тогда же попала она и на Запад. Остается фактом, что вокруг давно написанной книги существовал **заговор молчания** – вплоть до того времени, пока она не была напечатана на Западе усилиями Российского Национального Объединения.

Столь же сознательно Б. Парамонов (или, на этот раз, стоящее за ним **учреждение**?) не счёл нужным упомянуть, что одновременно с публикацией книги Шафаревича отдельным изданием, она была опубликована в двух номерах альманаха «Вече» (№№ 32, 33), издаваемого всё тем же РНО. Мы убеждены, что это умолчание далеко не случайно. Более того, без публикации „Русофобии“ Российским Национальным Объединением – что сделало её фак-

том литературной и общественной жизни на Западе и на родине автора – парамоновское „учреждение“ так бы и молчало о ней до сих пор.

*

Следует отметить следующее. В краткой справке об авторе книги „Русофобия“ Б. Парамонов упоминает и о предыдущем его исследовании – „Социализм, как явление мировой истории“ – с осторожной оговоркой „как бы ни относиться к её выводам и оценкам“ (это говорит тот самый Парамонов, который ещё совсем недавно написал **восторженную** рецензию об этой, действительно, выдающейся работе!). Упоминает он и о двух его статьях в советской прессе – воспроизведённых в издании РНО (о чём – ни слова!). Но если бы он хотел действительно представить И. Р. Шафаревича „многомиллионной аудитории“, имея доступ к Отделу Самиздата Радио „Свобода“, Парамонов мог бы упомянуть, например, о его чрезвычайно важном „Ответе группе студентов“, – издатели РНО не имели в своём распоряжении этого материала при подготовке книги к печати. Ведь здесь Шафаревич уточняет свои представления о демократии, утверждая, что становление демократии в нашем отечестве сопряжено с опасностью „ухода в сторону от коренных и жизненно важных проблем“. Что доминирующая тенденция нашего времени – это отказ „платить долги“ родной культуре, стихийное отчуждение от национальных традиций и ориентация на западную культуру. Аналогичная ситуация существовала в 60-е годы – пишет Шафаревич. Тогда, вследствие ложного выбора, интеллигенция, из всего круга обсуждавшихся проблем, выделила, как наиболее важные, два вопроса: вопрос об эмиграции, преимущественно еврейской, и вопрос о свободе слова, которая „понималась очень абстрактно – не для выражения чего-то очень важного для всей страны, а просто всего, чего бы ни захотелось“. „И низкая нам будет цена, – говорится в статье – если мы дважды провалимся в одну и ту же яму“.

Не думаем, что самому И. Р. Шафаревичу понравилось то, как его аттестует составитель радио-программы: „Широкой публике он известен в качестве давнего и убеждённого диссидента, правозащитника“. Весьма произвольная синонимия этих двух понятий – „правозащитник“ и „диссидент“ давно утверждается в общественном сознании участниками Демдвижа, и посредством той же радиостанции „Свобода“. Но, признавая выдающиеся заслуги Шафаревича в утверждении норм права для современной России (в частности, его доклад о религиозном законодательстве в СССР следует считать одним из важнейших побуждений к выработке обсуждаемого ныне Закона о свободе совести в СССР), мы не считаем возможным называть его „диссидентом“. Понятие это скомпрометировано, оно говорит что-то разве что для западной публики, и в любом случае даёт неверную ориентацию. Б. Парамонов не может не понимать этого – так что и в данном случае мы имеем дело с очередной передержкой.

*

Автор программы на Радио „Свобода“ предлагает вниманию слушателей „по возможности адекватный конспект“ книги И. Шафаревича „Русофобия“. Неизвестно почему, эта возможность оказалась у него весьма ограниченной – хотя книга Шафаревича построена исключительно чётко, и совсем нетрудно было бы сжато изложить её содержание, у Парамонова мы находим переложение субъективное, пристрастное, он сознательно опускает многие принципиально важные моменты. И начинается этот „конспект“ с очередного мелкого подлога. Парамонов обозначает „повод для написания „Русофобии“ – тогда как автор книги сознательно в § 1 говорит о „Цели работы“. Разница между „поводом“ и „целью“, конечно же, существенная...

И. Шафаревича тревожит и волнует **духовная жизнь нашего народа**. Это – определяет всю направленность книги, ориентирует внимание читателя, даёт предвари-

тельное понятие о „позиции“ автора, которая отчётливо выражена в самом названии исследования. Речь в книге идёт о некоем „взрыве активности“ (и дело вовсе не ограничивается несколькими эмигрантскими и самиздатскими авторами, „значимость“ которых Шафаревич – по снисходительному замечанию Парамонова – будто бы „непомерно преувеличивает“), о „чёткой концепции“ в „оценке нашей истории и оценке нашего будущего“. Концепции, как выясняется сразу же, недвусмысленно антирусской, **русофобской**. И автор книги – яснее сказать невозможно – пишет: „Настоящая работа возникла, как попытка уяснить себе причины, вызвавшие это течение, и цели, которые оно себе ставит...“

Итак, не „тенденция“ – согласно Парамонову, а вполне чёткая „концепция“. Шафаревич подчёркивает, что „в наиболее чёткой, законченной форме интересующее нас течение (подч. нами – Авт.; опять же – не просто „тенденция“) отразилось в литературной продукции“. Эта литература „обширна и растёт от года к году“; согласно Шафаревичу – „мы просто видим надводную часть айсберга“. Действительно, при желании, можно очень и очень увеличить приводимый Шафаревичем список литературы: уже цитированные им авторы успели наплодить немало после написания „Русофобии“, и всё в том же духе; а к ним присоединились ещё и новейшие русофобы, жаждущие лавров.*

Заметим, также, что вовсе не об „анализе нынешнего советского кризиса“ (цитируем Парамонова) идёт речь в книге Шафаревича. Это цитированные им самиздатские авторы **будто бы** анализируют „советский кризис“ („Присуществует ли Советский Союз до 1984-го года?“) – но и для них это не более как повод для русофобских измыш-

---

* Один из последних примеров – появившееся в «Русской мысли» (19. 5. 1989) русофобское письмо некоего Л. Франка из Убергена: ответ на публикацию в этой газете Письма советскому правительству русских писателей и деятелей искусства, перепечатанного из сибирского альманаха «Литературный Иркутск». Этот „отклик“, надо думать, новейшего эмигранта, имеет агрессивнo-русофобский характер. Автор утверждает:

лений о русской истории и таких же прогнозов на будущее. Вот этими-то двумя темами занимается автор книги в двух „параграфах“: „§ 2. Взгляд на русскую историю“ и „§ 3. Планы для России“. И затем, в остальной части книги, анализируется **происхождение** этих взглядов: „какое духовное течение и почему могло их породить“.

Когда-то Парамонов, опровергая „историософию“ А. Янова, протестовал против того, чтобы видеть в советском настоящем продолжение российского прошлого. Этим занимается, в частности, И. Р. Шафаревич – только более сжато и выразительно, и не ради демонстрации своего полемического искусства, а по существу, с болью и гневом. В этом состоит главное отличие размышлений подлинного мыслителя, национально ориентированного, от чисто стилистических упражнений литератора средней руки, „эксплуатирующего“ очередную тему с полным безразличием к существу проблемы.

Парамонов **походя** (он вообще предпочитает **скользить** вдоль самых существенных – и самых опасных! – проблем, поднятых в книге) определяет русофобию, как „нелюбовь к России“. (Потом мы увидим, что с его точки зрения это едва ли не достоинство). А Шафаревич говорит: „если эта концепция впитается в национальное сознание, то это будет равносильно духовной смерти народа“. Не правда ли – есть разница в тональности, акцентах, в самом подходе к проблеме?!

„Не требуется много ума, но нужен большой запас злости и подлости, чтобы искать „виновных“ в разрушении русской культуры среди других“. Но, к сожалению, сам он и являет образец такой ослепляющей злости – не будем говорить о подлости – когда, в духе типично яновских инсинуаций, высокомерно рассуждает о „комплексе неполноценности бездуховных руководителей народа на протяжении его многовековой истории“. „Русский царизм“, „семинарист из Гори“, ностальгическая 'Память' – всё здесь поставлено в один ряд. Это, так сказать, „от какой культуры мы отказываемся“, совершенно по-ленински, по-советски. Другой полюс – „великая русская (и в своём величии неизбежно интернациональная, космополитическая) культура“, где соседствуют не только Достоевский и Пастернак, но куда непонятным образом затесался – волею Л. Франка и... Гроссман.

Б. Парамонов приписывает Шафаревичу (это будто бы „несомненно“ для автора „Русофобии“) убеждение в „существовании антирусской партии, действующей уже в международном масштабе“. Насколько сознательно это **оглушение** взглядов мыслителя, явно несимпатичного сотруднику американского „учреждения“? Автор чрезвычайно злободневного исследования – „беспощадную методику“ которого уже отметил в свое время А. Солженицын – уподобляется здесь, известным разве что в эмигрантском болоте, Соловьеву и Клепиковой, измыслившим ради сенсации, по прибытии на Запад, существование некоей „русской партии“, будто бы действующей в СССР. Видимо, „по аналогии“ Парамонов и придумывает за Шафаревича „антирусскую партию“ – хотя ничего подобного в книге нет и следа.

Парамонов отмечает далее, что автор „Русофобии“ „ставит и более широкий **историсофский** вопрос“. Верно – и делает это несравненно более серьезным образом, чем многие эмигрантские историсофствующие публицисты. Излагается концепция „Малого Народа“, заимствованная Шафаревичем у историка Французской революции – совершенно неизвестного в СССР – Огюстена Кошена (что **сейчас** – в дни празднования двухсотлетия этой революции, приобретает дополнительную актуальность). Шафаревич, как обычно, исчерпывающе ясен: „Огюстен Кошен в своих работах – пишет он – обратил внимание на некий социальный слой, который он назвал „Малым Народом“. По его мнению, решающую роль во Французской революции играл круг людей, сложившихся в философских обществах и академиях, масонских ложах, клубах и секциях. Специфика этого круга заключалась в том, что он жил в своём собственном интеллектуальном и духовном мире: „Малый Народ“ среди „Большого Народа“. Можно было бы сказать – **антинарод** среди народа, так как мировоззрение первого строилось по принципу ОБРАЩЕНИЯ мировоззрения второго“.

О. Кошен писал это о тех временах, когда существовали „философские общества и академии, масонские

ложи, клубы и секции“, но не было ещё мощнейших центров организации „общественного мнения“, какими в наше время выступают масс-медиа. Слушая программу Б. Парамонова и его коллег по русской редакции Радио „Свобода“, трудно отделаться от впечатления, что эта публика живёт именно „в своём собственном интеллектуальном и духовном мире“, весьма далёком от интересов и запросов „Большого Народа“ – для которого они будто бы устраивают эти свои программы, и мировоззрение которого они явно хотели бы „обратить“ в свою пользу.

И. Шафаревич указывает: „Мне кажется, что эта замечательная концепция применима не только к эпохе Французской революции, она проливает свет на гораздо более широкий круг исторических явлений. Повидимому, в каждый кризисный, переломный период жизни народа возникает такой же „Малый Народ“, все жизненные установки которого ПРОТИВОПОЛОЖНЫ мировоззрению остального народа“. В сущности, автор книги „Русофобия“ лишь нашёл удобную **классическую формулу** для того „ощущения“, которое уже давно бытовало среди национально-мыслящей интеллигенции. Нашёл верные слова, точное выражение для повторяющегося в разные исторические эпохи явления. Парамонов довольно точен, когда излагает суть этой концепции: „Противоположность „Малого“ и „Большого“ народов – это противоположность механического и органического, двух взглядов на историю, один из которых говорит об органичном, веками длящемся росте духовно-культурных принципов, а другой исходит из возможности построения оптимального общественного устройства на основе того или иного умственно-теоретического проекта“. Квалифицированное изложение этой концепции свидетельствует о том, что излагатель прекрасно понимает суть её. Парамонов продолжает: „Нынешняя русофобия, по Шафаревичу, нынешние группы её пропагандистов – это всего лишь частный вариант вот этого более общего феномена, „Малого Народа“: оторванных от живой почвы интеллигентских утопистов. Более детальный анализ нынешней русофобии

приводит Шафаревича к выводу о том, что ядро нынешнего русофобского „Малого Народа“ составляют евреи...“

Вслед за этим Парамонов утверждает, будто бы Шафаревич Гражданскую войну в России „склонен видеть в значительной мере, как войну евреев против русских“. Но собственно о Гражданской войне в книге Шафаревича говорится крайне мало; что же касается вообще этого предмета, автор выражается недвусмысленно: „мысль, что 'революцию делали одни евреи' – бессмыслица, выдуманная, вероятно, лишь затем, чтобы её проще было опровергнуть“. Со всей присущей ему научной объективностью И. Шафаревич ставит вопрос о „**характере** того влияния, какое оказала на ту эпоху столь значительная роль радикального еврейства“.

К такой постановке вопроса – безусловно, давно назревшего, но никогда ещё не обсуждавшегося публично в подобном контексте – усмотреть „антисемитизм“ может только уж больно чувствительный читатель. Именно „сверхчувствительность“ обнаруживает Б. Парамонов в составленной им передаче, публично обвинив И. Р. Шафаревича в антисемитизме...

Правда, Парамонов стремится сохранить подобие порядочности: он понимает, что обвинять И. Шафаревича в антисемитизме – это все равно, что делать антисемита из Достоевского. Отсюда фраза: „Нельзя ставить её („Русофобию“) в ряд сочинений, трактующих опасность так называемого жидо-масонского заговора“. (До таких обвинений не дошёл даже и Сендеров, первый сорвавшийся с цепи „критик“ Шафаревича). Но эта фраза, так сказать, вводит тему: „антисемитизм Шафаревича, который он, кстати (!), будет оспаривать и уже оспаривает в самой книге...“, „некоторые антисемитские, скажем так, импликации книги Шафаревича...“ Дело сделано, ярлык прикреплен. Но и здесь ещё Парамонов стремится сделать хорошую мину при гнусной игре, им затеянной: „Еще раз повторяю и подчёркиваю, абстрагируясь от темы антисемитизма (!): не будем сходу выносить такой вердикт и уже на его основе заявлять – ну, тогда и говорить не о

чем, что можно услышать от антисемита...“ „Остроумный ход“ – говоря словами Парамонова: вначале голословно обвинить писателя, мыслителя в антисемитизме, а затем будто бы „абстрагироваться“ от этой темы. Защищается он тем, что „антисемитские импликации“ книги Шафаревича – „это не предпосылка его работы, а вывод из неё“. И предлагает говорить „не о выводах Шафаревича, а о его предпосылках“.

Всё в том же тоне ложного академизма, псевдо-объективности (с которого, впрочем, он всё время срывается) Б. Парамонов „заговаривает“ слушателей: „Мне кажется, что эти предпосылки неверны. И поэтому всё построение покривилось – того и гляди, что рухнет“.

Что же это за такие „неверные предпосылки“? А вот, дескать, Шафаревич Янова, Померанца, Амальрика „ставит на уровень, скажем, Бжезинского, – действительно, что-то если и не решающего, то подсказывающего...“ Простите, причём тут Бжезинский? В своей книге И. Шафаревич говорит о Р. Пайпсе, „ближайшем помощнике президента Рейгана“ („функционально“ близком З. Бжезинскому), и показывает, что „уровень“ этого будто бы „специалиста по русской истории“ ничуть не выше уровня советских образованцев: всех их **ослепляет** русофобия, а потому их сочинения – это не „искренние попытки понять смысл русской истории, а... **журналистическая публицистика, пропаганда**, стремящаяся внушить читателю некоторые заранее заданные мысли и чувства“. А задачи этой русофобской пропаганды вполне определённые: представить дело так, будто „русские – это народ рабов, всегда преклонявшихся перед жестокостью и пресмыкавшихся перед сильной властью, ненавидящих всё чужое и враждебных культуре, а Россия – вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира“.

И. Шафаревич в своей книге приводит множество цитат, подтверждающих этот вывод, концентрирует внимание читателя на безудержной русофобии – но Парамонов, непонятным образом, воспринимает всё это исклю-

чительно как... „антисемитизм“.

Нет, ничего не „преувеличивает“ И. Р. Шафаревич; лучше Парамонова он понимает всё духовное ничтожество какого-нибудь Померанца или Шрагина, и не потому, что они – евреи. Если уж говорить о **предпосылках**, исходных моментах „Русофобии“, в самом начале автор заявляет со всей возможной ясностью: речь идёт о „настроениях“, „гораздо более широкого круга“, чем выраженные у цитированных графоманов, и – подчеркнём еще раз – далеко не только у литераторов еврейского происхождения. Вся их „энергичная литературная деятельность“ „выражает **идеологию** активного, значительного течения“, которое, увы, „уже подчинило себе общественное мнение Запада“. К этому можно добавить, нужно добавить: подчинило себе полностью и Б. Парамонова, начинавшего, как талантливый и духовно независимый публицист...

Сейчас Б. Парамонов унижает себя следующим рассуждением, адресованным многомиллионной аудитории на его бывшей родине: оказывается у „авторов, по мнению Шафаревича, теоретически обосновывающих русофобию“ (как будто в этом можно сомневаться!) „есть одно, так сказать, **негативное достоинство**, которым определено не обладает Шафаревич и которое позволяет им видеть то, чего он сам не видит. Это, скажем так, **прохладное отношение к России, неослеплённость любовью, способствующая зоркости взгляда**. Как говорил Бердяев, ненависть тоже может быть методом гнозиса...“

Хочется спросить Бориса Парамонова: и не стыдно Вам говорить такое? Или для Вас, как для всех Ваших новых единомышленников – „стыдно быть русским“? Возможно, у Парамонова такое „прохладное отношение к России“ – своего рода переходный этап, „неослеплённость любовью“; но можно не сомневаться, что следующим этапом неизбежно будет – **ослеплённость ненавистью**. Что нам и продемонстрировал в своей книге с математической ясностью И. Р. Шафаревич.

Некогда беспощадно-язвительно высмеявший псевдо-исторические „концепции“ Янова, теперь Б. Парамонов не просто протягивает ему руку, – фактически он полностью переходит на его русофобские позиции в самом **методе** мышления. Вопреки тому, что он писал сравнительно недавно, Парамонов нахваливает яновскую „интуицию“ – „подсказывающую, что в русском сознании, как таковом, наличествует опасная тенденция; что это сознание несвоевременное, несекуляризованное, наполненное опасными предрассудками“.

Впрочем, он всего лишь „вошёл в русло“ – тех представлений и концепций, которые сейчас на Западе высказываются „элитарными“ советологами, но коих смысл сводится к нескрываемой русофобии: ещё одно подтверждение крайней актуальности книги Шафаревича.

Парамонов очень неодобрительно говорит о некоей, присущей русскому народному сознанию „социальной мечтательности, порывающейся осуществить на земле самые высокие, небесные, так сказать, идеалы“. По какой-то извращённой логике, для Парамонова именно это и способствовало „укреплению тоталитарного социализма в России“. Это утверждается – в пику Шафаревичу, который „перечисляет высокие достоинства русского народного сознания“.

Действительно, социальная мечтательность присуща русскому уму – об этом убедительно писал в „Истории русской философии“ прот. В. В. Зеньковский, говоривший о „внутреннем движении секулярного (!) духа **в сторону утопизма**“. В. Зеньковский остановился на теоретическом утопизме кабинетных русских мыслителей, и указал, что „утопизм с чертами революционного динамизма“ впервые выступил у М. Бакунина – „и с тех пор он не исчезает у русских мыслителей, и время от времени вспыхивает и пылает своим жутким пламенем“. Но В. Зеньковский закономерно увязывает такого рода социальную мечтатель-

ность с расширением секуляризма: подобный утопизм становится опасным – и у отдельных мыслителей, и в народных движениях – именно и только тогда, когда развивается всецело на почве **секуляризованного** сознания, порвавшего с органическим строем жизни! Об опасности такого мечтательства постоянно предупреждала Православная Церковь – вплоть до проповедей св. Иоанна Кронштадтского и прот. И. Восторгова, обличавших социализм, как форму „социальной утопии“.

Так что, порицая „социальную мечтательность“ русских, в условиях секуляризации, и одновременно отвергая „русское сознание“, как „несовременное, несекуляризованное“ – Б. Парамонов заключает себя в порочный круг, противоречит самому себе. Происхождение такого рода логических ошибок объяснил в своей книге Шафаревич – это „проявление брезгливого отталкивания“. Или, по Парамонову, „неослеплённость любовью“, которая, увы, в данном случае не способствует „зоркости взгляда“.

*

С особенной настойчивостью тщится Парамонов представить И. Шафаревича противником демократии; он де „говорит о демократии, как о чуждом, неорганическом русскому народу политическом идеале, и проповедь такого идеала для России считает чем-то вроде подрывной деятельности“. Последняя фраза – о „подрывной деятельности“ – типичная парамоновская отсебятина.

Нужно обратить внимание на то, что о „демократии западного типа“ Шафаревич пишет – цитируя, как правило, разбираемых им авторов – исключительно в плане предлагаемой ими, этими авторами, жёсткой альтернативы: „они предлагают выбор только из **двух** возможностей – или „европейской демократии“, или авторитаризма, да ещё в его „самых крайних тоталитарных“ формах. **Протестуя** против такой „упрощённой схемы“, Шафаревич и **затрагивает** проблему демократии, – несомненно, существующей как проблема хотя бы со времён А. де

Токвиля; он высказывает в связи с этим ряд соображений, к которым полезно прислушаться самым ревностным сторонникам „демократии западного типа“, хотя бы во имя прокламируемого ими „плюрализма мнений“. Апеллируя к живому многообразию реальной исторической жизни, автор „Русофобии“ указывает на множество действующих в обществе сил, из комбинации коих постоянно возникает „непрерывный спектр государственных форм“, а не только навязываемые нам две **крайние** точки.

Здесь, как и во многих других моментах своей книги, И. Шафаревич выступает верным традиции русской мысли – в данном случае, можно сказать, что он продолжает высказанное в своё время Б. Н. Чичериным, „русским философом“, небезразличным как будто и Б. Парамонову.

Действительно, в своём „Курсе государственной науки“, рассуждая о „политике демократии“, этот мыслитель либерально-консервативного направления суммирует критику этого „идеала“. Дело в том, что после юношеских увлечений, он отошёл от всякого социал-политического радикализма, „разочаровался в жизненной силе демократии и в творческом значении социализма“. Как видим, и здесь у И. Шафаревича были предшественники...

В „Курсе государственной науки“ Б. Н. Чичерин, указав на „существенные и наглядные выгоды демократии“ переходит к систематическому изложению „важных недостатков“, и заключает, что „демократия никогда не может быть идеалом человеческого общежития“. Особенно он подчёркивает, что „демократия представляет безграничное владычество духа партий, из которых каждая стремится захватить власть в свои руки с тем, чтобы проводить свои виды... Государственный интерес затмевается партийными целями... Образуется особый класс политиканов, которые из политической агитации делают ремесло и средство наживы“. Указав, что „последствием такого порядка вещей является устранение лучшей и образованнейшей части общества от политической жизни“, Чичерин подчёркивает: „Из всех аристократических элементов общества, в демократии всплывает только денежная ари-

тократия, то есть худшая из всех“.

Любопытно, что думает об этом Б. Парамонов, несомненно, читавший не только Чичерина, но и более радикальных критиков демократии. Парамонов вспоминает их „очень старый аргумент“, – воспроизводимый Шафаревичем – что „демократическое устройство общества разлагает его качественную определённость, его необходимые иерархические структуры“. Аргумент, надо сказать, хотя и старый, но сохраняющий всю свою вескость. Не так для Парамонова. Он рассуждает о том, что „демократическое нивелирование общества – это объективный процесс“, который в наше время „зашёл уж так далеко, что привёл к созданию так называемого массового общества“.

„Ещё Токвиль говорил, что в эпоху демократии правление может быть либо свободным, либо деспотическим“ – небрежно поминает Парамонов автора знаменитого исследования „О демократии в Америке“, для подкрепления своего (и яновского, и всех русофобов) тезиса об альтернативе „демократия – тоталитаризм“. Но вот что писал Б. Н. Чичерин об А. де Токвиле: „Изучая Соединенные Штаты в самую лучшую их пору, он пришёл к заключению, что демократия представляет господство посредственности: возвышая массу, она понижает верхние слои и всё подводит к однообразному, пошлому уровню“; это – к „социальной взаимозаменяемости“ верха и низа!

„В демократии нет именно того, что даёт устойчивость и постоянство политической жизни...“ – это ещё из Чичерина; и этот тезис, поддержанный Шафаревичем, вызывает новый взрыв демагогических обвинений со стороны Парамонова. Дескать, автор книги „Русофобия“ связан „ретроспективным утопическим представлением о возможности найти в современной жизни какие-то (!) органические начала и на них строить общество“.

„Вообще, понятие органического строения общества, столь любезное Шафаревичу – поучает своих слушателей радио-комментатор „Свободы“ – это опасное понятие, именно в его социальном применении. Общество нельзя понимать по аналогии с природой...“ И так далее. Но

дело в том, что И. Шафаревич и не проводит подобной прямолинейной аналогии; он весьма далёк от биологически-натуралистических представлений. Для него важно **противопоставление** двух концепций: общество, как живой организм, – или же искусственно конструируемый механизм; дальше **этой** „анalogии“ он не идёт. Он и не думает „сводить социальные закономерности к природным“ – в чём его совершенно безосновательно (и с непонятным интеллектуальным высокомерием) укоряет Парамонов, рассуждающий далее о том, что „в обществе, построенном на органических началах, ничего нового быть не может“ и т. д.

Помимо всего прочего, в этом своём воинствовании против будто бы „пристрастия к органическим структурам“ Шафаревича, Парамонов обнаруживает какую-то органическую глухоту к духовным и религиозным мотивам и началам в жизни и строении общества. Если бы он не был так безнадёжно глух в этом отношении, он не мог бы не расслышать эту тему у Шафаревича – она является в известном смысле, тревожным лейтмотивом всей его книги.

Какое же это „пристрастие к органическим структурам“ у „верующего христианина“ (как признаёт и Парамонов) Шафаревича, если в финале его работы отчётливо звучит следующее: „Принадлежность к своему народу делает человека причастным Истории, загадкам прошлого и будущего. Он может чувствовать себя не просто частичкой „живого вещества“, зачем-то перерабатываемого гигантской фабрикой Природы. Он способен ощутить (чаще – подсознательно) значительность и высшую осмысленность земного бытия человечества и своей роли в нём...“

Как мы уже упоминали, у Шафаревича немалое внимание уделено проблеме „Малого Народа“, которую Парамонов комментирует следующим образом: „это у него не национальное, а интеллектуальное меньшинство“ (хотя выше, **отождествив** „Малый Народ“ с евреями, он обвинил Шафаревича в антисемитизме!). И продолжает: „Как бы там ни было, для Шафаревича само понятие меньшин-

ства, это какое-то нехорошее, не долженствующее быть понятие; это у него всегда носитель механического начала, противопоставление органическому началу – большинства, жизненной толщи“. Это – ещё один пример сознательного оглупления Парамоновым идей автора „Русофобии“, их упрощения и схематизации – чтобы легче было их опровергнуть. Он поучительно заявляет: „Шафаревич прошёл мимо того обстоятельства, что с понятием меньшинства связывается не только представление об отщепенстве, но представление о творческой инициативе, нестандартности, новизне, наконец“. Из текста передачи можно видеть, перед каким „меньшинством“ Парамонов здесь простирается ниц...

Действительно, проблема меньшинств – одна из важнейших в жизни общества, и как раз сегодня мы постоянно получаем подтверждение её чрезвычайной злободневности. И, однако, в книге Шафаревича рассматривается совершенно особый аспект этой проблемы, мало кем затрагивавшийся до него.

Послушаем, что писал об этом видный мыслитель, безусловно принадлежащий к традиции русской мысли, С. Л. Франк, ссылавшийся на так называемый „закон малого числа“, выведенный немецким социологом Фридрихом Визером: „Вопреки отвлечённой доктрине демократизма, требующей господства всех или большинства, во всяком обществе, независимо от принципов, которые оно официально исповедует, роковым образом **меньшинство властвует над большинством.**“ С. Л. Франк категорически утверждает – и к его высказыванию надо очень прислушаться – что „всякое общество по своей природе есть **олигократия, власть меньшинства**“.

„Общественные порядки могут различаться лишь по форме и способам подбора и пополнения этого правящего меньшинства – по степени его замкнутости, наследственного начала в нём или открытости доступа в него отдельных лиц из низших слоёв, по относительной свободе общественного мнения большинства в его оценке правящего меньшинства. Но все эти различия имеют

место лишь в пределах неустранимого, повсеместно действующего общего начала **олигократии**“ (С. Л. Франк. „Духовные основы общества. Введение в социальную философию“.)

Этот социально-психологический закон известен всем тем, кто стремится к реальной власти в обществе, – всем, даже и прикрывающимся „демократической“ фразеологией. Эта закономерность, о которой не принято много говорить ни в социологических трактатах, ни тем более в публицистических сочинениях, находит своё выражение и убедительное подтверждение, в частности, в многообразной активности того самого „Малого Народа“, на существование которого в период подготовки Французской революции указал О. Кошен, и на появление коего в разные исторические эпохи обратил внимание И. Шафаревич.

Не всегда национальный состав этого властвующего над большинством меньшинства играет первостепенную роль – хотя мы помним, чем было чревато для России в XVIII веке засилие немецкого меньшинства. Есть другой аспект этой проблемы, не чисто политический, но ещё более важный для духовного здоровья нации. Речь идёт о **национальной элите** – том меньшинстве в культурной жизни, которое и определяет своеобразие того или иного народа в сложном цветении мировых цивилизаций. Народ, нацию – уничтожают, обезглавливая, лишая её той творческой, мыслящей, духовно-созидающей части, которая составляет зрелый плод многовекового исторического, национально-государственного и культурно-общественного развития. Это случилось с нами семь десятилетий тому назад. Многие уже писали об этом, и сильнее всех, пожалуй, Вл. Солоухин в своей последней книге, где он прямо обвиняет „интернационалистски“ настроенный коммунистический режим (вариант всё того же „универсализма“, который сегодня подновляют западные профессора) в уничтожении **генетического фонда** русского народа, то есть питательного источника русской национальной элиты.

Но трагедия состояла не только в этом. Образовавшийся „вакуум“ стало заполнять меньшинство, стремившееся закрепить в массовом сознании нигилизм в отношении к национально-религиозному прошлому, уничтожить ценности духовного порядка (а заодно и духовно-материального), воспитать „нового человека“. Это было зарождением **русофобии** в том смысле, как её понимает и толкует в своём исследовании И. Р. Шафаревич. С воскрешением национального самосознания в современной России вновь вспыхнула и русофобия, и снова – как орудие подавления. Об этом говорит в своей книге Шафаревич с тревогой, волнением и большим гражданским мужеством. Его пафос – чисто защитный; он призывает к созданию оружия духовной самозащиты для национального самосохранения. И те, кому дороги судьбы отечественной культуры и само бытие нашего народа, должны были бы только поблагодарить своего великого соотечественника за его призыв.

Конечно, хотелось бы, чтобы этот призыв услышали и поддержали наши соотечественники, оказавшиеся в других странах, но живущие Россией. Таких немало среди „зарубежных русских“. К сожалению, выступающие от имени русских служащие западных „учреждений“ – в том числе Радиостанции „Свобода“ – меньше всего обеспокоены жизненными проблемами нашего народа. Потому и выступления их никакого особенного значения не имеют, а только дискредитируют выступающих. Единственная польза от таких передач, как составленная Б. Парамоновым, для русского слушателя – это, действительно, ценная информация о публикации на Западе Российским Национальным Объединением работы широко известного на родине академика И. Р. Шафаревича „Русофобия“. И на том спасибо.

НОВАЯ КНИГА

Вышла из печати и поступила в продажу
книга академика **И. Р. Шафаревича**,

РУСОФОБИЯ

Академик **И. Р. Шафаревич** – автор исследования
„Социализм, как явление мировой истории“,
(ИМКА–пресс, 1977), переведенного
на несколько языков.

Книга „Русофобия“ написана в Советском Союзе в конце 70-х годов. Рукопись её циркулирующая на родине в самиздате, попала в начале 80-х годов на Запад и оказалась в распоряжении инстанций, заинтересованных в том, чтобы т. н. „русский вопрос“ рассматривался и освещался лишь с антирусских позиций. Поэтому рукопись книги, хранящаяся в западных сейфах, получила гриф „Секретно!“ и не была опубликована.

В конце 1988 г. Росийским Национальным Объединением в ФРГ был получен экземпляр книги И. Р. Шафаревича, пересланный из СССР. РНО в ФРГ без ведома автора и не испрашивая на то разрешения западных инстанций, хранящих более 8 лет под замком рукопись, приняло решение о её публикации. Правильность и своевременность этого решения безусловно подтвердит каждый русский патриот как на родине, так и в Зарубежье, получивший наконец-то возможность прочесть уникальный труд, в котором „сказана правда“, произнесены „боязливо умалчиваемые слова“, как пишет академик Шафаревич, заканчивающий свою книгу фразой:

„Я не мог бы спокойно умереть, не попытавшись этого сделать“.

Книга в мягком переплете, 144 стр., цена книги:
в Европе 25 нем. марок
в заокеанских странах 18 ам. долларов

Пересылку воздушной почтой оплачивает заказчик.

Заказы направлять:
Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118–120
West Germany

Николай Воейков

Двухсотлетие Великой Французской Революции

О первой дерзновенной попытке выступления возгордившегося человечества против Бога-Творца повествуется в Библии (Быт. XI, 1-9). Ветхозаветное племя Хамитов (потомков Хама), за 2716 лет до Р. Х., желая прославиться, выстроило большой город и башню, достигавшую до небес, наподобие гигантского столпа. За это Бог наказал Хамитов смешением их языков и принудил ко всеместному рассеянию. В их городе, Вавилоне, утвердилось племя Халдеев. Хамиты же, не достроивши башни, переселились частично в Африку.

Нечто подобное „Столпотворению Вавилонскому“ суждено было повториться при Великой Французской Революции. Обезумевшая толпа парижан, празднуя победу свержения своего короля, в древнем соборе Богоматери, приветствовала святотатственную церемонию коронации уличной девки „Богини Разума“, коему учреждён был культ. Заменив бурбонскую лилию фригейским колпаком, революционеры провозгласили „Республику единую и неделимую“ с лозунгом: „Свобода, Равенство и Братство“, долженствующим во всем мире восторжествовать над врагами народа – монархами. В области духовной, хрис-

тианство и Церковь отбрасывались как лишние и вредные предрассудки для „просвещенного“ Разума человечества, освобождённого от всех прежних догматов и нравственных обязательств.

Среди причин, вызвавших подобное смятение умов во Франции, следует назвать постепенную дехристианизацию Западного мира. Рим, отделившийся от Вселенской Церкви в XI веке, искажил святоотеческое учение рядом ересей. Его Папы, присвоив себе светскую и духовную верховную власть, в Средние Века, осквернили свой престол неслыханными крайностями и развратом, что вызвало в XIV веке Великую Западную Схизму, двое- и троепапство, подорвав авторитет Рима в глазах католиков. В XVI веке, упадок морали среди высшего духовенства и бесстыдная торговля индульгенциями, вызвали расчленение католицизма вследствие проповедей вождей протестантской Реформы – Лютера и Кальвина.*

Реформа разделила народы, соединяемые папской теократией и в Европе возникли кровавые религиозные войны. Пробудив национальное самосознание, она содействовала образованию новых государств, как Голландия и Швеция. Одновременно Реформа открыла путь вольнодумству и либерализму, „энциклопедистам“ и безбожным философам XVIII-го века. Прикрываясь гуманитарными идеалами, они, подстрекаемые тёмными силами, сознательно вели общество к моральному разложению. Тут следует особенно отметить влияние на них английского философа Джона Локка (1632 - 1701). В своём труде „Опыт о человеческом разуме“, Локк положил начало эмпирической философии и психологии. Он считал душу „чистой доской“ (табула раза), наполненной впечатлениями внешних чувств (сенсуализм). Его учение послужило исходным пунктом философии Канта. В труде „Об Управлении“, Локк проповедовал веротерпимость и способствовал утверждению либерального правительства в Англии. Предвестник научного материализма, Локк радикально

---

* См. Н.Воейков. „Церковь, Русь и Рим“, ч. I, гл. V.

отвергал всякую духовность. Он считал, что материальные силы, во внешней природе, являются самым высшим что есть на свете. После своего изгнания из Англии, Локк издал „Мысли о воспитании“, труд вдохновивший Руссо.

Жан Жак Руссо (1712 - 1778) развил учение Локка о воспитании человека сообразно с природой, вне всякой религии. В своём романе „Эмиль“, он определяет, что „человек, хороший по природе своей“, портится обществом, которое надлежит преобразовать. Руссо был первым проповедником „демократии“ (народоправства), равенства и братства. В труде „Общественный Договор“, он особенно настаивает на обязательном равенстве всех граждан. Как пишет Н. Кусаков, „Рассмотрение трактатов Джона Локка дает полную ясность в том, что их главным принципом является атеистическое представление о мире и о человеке. Здесь полное отрицание Истины христианской мысли и отсюда – изобретение демократической морали, в которой цель оправдывает средства... Этот принцип проникает в „Общественный Договор“ Руссо, в „Североамериканскую Декларацию Независимости“ (1776) и во все конституции всех республик и всей прочей свободлюбивой республиканской демократической психологии революционного мировоззрения и революционной нравственности, этики и морали“ (Н.Кусаков. „Пути Беззакония“, (в рукописи), стр. 71, 1984).

Французская знать, задававшая тогда тон всем европейским дворам, вскоре оказалась пропитанной материалистическим вольнодумством. Отчуждённая от религии, осуждённой протестантами и поносимой Вольтером, Дидро и „Энциклопедистами“ элита общества и немалое число духовных лиц подпали под влияние масонства – врага христианства. Вскоре возникли, сродные с масонами, тайные общества: розенкрейцеры, иллюминаты, сатанисты и проч. К масонству примыкают даже члены королевского дома, как герцог Филипп Орлеанский, позже ставший членом республиканского Конвента и проголосовавший за осуждение на смерть Людовика XVI. Во главе

„Третьего Сословия“, зачинщика революции, стоял аббат Сиес, также голосовавший за смертную казнь короля. Среди беснующихся „Санкюлотов“ оказались священники и монахи, формально отрекшиеся от религии, примкнувшие к республике, во главе с Гоелем, Парижским архиепископом. В числе членов Конвента заблестали имена ренегатов: Тейлера, епископа Отенского, предложившего конфискацию церковного имущества, монаха-сульпицианца Фуше, иезуита Серрути и др. На духовенство не признавшее республику начались гонения, сопровождавшиеся разрушением храмов и монастырей. В осквернённом якобинцами Реймском соборе, был разбит сосуд с миром, которым веками помазывались на царство короли Франции. Особенно неистово натравливал на гонения верующих и казни „врагов народа“, Марат (крещенный еврей Мора), бывший ветеринаром до революции у герцога Артуа (будущего короля Карла X). Ставший членом Конвента, он издавал газету «Друг народа» и был членом комитета „Общество безопасности“; убит в ванне жирондисткой Шарлоттой Корде.

Эра террора, продлившаяся с 1793 по 1795 год, стоила Франции тысяч невинных жертв. 21 января 1793 года был казнён новоизобретенной „гильотиной“ король Людовик, после предварительного заключения в Темпле. Затем – королева Мария-Антуанетта и аристократы, обвиненные за свое происхождение. „Патриоты“ устремлялись на грабёж имений, церквей и гробниц, производя повсеместно непоправимые разрушения и осквернения ценнейших памятников зодчества и искусства. В провинции якобинцы прибегали к массовым истреблениям людей. Например, в Нанте, где сотни жителей были потоплены в баржах в реке.

Казнь короля Людовика XVI побудила соседние государства, опасавшиеся революционной заразы и возмущенные крайностями санкюлотов, начать войну против Республики, с помощью многочисленных эмигрантов-роялистов, спасшихся от террора. К Австрии, начавшей военные действия с 1792 года, присоединились Пруссия,

Англия, Голландия, Испания, Неаполитанское королевство и Диета Св.Империи. Жирондисты, обвинённые якобинцами в смерти Марата и казнённые Робеспьером, насчитывали многих приверженцев на юге Франции, которые организовали восстание против Конвента в Марселе и Лионе, а Тулон был отдан роялистами англичанам. Тем временем, в преданной монархии Вандее, шли бои и не прекращались волнения.

Объявив Республику в опасности, Робеспьер произвёл всеобщую мобилизацию – с 15-ти до 25-ти лет – угрожая генералам вновь созданной армии революции смертной казнью в случае поражения... Однако успехи союзников вызвали в июле 1794 года реакцию Термидора; Робеспьер был в свою очередь казнён и к власти пришли умеренные партии, упразднившие клуб якобинцев и Революционный Трибунал. После казни Монтаньеров, в мае 1795 года была обнародована Конституция и к власти пришла Директория: пять Директоров из умеренных партий. Как известно, это последнее республиканское управление было упразднено в 1799 году, начавшим свою государственную карьеру, Наполеоном Бонапартом.

Благодаря своим военным талантам, Наполеон, спасший Францию от союзников, был коронован императором в 1804 году самим Папой Римским. Это произошло после ряда, одержанных им во всех частях Европы блестящих побед. Однако Бонапарт оставался духовно близок к выдвинувшей его революции. Поддерживая религию в своей стране по политическим соображениям, он цинично заявлял после своего падения: „Став католиком, я выиграл в Вандее, став мусульманином, я завладел Египтом, а если бы я царствовал над евреями, то я бы отстроил заново храм Соломона“. Действительно, Наполеон, продержавший Папу в унижительном заключении, созвал в Париже, в феврале 1807 года, „Великий Синедрион“, рассчитывая приобрести влияние на мировое еврейство. Отношение же его к христианской религии выявилося в Испании, а в особенности во время похода против России. Он допускал кощунственное ограбление храмов и

превращение их в конюшни, как в Московском Успенском соборе. Покидая Москву, Наполеон приказал увезти крест с колокольни Ивана Великого, а Кремль взорвать целиком, чего не успел исполнить маршал Мортье. Своим отношением к религии, Наполеон содействовал отчуждению от духовности, предшествующему Революции.

В XIX веке, по примеру „Энциклопедистов“, мечтавших своими 28 изданными томами придушить Св. Писание и святоотеческие творения, Европа всё более и более увлекается сочинениями претендующими устроить на земле счастливую жизнь вне Бога и Церкви. Уже Вольтер видел в Церкви непримиримого врага и восклицал: „Раздавить негодную!“ Французские и немецкие философы пытались привить обществу различные теории, основанные на демократических началах и на пресловутом лозунге Республики - „Свобода, Равенство и Братство“. Среди них назовём проповедника коллективизма графа Сен-Симона (1760 - 1825), основавшего движение, носящее его имя. Будучи врагом частной собственности, он осуждает хозяев, эксплуатирующих рабочих, что вело к анархии в области производства. Той же формой коллективного труда увлекался Шарль Фурье (1772 - 1837). Он допускал достижение гармонии в обществе лишь при свободном проявлении человеческих страстей. Ему же принадлежит проект поселения людей в „фаланстерах“, общинах по 1500 - 1800 жителей каждая, подобранных по признаку общности интересов, что уже напоминает коммунистические колхозы... Пьер Жозеф Прудон (1809 - 1865) - другой противник частной собственности, взывал к трудящимся с призывом борьбы против капиталистического строя общества, и с этой целью, будучи депутатом 2-ой Республики, основал в Париже „Народный Банк“. Социалист Луи Блан (1811 - 1882) в своём труде „Организация труда“, настаивал на необходимости захвата власти рабочими для устройства социалистического государства на основе обобществления всех орудий производства.

Немецкий экономист Карл (Мардохай) Маркс (1818 - 1883) сублимировал подобные теории в логически обоснованную систему, придав ей динамизм ненависти. В отличие от гуманитарных немецких философов - Фихте, Гегеля и Ницше - Маркс призывал к борьбе с капитализмом и властьюмущими, любыми средствами, ссылаясь на Маккиавели, оправдывавшего вероломство и насилие при захвате власти.

Основной труд Маркса „Капитал“ развивает мысль о признании экономики базой социального строя, при котором власть будет в руках рабочего класса, достигшего счастливой жизни путём правильного распределения продуктов производства. Он проповедует мировую революцию для объединения „пролетариев всех стран“, трудящихся коллективно без эксплуатации хозяевами, признав всякую религию - „опиумом для народа“. Коммунистические лозунги Маркса оказали на массы большее влияние, чем туманные теории философов. В 1844 году, немецкий социалист Фридрих Энгельс (1820 - 1895) сблизился с Марксом и вместе с ним участвовал в революционном движении 1848 - 49 годов, после чего бежал в Лондон, где и издал 2-ой и 3-ий тома „Капитала“ Карла Маркса. Финансовую поддержку оказал им известный банкир Ротшильд, помогавший в то время также, издаваемому в Лондоне революционному печатному органу на русском языке - «Колоколу» Александра Герцена (1812 - 1870) для пропаганды в России марксистских идей.

После победы над Наполеоном, Россия достигла зенита славы и Православный Царь, инициатор „Акта Священного Союза“, заключенного после Венского Конгресса, стал помехой на пути марксистов. Россия была единственной державой верной принципам христианской законности, сохранившей православную веру во всей её первобытной чистоте, как пишет Н. Кусаков. Маркс и стоящие за ним тёмные силы, собрали максимум энергии на сокрушение России и православного духа её миропомазанных государей, стоявших преградой на пути практического осуществления революционных идей. Провал в

Германии I-го Интернационала, организованного Марксом и Энгельсом, а также Парижской Коммуны, заставили коммунистов сосредоточить все свои силы на разложении Российской Империи. Как известно, их утопическими доктринами неожиданно соблазнилась часть русской интеллигенции. Зараженные идеями Французской Революции, оторванные от Церкви и враждебные Престолу, подрывной работой занялись духовные дети „Декабристов“ – Герцен, Кропоткин, Бакунин, Чернышевский, Добролюбов и др. В их понятии, марксистская система превратилась в некую мессианскую доктрину, основанную на всеобщей гармонической любви. Это расшатывание умов началось с вольнодумства, поощряемого профессурой в университетских кругах; народ же оставался верным своим историческим традициям. Уже с середины XIX века, Белинский, издеваясь над провидцем Гоголем и его „Перепиской с друзьями“, поносил православную культуру и глумился над верой: „довольно нам этих молебнов...“ Подлинный облик нигилистов „народников“ пророчески описал Достоевский в романе „Бесы“. Революционную деятельность он считал демоническим восстанием против Бога и совести и попыткой устроить жизнь человечества не только помимо этих начал, но в постоянной борьбе с ними. Сотни покушений на сановников и губернаторов создали атмосферу террора, как метод запугивания царского правительства, – черезчур гуманного, как показала история. Подлое убийство Царя-Освободителя Александра II в 1881 году, напомнило как Герцен, узнав в Лондоне об освобождении крестьян в России в 1862 году, в восторженной телеграмме приветствовал Государя...

Совершенная Лениным и его сообщниками революция 1917 года, стоившая России миллионов невинных жертв, за 70 лет существования советского строя, основанного на небывалом в истории человечества насилии над человеком, не принесла народу нашему счастливой жизни, обманно обещанной марксизмом. От западников-либералов, через народников-нигилистов, русская интеллиген-

ция, виновная в революции, докатилась до бездны её поглотившей. Образовавшееся с исчезновением Российской Империи нарушение мирового равновесия, содействовало и увеличению в мире „смятения умов“, которому положила начало Великая Французская Революция.

Сообщение редакции «Вече»

По вложенным в «Вече» №32 пронумерованным талонам на заказ юбилейных тарелок, изготовленных к Тысячелетию

Крещения Руси,

к 1 июня с.г. поступило 17 заказов.

Согласно опубликованным в «Вече» №32 условиям, в лотерее с участием талонов заказчиков розыграно 2 комплекта юбилейных тарелок.

Выигрыши выпали на талоны № 0397 и № 0818.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на Австралию и Новую Зеландию

ALMANAC «VECHE»

P. O. Box 312, Moonee-Ponds, 3039.
Vic, Australia.

Tel. (03) 337-6880

**Просьба оформлять подписку на «Вече
для Австралии и Новой Зеландии
через Генеральное Представительство,
по указанному выше адресу.**

**Стоимость подписки на 1 год (4 номера)
42.00 австралийских доллара.**

Цена одного номера - 12.40 австрал. доллара.

**Желающие могут получить по почте
от Генерального Представительства
бесплатно пробный номер «Вече»**

Алексей Боголюбов

Борис Коверда

Выстрел на Варшавском вокзале

Утром, 7 июня 1927 года, советский полпред в Польше, Петр Войков, встречал на вокзале в Варшаве Аркадия Розенгольца, советского посла в Лондоне.

Английское правительство прервало дипломатические отношения с Советским Союзом и Розенголец был проездом в Варшаве, по дороге в Москву.

Между поездами дипломаты успели поговорить и закутить в вокзальном буфете и теперь направлялись к скорому поезду Варшава – Москва.

Неожиданно раздалось несколько выстрелов и смертельно раненый Войков упал на перон. Стрелявшим был 19-летний ученик русской гимназии в Вильно, Борис Коверда...

Два с половиной года назад, 18-го февраля 1987 года, Борис Софронович Коверда скончался в Вашингтоне, не дожив до своего 80-летия.

Со дня покушения на Варшавском вокзале прошло более 60-ти лет. Отгремела Вторая мировая война и затмила в памяти людей старшего поколения многое, что происходило до неё. Два последующие поколения выросли за эти годы и мало кто из них слышал имя Бориса Софроновича и мог бы объяснить причины, побудившие скромного и мягкого молодого человека поднять руку на

страшное дело – убийство другого человека...

Цель этой статьи – познакомить читателей альманаха «Вече» с судебным процессом Бориса Коверды и с политической обстановкой того времени, и таким образом ответить на поставленный выше вопрос.

Автор пользовался стенографической записью судебного процесса и сведениями, почерпнутыми из зарубежных и советских печатных источников, перечисленных в библиографии к этой статье.

*

Суд над Борисом Ковердой был проведен очень быстро: 7-го июня было совершено покушение, а уже 15-го был вынесен приговор.

Оба заинтересованных правительства имели для этого основания.

Польша не хотела осложнять отношения со своим опасным соседом, с которым она не так давно закончила войну. Для Советского Союза долгое следствие и разбор причин покушения грозили превратить суд над Ковердой в осуждение советского режима на глазах мировой общественности.

Большевики боялись повторения суда над швейцарским подданным Конради, застрелившим в 1923 году секретаря советской делегации Воровского.

Швейцарский суд оправдал Конради и тем самым осудил большевистские злодеяния в России.

Для ускорения процесса польское правительство нашло возможным применение закона о чрезвычайных судах, относящегося главным образом к преступлениям против польских официальных лиц. В составе председателя и двух членов, этот суд выносит скорые и суровые приговоры, которые являются окончательными и обжалованию не подлежат...

С раннего утра 15 июня здание суда было окружено толпой лиц, желавших присутствовать в зале судебного заседания. Несмотря на строгий разбор, с которым произ-

Борис Софронович К о в е р д а

После выхода из тюрьмы в 1937 году

водился пропуск в зал, все скамьи для публики, проходы и места за судьями оказались занятыми.

Польская и иностранная пресса были представлены значительным числом журналистов, количество которых увеличивалось и к моменту вынесения приговора достигло 120-ти человек. Среди них были корреспонденты «Правды» и «Известий», занявшие места в стороне от „буржуазных“ журналистов.

Борис Коверда был введён в зал суда под сильным конвоем и сразу завоевал общую симпатию своей улыбкой и выражением лица. В чистой рубашке, и в скромном костюме, он казался совершенно мальчиком. Свои показания Коверда давал, как и все свидетели, на польском языке.

В первый момент он очень волновался, но всё остальное время держал себя совершенно спокойно, несмотря на то, что до объявления приговора в напряженной атмосфере судебного заседания возникали даже опасения о возможности вынесения смертного приговора...

Заседание суда открылось в 10.45 утра, а приговор был вынесен через 14 часов в 12.45 ночи. Судьям понадобилось 50 минут, чтобы принять решение. Приговор был заслушан Ковердой и всеми присутствующими стоя. Когда председатель суда дошел до слов о бессрочной каторге, вздох облегчения прошёл по залу, а Коверда встретил приговор с выражением радости на лице. Его отец подбежал к скамье подсудимых и крепко обнял и поцеловал сына, который сразу же, под конвоем полицейских был отведён в тюрьму.

Впоследствии президент Речи Посполитой заменил бессрочные каторжные работы теми же работами, но на пятнадцатилетний срок. Как мы сейчас знаем, Борис Софронович Коверда провёл 10 лет своей молодой жизни в тюрьме, и был освобождён по амнистии в 1937 году.

Обвинительный акт о предании Бориса Коверды чрезвычайному суду, в качестве обвиняемого по статье 453 Уголовного Кодекса, в интересующей нас части, гласит:

„Стрелявшим в посланника Войкова оказался Борис Коверда, девятнадцатилетний ученик гимназии Русского общества в Вильно, который, опрошенный в качестве обвиняемого, признал себя виновным в умышленном убийстве посланника Войкова и заявил, что он, будучи противником настоящего политического и общественного строя в России, и имея намерение поехать в Россию, чтобы там принять активное участие в борьбе с этим строем, приехал в Варшаву, с целью получить разрешение Представительства СССР на бесплатный проезд в Россию. А когда ему в этом было отказано, он решил убить посланника Войкова, как представителя власти СССР, причём добавил, что с посланником Войковым никогда не разговаривал, к нему претензий не имел, ни к какой политической организации не принадлежал, и что акт убийства он совершил сам, без чьего-либо внушения или соучастия“.

После оглашения обвинительного акта председатель суда спросил Коверду, признаёт ли он себя виновным, на что тот ответил, что признаёт, что убил Войкова, но виновным себя не признаёт, так как убил его за всё то, что большевики совершили в России.

По окончании этого заявления были введены свидетели. Свидетелей обвинения было пять: Аркадий Розенгольц, полпред СССР в Англии, Юрий Григорович, завхоз советского посольства в Варшаве, два польских полицейских, дежуривших в утро покушения на вокзале и Сура Фенигштейн, бедная торговка, у которой Коверда прожил в качестве „углового жильца“ 13 дней из своего двухнедельного пребывания в Варшаве.

Розенгольц рассказал о своей встрече на вокзале с Войковым и о деталях самого покушения, в то время как они вместе шли из вокзального буфета к поезду, на котором Розенгольц собирался уехать в Москву.

Григорович, по сути дела ничего сказать не смог, так как Войков отпустил его с вокзала до покушения.

Околодочный Ясинский дежурил на вокзале, услышал несколько выстрелов и „на перроне №8 -9 заметил двух людей, стрелявших друг в друга из револьверов...“ Описавши последующие обстоятельства, он закончил свое показание, сказав, что будучи в помещении, в которое был отведен Коверда, он слышал как тот сказал - „за Россию“.

Полицейский Домбровский, тоже дежуривший на вокзале, дал свою версию событий и подтвердил, что на

вопрос зачем он стрелял, Коверда ответил: „Я отомстил за Россию, за миллионы людей“. Он также отметил, что Коверда был совершенно спокоен, когда его арестовали.

Свидетельница Фенигштейн показала, что Коверда приходил вечером, а утром выходил и никого у себя не принимал.

Со стороны защиты выступали родители и сестра Бориса, директор гимназии, в которой он учился, его духовник, издатель еженедельника «Белорусское слово», в котором Коверда проработал три года, товарищи по гимназии, знакомые и т. д. – всего 21 человек.

Мать Бориса, Анна Коверда, дала следующие показания:

„В 1915 году мы были эвакуированы властями из Вильны... Мы жили в России до 1920 года. То, что он видел в Самаре, не могло создать в нём благоприятного для большевиков настроения. Он был свидетелем разгрома Чрезвычайки... Сын моей сестры был убит большевиками. Борис часто об этом говорил с моей сестрой... Борис в Самаре был свидетелем, как расстреливали на льду нашего знакомого отца Лебедева... Борис много читал. По взглядам он был демократ... Борис был впечатлительным, тихим и скромным. Он работал на всю семью... Борис болел скарлатиной и дифтеритом, был в больнице шесть недель. Сразу после выздоровления взялся за работу... Когда Борис был еще 6-7-летним мальчиком, я иногда читала ему историю России. На него особенно сильное впечатление произвела история Сусанина. Он сказал мне: „Мама, я хочу быть Сусаниным“... Об убийстве я узнала из газет. Оно было для меня неожиданностью“.

Отец Бориса, Софрон Коверда, сообщил следующее:

„Я сын крестьянина. В Вильне ещё до войны я принадлежал к партии социалистов-революционеров и принимал участие в нелегальной работе. Я был убеждён в том, что царская власть угнетает крестьян... Когда произошёл переворот я принимал участие в уличных боях против большевиков... В последний раз я виделся с сыном на праздник Рождества Христова. Я жил отдельно, так как тяжелые условия вынуждали меня жить отдельно. Я учитель народной школы. Во время каникул, в разговорах с сыном мы не раз затрагивали политические темы... Нужда портила Борису жизнь... Он человек верующий и правдивый. В прошлом году он тяжело болел и был близок к смерти. После болезни его впечатлительность усилилась...“

Сестра Бориса Ирина подтвердила, что у них в доме бывали такие периоды, что продавалось всё, так как не на что было жить, и что было время когда только брат содействовал всю семью.

Директор гимназии Виленского Русского Общества сообщил следующее:

„В прошлом учебном году Коверда поступил в нашу гимназию в 7-ой класс... Я спрашивал учителей белорусской гимназии, отчего Коверда ушёл из этой гимназии – и мне было сказано, что там часть учеников принадлежала к коммунистической партии, что Коверда выступал против своих товарищей и что на этой почве ушёл. Я знал, что Коверда находится в очень тяжелых материальных условиях, что он вынужден работать... Мы мирились с частыми пропусками уроков и он, хотя и с трудом, был переведен в 8-ой класс. Уже после Рождества он очень редко бывал в гимназии. Возник вопрос, что делать с Ковердой. 21 мая на заседании педагогического совета было принято решение об исключении Бориса Коверды из гимназии. Мы были вынуждены это сделать на основании существующих правил. Исключение Коверды было для меня тяжелой обязанностью. У него были слёзы на глазах, когда он говорил, что хочет окончить гимназию, но не может платить... Коверда был тихим, спокойным, послушным, сосредоточенным и замкнутым... Как директор гимназии я могу сказать, что Коверда оставил в гимназии самые хорошие воспоминания. На этой неделе я разговаривал с товарищами Коверды. Они мне говорили, что встречались с Ковердой и рассказывали ему об экзаменах. Коверда загадочно говорил о том, что ему тоже предстоит сдать экзамен и потом его товарищи объясняли, что этот экзамен – это его поступок. Общее мнение о Коверде гласило, что это человек безусловно идейный, не бросающий слов на ветер, сосредоточенный, впечатлительный, мягкий. Всем было ясно, что Коверда переживал что-то крупное, что-то ценное, какую-то тайну. Это было общее мнение товарищей Коверды по гимназии...“

Арсений Павлюкевич, издатель еженедельника «Белорусское слово» показал, что Коверда работал у него корректором и экспедитором, был трудолюбив, делал переводы, интересовался религиозным отделом и вступал в переписку с методистами, защищая православие. Он был самолюбив и на этой почве у него возникали столкновения с сотрудниками в редакции. В материальном отношении ему было очень тяжело, так как он содержал всю семью. После болезни он сделался очень нервным, и это, может быть, было вызвано ходом его учения.

„В прошлом году Коверда хотел выехать в Россию, но скрывал от меня. На вопрос о своём будущем ответил, что хочет получить высшее образование в России, что рассчитывает на падение большевиков и может оказаться там полезным. В последнее время он составлял выдержки из русских газет. У нас был отдел „СССР“ и в этом отделе мы сообщали о наиболее ярких событиях из большевистской жизни. Коверда тоже делал вырезки из эмигрантских русских газет – «За свободу» и «Сегодня». По мере умственного развития в нём усиливались антибольшевистские нас-

троения. В нашей редакции он мог высказывать свои взгляды, и это никого не удивляло. Поступок Коверды оказался, однако, для нас неожиданным, и был, вероятно, вызван его антибольшевистским настроением“.

После окончания выступлений остальных свидетелей защиты, которые по сути дела ничего не добавили, суд перешёл к слушанию обвиняемого.

Коверда поднялся со своего места и громко и отчётливо стал рассказывать на польском языке свои воспоминания и впечатления детства в России, передавая обстоятельства и сцены бесправия, насилия, жестокости и террора.

Во время этих показаний его постепенно охватило волнение и последние слова он проговорил почти плача. Но затем взял себя в руки и продолжал совершенно спокойно и твёрдо рассказывать о своей жизни в Вильне по возвращении туда в 1920 году.

В течение двух лет Борис работал экспедитором в белорусских левых газетах. В какой-то момент ему стало ясно, что работа этих газет ведётся, как он выразился, „на червонцы, выкованные из церковных ценностей“.

Перейдя в газету Павлюкевича, Борис начал читать о большевистской революции и о её последствиях, прочитал книгу Краснова, сборник статей Арцыбашева, польские книги, в том числе и книгу о голоде, и понял, кто виноват в том, что положение России дошло до того, что люди стали людоедами.

Дальше привожу слова Бориса:

„Ещё в прошлом году я хотел ехать для борьбы с большевиками в Россию. Я говорил об этом моим друзьям. Не знаю, почему они умолчали об этом здесь перед судом. Но пришло время материальной нужды и мне не удалось осуществить мой замысел. Но когда мое материальное положение укрепилось, я опять начал думать о борьбе и решил поехать в Россию легально. Я собрал немного денег и приехал в Варшаву, а когда мне было в этом отказано, я решил убить Войкова, представителя международной банды большевиков.

Мне жаль, что я причинил столько неприятностей моей второй родине – Польше. Вот в газетах пишут, что я монархист. Я не монархист, а демократ. Мне всё равно: пусть в России будет монархия или республика, лишь бы не было там банды негодяев, от которой погибло столько русского народа.

Я хочу ещё прибавить, что я убил Войкова не как посланника, а как члена коминтерна“.

На этом закончились показания Бориса Коверды.

Прокурор Рудницкий начал свою речь с утверждения, что Коверда является русским не только по происхождению, языку и вероисповеданию, но и по „одушевляющей его экзальтированной, плохо понятой, ведущей на неверные пути, но тем не менее глубокой любви к своей стране“. Затем он продолжил:

„На какую бы ошибочную дорогу ни завела его эта любовь, мы не можем не принять во внимание той правды, которая в нём живёт, руководит его неопытным умом, его ошибочными, преступными шагами.

Но, господа судьи, мы не можем преступление, убийство посланника Войкова, считать за спор сегодняшней России или же России сегодняшнего дня с Россией вчерашнего дня, а тем более мы не можем считать, что наш приговор должен разрешить великий спор между двумя лагерями одного народа. Мы не можем ни минуты задумываться над вопросом, кто прав: сегодняшние правители России, или же её эмиграция, которая, измученная и раздраженная, как всякий лишенный своей земли человек, желает ввести какой-то другой порядок в России. Мы не можем ни разрешить, ни касаться этого спора не только потому, что никто из современников не в состоянии разрешить, за кем правда в великих исторических переворотах, но прежде всего потому, что это спор русских с русскими, спор внутри государства, борьба сил чужого общества...

Коверда убивает за Россию, от имени России. Право выступать от имени народа он присвоил себе сам. Никто его не уполномочивал ни на это сведение счётов, ни к борьбе от имени России, ни к мести за неё“.

Обвинению нужно было разрешить очень важный вопрос о том, действовал ли Коверда один или за его спиной стояли другие люди или организации. Прокурор Рудницкий перечислил и разобрал все факты, собранные в ходе следствия и пришёл к следующему выводу:

„Все эти внешние обстоятельства, сопровождавшие покушение, безусловно указывают на то, что Коверда совершил его один, без чьего бы то ни было соучастия и без посторонней помощи“.

Вторым ключевым вопросом, на который надо было ответить прокурору, было выяснение причин и побуждений, толкнувших Бориса на его страшный шаг. На этот вопрос прокурор Рудницкий ответил следующим образом:

„По-моему, другой фактор формирования сознания Коверды старательно воспитывал в нём элементы ненависти и мести. Этим фактором была та литература, вернее журналистика, которой питался Коверда в течение последних лет. Он рано начал жить в мире газетных сообщений, освещаемых соответственно с направлением газеты. Мы ведь знаем, что в последнее время, помимо чисто технической работы, он делал из газет, в которых он работал, специальные вырезки, касающиеся всех тех зару-

бежных событий, которые, согласно мнению большинства прессы, особенно эмигрантской, являются исключительным содержанием жизни теперешней России. Чтобы судить свою страну, сказал я сегодня, нужно жить в этой стране, в ней работать и страдать. Нельзя, однако, судить её, живя в атмосфере газетных сплетен и эмигрантских надежд. Ибо этот суд никогда не будет глубоким и правильным...

В психике Коверды мы должны искать ответ на вопрос, сам ли решился Коверда на этот кровавый поступок, или его кто-нибудь толкнул на него?

Я уверен, что в этой не успокоившейся до сегодняшнего дня атмосфере междоусобной борьбы русских между собой, экзальтированный и неуравновешенный юноша сам решился на убийство“.

Заканчивая своё выступление прокурор Рудницкий обратился к судьям со следующими словами:

„Коверде, господа судьи, следует дать суровое наказание, суровое, даже несмотря на его молодой возраст, ибо его вина весьма велика. Выстрел, произведенный им, убил человека, убил посланника, убил чужестранца, который на польской земле был уверен в своей безопасности. Этот безумный и роковой выстрел, последним эхом которого будет ваш приговор, Польская республика, которая будет говорить вашими устами, должна осудить и сурово наказать. Слишком тяжелое оскорбление нанесено её достоинству, чтобы она могла быть мягкой и снисходительной. Она обязана быть суровой в отношении виновного, значит, и вам нельзя не быть суровыми“.

На этом закончилось выступление прокурора, которое произвело на слушателей глубокое впечатление и, повидимому, очень неприятно подействовало на Розенгольца. Когда после прокурора заговорил первый защитник, Розенголец покинул зал.

Бориса Коверду защищали четыре адвоката: три поляка (Надзельский, Эттингер и Пасхальский) и один русский по отцу и поляк по матери (Андреев). Все четыре защитника прекрасно справились со своей задачей.

Говоривший первым, адвокат Надзельский защищал Коверду по приглашению всех русских общественных организаций и учреждений в Варшаве. Противопоставляя заповеди христианства догмам коммунизма Надзельский сказал:

„Во тьме веков истории человечества таится зарождение заповеди, которая заключается в простых словах: „не убий“. Ещё в то время, когда происходила ежедневная кровавая борьба за любую добычу, когда сильный перегрызал горло слабому в борьбе за пищу или жилище, стало пробуждаться в человеческих душах первое туманное понятие о том, что человеческое общежитие не может основываться на убийстве, а должно основываться на уважении к жизни ближнего...“

Почти две тысячи лет прошло с тех пор, как Великий Учитель дал этой заповеди, уже созревшей в умах лучших людей того времени, новое глубокое содержание и значение, сказав: „любви ближнего твоего как самого себя“.

Вся последующая история Европы и всего мира есть не что иное, как борьба за воплощение этих заповедей в жизнь!.. И вот, в XX столетии казалось, что близок момент полного триумфа этой святой заповеди. Сознание её правды сделалось общим во всём мире, и только в самых глухих его уголках, на островах среди океана, сохранились следы людоедства. А у народов цивилизованных продолжало существовать лишь понятие о допустимости пролития крови в военных столкновениях, в защите прав и интересов отдельных народов. Но и эти пережитки прошлого уже колебались под могучим дуновением идей всеобщего мира, могущего раз и навсегда вычеркнуть войну из числа средств к разрешению человеческих споров. И вот, в этот исторический момент, на востоке Европы разверзлись врата ада, и на земной поверхности оказалась кучка лже-пророков, провозглашающих новые принципы: ошибочен путь, по которому до сих пор шло человечество, бесплодна любовь к ближнему. Лишены всякого значения завоевания христианской этики и человеческой совести и писанные законы народов, убийство и месть являются заповедью будущего, которое следует строить на крови и развалинах.

– Мы уничтожаем девять десятых человечества ради того, чтобы одна десятая дожила до победы коммунизма, – сказал первый лже-пророк, Ленин.

– Единственной формой победы является уничтожение противника, – прибавил второй лже-пророк, Троцкий.

Третий, Бухарин, заявил, что только казни и убийства образуют сознание коммунистического человека. Дзержинский считал кровавый террор чрезвычайным признаком народного гнева, получившего систематическое оформление.

Диктатор Украины, Лацис, цинично выдвинул новый принцип юстиции, перед которым содрогнулась бы душа даже полудикого, примитивного человека: „Не ищите доказательств того, что подсудимый словом или делом выступал против советской власти. Первым вопросом должен быть – к какому классу он принадлежит? Это должно решить вопрос о его судьбе. Нам нужно не наказание, а уничтожение“. А существует, кроме того, заявление ещё одного из этих лже-пророков, которое как молния освещает самые глубокие тайники тёмной души новой религии и возглашает смертный приговор всем достижениям христианской цивилизации. „Долой любовь к ближнему! – сказал Луначарский. – Мы должны научиться ненависти. Мы ненавидим христиан, даже лучшие из них – наши враги. На знамёнах пролетариата должны быть написаны лозунги ненависти и мести!“...

По подсчётам русского социалиста Мельгунова – уже в первый период большевистского господства пало по приказу кровавой Чека миллион семьсот тысяч людей. Проходят годы, и каждый день поглощает новые жертвы“.

Сопоставляя организованный государственной властью террор в Советском Союзе с безопасностью и защитой,

которой в Европе пользуются советские дипломаты и представители Надзельский сказал:

„За всё время, в течение которого кошмар большевизма висит над Европой – совершились только два акта мести: один в Швейцарии в 1923 году, когда убит был Воровский; другой – спустя четыре года на польской земле – убийство Войкова. Неужели эти две жизни являются таким ужасом в сравнении с миллионом семьями тысячами невинных жертв Чека? С десятками миллионов жизней, поглощённых по вине советского эксперимента, гражданской войной, голодом, нуждой и болезнями?

Вся культурная Европа, польский народ, и также русская эмиграция, рассеянная по всему земному шару, оказались непоколебимо верными христианской культуре, неизменно послушными заповеди: „не убий“.

Заканчивая свое выступление, адвокат Надзельский приходит к заключению, что столкновение между всемирной христианской культурой и попыткой большевиков вернуть человечество на путь варварства неустранимо, и, обращаясь к судьям, говорит:

„Вот почему бремя великой исторической ответственности падает не на личность Бориса Коверды, а на весь тот строй, на совести которого уже столько преступлений и совесть которого еще запятнается не одной катастрофой, прежде чем наступит в мире победа правды и справедливости... Пусть на чашу милосердия будет брошен символ, который Коверда хотел защитить – крест, на котором написана заповедь „не убий“. А если этого мало, то бросим на чашу весов любовь к родине, которой Коверда посвятил свою молодую жизнь. И чаша милосердия должна перевесить!“.

Следующим выступил защитник Павел Андреев, который начал свою речь с оспаривания утверждения прокурора, что столкновение между Ковердой и Войковым – это борьба между двумя русскими, различно относящимися к состоянию своей родины:

„Нет! Коверда страдал за несчастья родины, боролся за неё – Войков же не представлял родину Коверды, а созданное на крови, и кровью питающееся, государственное новообразование, которое даже со своих знамен сорвало имя Россия.

Родина – это не только территория, не только совокупность людей. Родина – это комплекс традиций, верований, стремлений, святынь, культурных достижений и исторической общности, людей и земли, ими населенной. Родина – это история, в которой развивается нация. А разве СССР может создать нацию?

Нет!“...

Во второй части своего короткого выступления адвокат Андреев оспаривал утверждение прокурора, что Ковердой руководила „гордыня“ и призывал суд к мягкому приговору.

Третья защитительная речь блестящего варшавского адвоката Эттингера была наиболее сильной с юридической точки зрения и произвела большое впечатление своей аргументацией против подсудности дела Чрезвычайному суду.

Свое выступление Мечислав Эттингер начал следующими словами:

„Господа судьи!

Мы разделили между собой защиту, и моей задачей является представить вам наши выводы по вопросу о подсудности вам этого дела.

Позволяет ли вам закон республики судить Коверду и наказать его согласно немилосердно суровым предписаниям о чрезвычайных судах? Можно ли лишать его тех гарантий, которыми пользуется подсудимый при обычном судебном разбирательстве, и оценки его вины согласно принципам нормального закона?

По глубокому убеждению защиты, предание Коверды Чрезвычайному суду противоречит закону“...

Адвокат Эттингер представил суду очень ясную и полную аргументацию позиции защиты, которую, к сожалению, невозможно привести полностью или даже пересказать в журнальной статье.

Последним выступал адвокат Франциск Пасхальский, который сравнил суд над Конради в Швейцарии с судом над Ковердой в Польше. Он сказал, что Швейцария стала ареной процесса, во время которого прошёл длинный ряд свидетелей, пополняя обвинительный акт против советского режима. В условиях Чрезвычайного суда в Варшаве защита не имела возможности использовать рассеянных по Европе многочисленных свидетелей, которые, при другом судопроизводстве, своими показаниями могли бы дополнить сведения юного обвиняемого, и взять на себя моральную ответственность за его поступок. Таким образом, рамки процесса были значительно сужены, что повлекло за собой удаление из судебного разбирательства всего, что происходит в Советской России, с которой Польша подписала мирный договор.

Заканчивая эту часть своего выступления, Пасхальский воскликнул:

„Никто, однако, не может нам запретить здесь говорить обо всём, что Коверда пережил и что толкнуло его на убийство“.

По мнению адвоката Пасхальского книга Арцыбашева „Записки писателя“ замкнула цикл размышлений Бориса и дала ему напряжение воли, необходимое для выполнения принятого им решения. Из этой книги, в которой Арцыбашев обращается к швейцарским судьям по поводу дела Конради, Пасхальский приводит следующую цитату:

„Вы избрали террор средством тирании. Ваш террор – преступление. Террор, направленный против вас – справедливое возмездие... Родина не даётся даром. Мы, и только мы, имеем право решать судьбу нашей родины!“

Обращаясь к судьям, Пасхальский говорил:

„Я не могу согласиться с господином прокурором, когда он отказывает личности в праве прокладывать пути истории. Для господина прокурора человек – это только незначительная крупинка, зёрнышко песка, гонимое временем. О, нет! Мне кажется, что один пример Коверды, который записал своё имя в историю, является ярким опровержением такой теории.“

Свою речь Пасхальский закончил следующими словами:

„Господа судьи, я верю, что ваш приговор, в котором должно заключаться величие народа, покажет миру, что Польша, памятуя свои страдания, умеет понимать чужое горе!“

Речью адвоката Пасхальского закончились выступления четырёх защитников Бориса Коверды. После выполнения последних формальностей, суд удалился для совещания. Как я уже писал, обсуждение и вынесение приговора не заняло много времени.

Так закончился суд над Борисом Ковердой.

*

Покушение на посла Войкова и суд над Борисом Ковердой вызвали большой интерес в русской заграничной, польской и европейской прессе. Присутствие 120 журналистов на суде свидетельствует о необыкновенном внимании, оказанном западной общественностью этому событию.

После суда Коверда для многих превратился в героя; со всех сторон на его имя посылались приветствия; газеты сообщали подробности его пребывания в тюрьме. Приведу для примера два отклика белой русской эмиграции

на казнь Войкова: один более аналитический, другой эмоциональный.

Первый отклик принадлежит перу С. Л. Войцеховского, присутствовавшего в зале суда в Варшаве.

„Особые политические условия помешали процессу Коверды превратиться в такой суд над коммунистической властью в России, каким был в своё время процесс Конради. Но значение поступка Коверды это не уменьшает. И, быть может, главное значение этого поступка не в самом факте обособленного и неорганизованного террора, а в том, что в лице Коверды против коммунистической власти восстал представитель молодого, только что начинающего жить, поколения русского народа.

Напрасно большевики утверждают, что Коверда является „наёмником иностранных империалистов“. Девятнадцатилетний мальчик, сын того крестьянства, именем которого коммунистическая партия установила в Москве свою диктатуру, человек, не лишившийся во время революции никаких имущественных благ и этих благ не искавший, Борис Коверда, выступил против большевиков во имя поруганной Родины, во имя той России, которая была и будет вновь.

В поступке Коверды, в наличии смелости и патриотизма в молодом русском поколении, приходящем на смену усталым бойцам, залог её возрождения“...

На Дальнем Востоке, поэтесса Марианна Колосова, посвятила Борису Коверде следующее стихотворение:

РУССКОМУ РЫЦАРЮ
С Дальнего Востока - в Варшаву,
Солнцу - привет из тьмы!
Герою воспетому славой -
В стенах Варшавской тюрьмы.

Золотыми буквами - ИМЯ
На пергаменте славных дел.
И двуглавый орёл над нами
В высоту голубую взлетел!
(и т. д.)

Советское правительство немедленно реагировало на варшавские события. Уже в день покушения, 7 июня, польскому посланнику в Москве была вручена первая нота, в которой говорилось:

„...Союзное правительство усматривает в убийстве своего посланника результат неприятия польским правительством всех необходимых мер против преступной деятельности на территории Польши русских контр-

революционных террористических организаций, особенно опасных для дела мира в теперешней напряженной международной обстановке...

Заявляя поэтому свой решительный негодующий протест, и считая, что польское правительство не может уклониться от ответственности за случившееся, союзное правительство оставляет за собой право вернуться к вопросу по получению более подробных и исчерпывающих сведений о совершённом в Варшаве преступлении...“

В ответной ноте от 9-го июня, направленной польским правительством комиссару иностранных дел Литвинову, мы читаем:

Глубоко взволнованное и возмущённое фактом убийства, жертвой которого пал посланник Союза Советских Социалистических Республик в Польше господин Петр Войков, польское правительство желает ещё раз дать выражение чувству искреннего сожаления и возмущения, которое у него вызвал факт этого убийства... Польское правительство не может считать себя ответственным за поступок безумца, который, как это, кажется, выясняется из первоначальных результатов следствия, является индивидуальным актом. Польское правительство тем более вынуждено отклонить от себя ответственность, ибо в своё время оно предлагало представителю Союза Советских Социалистических Республик личную охрану, которой, однако, посланник Войков, к сожалению, не хотел воспользоваться...“

Вскоре по окончании суда советские обвинения были распространены на Англию и на другие „тёмные силы реакции“.

„В Варшаве был убит г. Войков, полпред СССР в Польской республике. Этот неслыханный акт, нашедший отклик во всём мире, в настоящей тревожной международной обстановке ещё более подчёркивает преступность политики реакционных сил, активно старающихся сорвать дело мира. Убийство г. Войкова является одним из звеньев в целой цепи событий, в сумме своей означающих всё большую и большую угрозу миру...“

Выстрел белогвардейца Бориса Коверды раздался в тот момент, когда ярко обрисовалась провокационная работа английского империализма по окружению Союза советских республик. Международная обстановка, складывавшаяся под угрозой непосредственного нападения на СССР, расшевелила все тёмные силы реакции во всём мире. Выстрел на варшавском вокзале должен был, по замыслу Чемберленов и Болдуинов, сыграть роль Сараевского убийства в 1914 г. – должен был вовлечь СССР в военную авантюру и тем самым облегчить польской буржуазии мобилизацию рабочих и крестьян Польши для войны за интересы английского капитала. Русская эмиграция, живущая только надеждой на интервенцию капиталистических держав в СССР, – ушла сразу все выгоды момента. Уже с начала 1927 г. в кругах белогвардейской эмиграции стало заметно небывалое оживление. „Сам“ генерал Врангель приехал „инкогнито“ в Венгрию, для того, чтобы отсюда удобнее руководить военными действиями против СССР. Центры активной белогвардейской работы приблизились к

нашей западной границе... Почуяв, что в воздухе „пахнет жареным“, зашевелилась белогвардейская эмиграция в Польше...“ и т. п.

Суд же над Ковердой был представлен советскому читателю в следующем виде:

“15 июня Борис Коверда предстал перед чрезвычайным судом Польской республики. Два дня продолжалось это дело... Что можно сказать о суде над Ковердой? Это была такая же гнусная комедия, как та, которая развернулась в 1923 г. в Швейцарии, когда судили Конради – убийцу т. Воровского. Перед судом прошёл ряд специально подобранных свидетелей, которые всеми способами обеляли Коверду, изображая его невинным отроком с кристальной душой и голубиным сердцем. Обычно с понятием суда связано представление о защите и обвинении. Суд над Ковердой в сущности не имел обвинения. Прокурор и защита разделили между собой труд, целью которого было представить Коверду в виде „национального героя“...

Не обошлось, конечно, без избитых фраз коммунистического жаргона, – „трудящиеся СССР встретили приговор варшавского суда с возмущением“, – и без угроз по адресу „буржуазной“ Польши:

„Союз Советских Социалистических Республик глубоко запомнил поведение варшавского суда. С гордостью и отрадой вспоминаем мы зато те десятки тысяч славных варшавских рабочих, которые пришли к советскому посольству отдать последний долг погибшему на революционном посту послу первой в мире страны трудящихся. В этом проявлении международной пролетарской солидарности – залог того, что настанет день, когда судьями в Польше будут рабочие и крестьяне Польши“.

Благодаря близорукости и попустительству западных демократий в годы Второй мировой войны, предсказания 1927 года исполнились. С 1944 года в Польше по сей день хозяйничают коммунисты, не обращая никакого внимания на мнения и желания крестьян и рабочих.

Читая советские газеты шестидесятилетней давности, удивляешься тому, насколько они современны по форме и содержанию. Та же солидарность трудящихся, миролюбивый Советский Союз и коварные козни капиталистов. Такие же фразы заполняли столбцы советских газет и волны эфира, когда подавлялись восстания в Германии и Польше и когда советские танки врываются в Венгрию, Чехословакию и Афганистан...

*

Нам ещё остаётся познакомить читателей с биографией

Войкова и с его ролью в убийстве царской семьи, 17 июля 1918 года в Екатеринбурге.

Петр Войков (он же Вайнер Пинхус), подвергался преследованию царского правительства за революционную деятельность. Чтобы избежать ареста, он бежал за границу и там присоединился к группе революционеров, возглавляемой Лениным. Войков был в числе 28-ми будущих вожаков революции, которые с помощью немецкого генерального штаба были отправлены в так называемом „запломбированном вагоне“ в Россию, и снабжены немецкими деньгами для проведения революции...

15-го марта 1917 года в вагоне императорского поезда, направлявшегося в Петроград, Государь Николай Второй подписал отречение от Российского престола за себя и за сына Алексея, в пользу своего младшего брата великого князя Михаила Александровича. После того как Михаил Александрович отказался принять переданную ему Государем власть, было создано временное правительство России и на этом закончилась история династии Романовых на Российском престоле...

21-го марта, после нескольких дней, проведенных в Ставке действующей армии, Николай Александрович был арестован комиссарами временного правительства. Бывший император и самодержец Всероссийский стал узником нового правительства России. Первые месяцы после отречения, царская семья содержалась под стражей в Царском Селе.

В середине лета 1917 года Александр Керенский стал премьер-министром и военным министром временного правительства. Стремившиеся к власти большевики требовали смерти Николая Александровича, на что Керенский ответил: „Русская революция не мстит!“ Однако положение самого Керенского и его правительства становилось шатким. Было решено перевести царскую семью в город Тобольск в Сибири, подальше от революционного Петрограда. С 19-го августа 1917 года по 26 апреля 1918 года царская семья провела в заключении в доме бывшего губернатора в Тобольске.

После захвата власти большевиками в ноябре 1917 года положение царской семьи стало ухудшаться. Большая часть прислуги была отпущена, а семья была переведена на солдатский паёк. В апреле в Тобольск прибыл новый комиссар с приказом перевести семью в Екатеринбург, что и было сделано.

30-го апреля 1918 года председатель уральского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, А. Белобородов, подписал расписку о принятии царской семьи на предмет „содержания под стражей в городе Екатеринбурге“. Семья была помещена в так называемом „доме специального назначения“, раньше принадлежавшем купцу Ипатьеву.

К этому времени Войков был уже в Екатеринбурге, куда его послал из Москвы председатель ВЦИК – Яков Свердлов. По заданию Свердлова, Войков, вместе с председателем екатеринбургского Совдепа Белобородовым и членами Совдепа Сафаровым, Голощекиным, Сыромолотовым и другими обсуждает детали предстоящего убийства царской семьи. Встает вопрос, что делать с трупами жертв, чтобы замести следы преступления, и чтобы „контрреволюционеры, играя на невежестве народных масс, не использовали их тела, как мощи“. Войков предложил расстрелять царских узников на берегу реки, привязать к телам гири и сбросить их в воду... В конечном итоге принимается план расстрела в подвале дома, в котором содержалась под охраной царская семья и несколько, оставшихся ей верными до конца людей. Было решено, что Яков Юровский будет руководить расстрелом, а Войков будет присутствовать, как представитель Совдепа, и затем, как химик, займётся уничтожением трупов при помощи серной кислоты и керосина.

Ночью 17-го июля 1918 года все узники Ипатьевского дома были расстреляны Юровским и подготовленной для этого командой. Те, кто не умерли сразу от револьверных пуль, были добиты штыками. Ударом приклада была убита собачка, которую держала на руках Анастасия Николаевна.

В эту ночь погибли: бывший царь Николай II-ой, его жена Александра, и их дети – Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и Алексей; доктор Боткин, повар Харитонов, камердинер Трупп и горничная Демидова. Их тела были погружены на грузовик и отвезены за город на лесной участок вблизи заброшенной шахты. В течение трех дней тела рубили, пилили и жгли на кострах. Серная кислота употреблялась для больших костей, которые не удалось сжечь до конца. Всё что осталось от тел и одежды было сброшено в глубокую шахту...

Однако скрыть следы преступления большевикам не удалось. Через несколько дней после убийства Екатеринбург был занят белыми войсками. Судье Сергееву и следователю Соколову удалось восстановить все детали преступления и составить документальный отчёт, впоследствии вывезенный за границу. Книга следователя Соколова ознакомила зарубежных читателей с подробностями екатеринбургского злодеяния...

После окончания гражданской войны советское правительство предложило Войкова своим послом в Варшаву. Вот что об этом пишут советские источники:

„Летом 1924 года Советское правительство запросило в Варшаве агреман (согласие) на назначение новым послом СССР в Польше П. Л. Войкова. Почти две недели польское правительство медлило с ответом. Наконец сообщило: представление агремана ставится в зависимость от роли Войкова в екатеринбургских событиях 1918 года. Требуется от комиссара иностранных дел Чичерина подтверждение, что Войков к этому не причастен“.

Чичерин подтвердил, что Войков к „екатеринбургским событиям“ отношения не имел, так как в то время был комиссаром продовольствия.

Несмотря на то, что польская и национальная русская общественность в Варшаве были прекрасно осведомлены о роли Войкова в убийстве царской семьи, его кандидатура была принята. Польское правительство не хотело портить отношения с опасным соседом, с которым не так давно Польша вела упорную войну.

Почти три года Войков пробыл на посту советского полпреда в Варшаве. А под новый, для него роковой, 1927

год, под влиянием выпитого, он рассказал будущему невозвращенцу Беседовскому жуткую историю бойни в доме Ипатьева.

„Это была ужасная история, – говорил Войков, держа в руке перстень с рубином, который он снял с руки убитой императрицы. – Мы, все участники, были прямо-таки подавлены этим кошмаром. Даже Юровский, – и тот под конец не вытерпел и сказал, что еще несколько таких дней, и он сошёл бы с ума“.

Слухи об убийстве царской семьи скоро проникли за стены Ипатьевского дома и стали распространяться по России. Возможно, что семья Коверды, жившая в то время в Самаре, уже тогда слышала народную молву об убийстве Царя-мученика...

Книга Соколова была издана за границей в 1924 году, а до этого в 1920 году была издана в Лондоне книга журналиста Роберта Вилтона, с показаниями, данными бывшими стражниками в доме Ипатьева, Петром Медведевым и Анатолием Якимовым. В русской заграничной печати широко обсуждались все детали этого страшного преступления. Борис Коверда знал всю правду о роли Войкова в убийстве царской семьи и это помогло ему решиться на покушение...

*

Окончился суд в Варшаве, интерес к судьбе Бориса Коверды стал постепенно спадать и только его выход из тюрьмы в 1937 году на время оживил воспоминания о событиях между 7-м и 15-м июня 1927 года.

За исключением дружеских бесед, Борис Софронович все эти годы хранил молчание по поводу событий, в которых был главным действующим лицом. Только в 1984 году, сознавая важность восстановления исторической истины и, возможно, предчувствуя, что жизнь его подходит к концу, Борис Софронович написал статью под заглавием „Покушение на полпреда Войкова 7 июня 1927 года“. Эта короткая статья, названная автором „свидетельским показанием“, написана языком делового отчёта

и почти полностью ограничивается передачей фактов. О самом важном решении во всей своей жизни Борис Софронович пишет так:

„В моих беседах с Павлюкевичем и Яковлевым мы всё чаще обсуждали план покушения на Войкова и в конце концов, к началу 1927 года, я выразил желание совершить это покушение“.

Я думаю, что невозможно проще и скромнее сказать о решении, которое могло стоить жизни 19-летнему юноше.

Как мы уже сказали, на суде и обвинение, и защита считали доказанным, что у Бориса Коверды не было сообщников. Однако в статье Бориса Софроновича несколько раз упоминается Арсений Васильевич Павлюкевич, издатель газеты «Белорусское слово», в которой Борис Софронович работал, и есаул Михаил Ильич Яковлев, участник гражданской войны и издатель газеты «Новая Россия». Ознакомившись с обстоятельствами, предшествующими покушению, я считаю, что сообщников в моем понимании этого слова, у Бориса Софроновича не было. Никто с ним **сообща** в покушении не участвовал и ему в этом не помогал. От Павлюкевича Борис Софронович получил 200 злотых на проезд в Варшаву и на расходы, а от Яковлева – старый маузер с патронами и обучение стрельбе из него. Двое знакомых Бориса, на которых вначале рассчитывали, не смогли, по разным причинам, участвовать в покушении, а роль третьего, некоего Шипчинского, свелась к тому, что он устроил Бориса в Варшаве на квартиру к торговке Фенигштейн и показал ему, где находится советское посольство. Таким образом, приехавши из Вильны в Варшаву, молодой Борис оказался совершенно одиноким.

В своём выступлении перед судом адвокат Пасхальский сказал: „Удивительно в этом ребёнке (Борисе) соединение чего-то взрослого и чего-то совершенно детского“.

Я считаю, что „взрослый“ Борис проявил необыкновенную убеждённость, настойчивость и хладнокровие, проведя 14 одиноких дней в Варшаве, без сообщников, руководства и опыта, выискивая способ привести свое намерение в исполнение, и поднимая руку на страшное дело убийства другого человека. А Борис „ребёнок“, после того как Войков упал, смертельно раненый, остался стоять на

перроне, не сомневаясь в том, что сделал правое дело.

На суде Борис решительно и спокойно заявил, что действовал сам, без сообщников, что несомненно принесло ему более строгий приговор. Признай он, что инициаторами покушения были два известных в Польше антикоммуниста, суд бы по-другому отнесся к его участию в покушении, строго наказавши взрослых вдохновителей и значительно мягче – молодого исполнителя.

Такое моральное качество Бориса я назову – верность слову, даже в ущерб самому себе. В моих глазах – идейность, стойкость, верность и скромность являются неотъемлемыми качествами настоящего героя. Вся же последующая жизнь Бориса Софроновича может послужить примером скромности любому из нас...

Настанет день, когда засекреченные архивы Советского Союза станут доступными всем, и тогда, беспристрастные исследователи и историки восстановят правду о вооруженной и идеологической борьбе сторонников и противников коммунизма. Уже сейчас слышны молодые голоса из Советского Союза, которые утверждают, что правда была – на нашей стороне!

Я уверен, что суд истории придёт к тому же заключению, и что новая Россия сохранит имя Бориса Коверды, наряду с именами других борцов за свободу и достоинство русского народа и других народов, освобождённых от незаконного коммунистического режима, основанного и поддерживаемого уже более 70-ти лет насильем и ложью...

*

За последние годы к власти в Советском Союзе пришли люди, которые, по возрасту, не могут нести личной ответственности за прошлое коммунистического режима. Они снова обещают народу перемены и лучшее будущее. „Обещаниям радуются только дураки“, – гласит сербская пословица. Я уверен, что народы Советского Союза давно усвоили эту простую истину.

Пока что горбачёвская „гласность“ спускается властью сверху вниз, как и полагается при тоталитарном режиме, а не подымается снизу вверх, как это происходит в свободном обществе. Перестройка, если что и меняет, то тоже по указанию сверху, а не по свободной инициативе снизу. Что же касается обсуждения и осуждения прошлого, то и здесь партийная головка решает, что можно сказать, а о чём следует помолчать...

В газете «Нью-Йорк Таймс» от 15 января 1988 года напечатана статья журналиста Келлера, написанная им в Москве. Известный и влиятельный драматург в Советском Союзе Михаил Ф. Шатров, говоря о своей последней пьесе, подводит итоги всей своей литературно-пропагандистской деятельности так: „...Сталин не наследник Ленина. Сталин – преступник, подобного которому мир никогда не знал. Он не коммунист, потому что – будь он коммунистом, я бы немедленно вышел из партии“ (обратный перевод с английского).

Шатрову следует „вспомнить“ о преступлениях, совершенных большевиками „под мудрым руководством Ленина“, и немедленно порвать свой партийный билет! В своих воспоминаниях Троцкий прямо говорит, что решение об убийстве царской семьи было принято Лениным. С другими поступками и высказываниями Ленина и его сообщников нас уже познакомили адвокаты защиты на процессе Бориса Коверды.

Есть старая народная поговорка: „Шила в мешке не утаишь“, – и она полностью применима к попытке утаить ошибки и преступления вдохновителей и вождей октябрьской революции в дырявом мешке коммунизма...

Человек, укрывающий преступника, становится в глазах закона, соучастником преступления. Такая же мера ответственности применима к идеологическим наследникам Ленина, не осудившим его преступлений и не признающих порочности коммунистического эксперимента в России.

Никто не знает куда заведёт Горбачева „гласность“. Пока же правящая верхушка пользуется гласностью,

чтобы дать народу психологическую отдушину, создать очередную декорацию, повёрнутую в сторону простачков, проживающих на Западе, укрепить режим в стране и сохранить привилегии, которыми пользуются 5 процентов населения Советского Союза...

Задача идейных противников коммунизма – не позволить „гласности“ и „перестройке“ превратиться в очередной обман народа, а воспользовавшись начавшимся процессом – восстановить ростки демократии и свободы, затоптанные большевиками в 1917 году.

Библиография

1. Дело Б. Коверды, июнь 1927 (Книгоиздательство „Возрождение“, Париж).
2. „Убийца тов. Войкова перед польским судом“ (Гос. и - во, Москва. 1927, Ленинград).
3. „Покушение на полпреда Войкова 7 июня 1927 года“, статья Б. Коверды, «Русская мысль», февраль 1984 г. и журнал «Часовой».
4. „Б. С. Коверда“, статья П. Пагануцци, журнал «Кадетская переключка», ноябрь 1987.
5. „The house of special purpose“, by J. Trewin. Stein a. Day, N. Y. 1975.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

**«V E C H E»
P. O. Box 68
Flushing Sta. Midd. Vill.
N. Y. 11379, USA
Tel. 718 - 651 5662**

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

В. Симанский

**По поводу
„Энциклопедического словаря“
проф. В. Казака**

„Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года“ – так называется солидный справочник, составленный профессором В. Казаком и вышедший в прошлом году по-русски в лондонском издательстве „Оверсиз“.

При крайней бедности такого рода справочной литературы **на русском языке** новое издание следует приветствовать, как ценный подарок всем, интересующимся отечественной словесностью. Впервые в одном томе, под одной обложкой можно найти информацию о наиболее заметных литераторах, писавших и издававшихся по-русски в Советском Союзе и на Западе с первых послереволюционных лет и до самого последнего времени, о важнейших периодических изданиях на русском языке – в стране и Зарубежье, разного рода литературных течениях, организациях, объединениях. Словарные статьи, как правило, снабжены библиографией, позволяющей производить дальнейшие разыскания – что делает новое справочное издание поистине незаменимым. Составленный с немецкой педантичностью и демонстрирующий завидную эрудицию составителя – рецензируемый „Словарь“ заслуживает самой высокой похвалы. Критические замечания, какие мы хотим высказать, относятся не столько к

настоящему, – образцовому и в полиграфическом смысле (что можно сказать о всех книгах этого лондонского издательства) тому – сколько к концепции „русской литературы с 1917 года“, разделяемой составителем.

Но вначале – ещё несколько слов восхищения самим **типом** такого справочника, подобного которому на русском языке ещё не было. Специалистам хорошо известна 9-томная советская „Краткая литературная энциклопедия“ – обладающая основными недостатками советских изданий: неполнота и тенденциозность освещения; кроме того, это множество томов недоступно обычному, „рядовому“ любителю литературы, который время от времени хочет навести какую-то справку, не обращаясь в публичную библиотеку. Небольшой по объему, изящный томик профессора Казака может украсить любую **личную** библиотеку – он не требует много места, но удовлетворяет потребность далеко не только первичной информации. Помимо всего – и к этому уж и вовсе не привык **советский** читатель – в этом справочнике ощущается как бы личное присутствие составителя: в нём даются не просто механические сведения – биографические данные, даты, названия произведений, но и чрезвычайно насыщенные по содержанию, характеристики творчества того или иного писателя или поэта: не „нормативно-уставные“, с иерархией привычных эпитетов (великий, выдающийся, известный, значительный и т.п.), но – дающие отправные точки, приглашающие к размышлению, позволяющие осмыслить место данного литератора в общем литературном процессе.

За прошедшие семь десятилетий тоталитарного, обезличивающего режима в СССР оказалась катастрофически утрачена **культура** справочного издания, – будь то энциклопедия или простой двуязычный словарь. Идеологический процесс начисто стирает все оттенки, уничтожает нюансы, „сглаживает“ индивидуальность – остаётся нечто серое и безликое, как по форме выражения (**язык** уже не русский, но **советский**), так и по содержанию, пропущенному многократно через разного рода цензурные филь-

тры. О чём уж говорить, если недавно признались, что на протяжении десятилетий издавали намеренно фальсифицированные географические карты? А „персоналии“? Редкие справочники (обычно – Энциклопедии) уподоблялись своего рода „почётным книгам“: в них „заносили“ только самых безупречных в анкетном смысле персонажей, и „вычищали“ недостойных при каждом повороте партийного курса. А ведь, помимо всего этого, имелись подчас и специфические любопытные детали – в словарях, самого технического свойства. Как объяснить, например, что в стандартном Русско-итальянском словаре, подготовленном в 40-е годы, и предназначенном, по видимому, для русских, изучавших итальянскую культуру, **нет** слова „благодать“, зато есть – „маца“?

Что касается советских справочных изданий по литературе и искусству – почти всегда это были плоды „коллективного“ творчества. Личный подход к произведениям человеческого духа вообще перестал существовать – вот почему так радостно удивляет сейчас живой голос С. Аверинцева, представляющего читателям «Нового мира» 70 лет не издававшегося в Советском Союзе Вл. Соловьева...

„Словарь...“ проф. Казака интересно **читать** – не только для извлечения полезной и необходимой в данный момент информации. Это издание лишний раз убеждает, что такого типа справочные издания должны составляться живым человеком, имеющим творческую индивидуальность, лицо. Личное отношение к писателю составителя – помогает и читателю справочника, приближает к нам автора, о котором мы хотим узнать не только год и место рождения. Возможно, не всем понравится, что проф. Казак раскрывает многие псевдонимы (к сожалению, не все), – но это тоже признак высокой добросовестности специалиста. Составитель стремится к максимальному бесстрастию, но при этом составленный им справочник остается как бы пропущенным через его личность, – что придаёт ему цельность и завершенность, концептуальность. Именно поэтому с его **концепцией** можно спорить.

„Словарь подтверждает наличие единства современной русской литературы, которое существует, несмотря на раскол её на две части: советскую, признаваемую цензурой СССР, и несветскую часть русской литературы“ – читаем в авторском предисловии. Этот тезис о **единой** русской литературе сейчас стал чрезвычайно популярным – особенно в эмиграции; „завоёвывает права гражданства“ он и в Советском Союзе, где „возвращаются к читателю“ (чаще же всего – приходят впервые) многие эмигрантские авторы. Осуществляется надежда покойного Г. П. Струве, высказанная им в предисловии к незаменимой до сих пор книге „Русская литература в изгнании“: „зарубежная русская литература“, – этот „временно отведённый в сторону поток общерусской литературы“ – вливается в „общее русло этой литературы“. **Общерусская литература** – единая литература.

Несомненным достоинством „Словаря...“ проф. Казака является органическое включение в общий контекст „русской литературы“ множества эмигрантских писателей, с достаточно подробными сведениями о каждом из них. Как бы для „равновесия“ включены в „Словарь...“ и „литературные функционеры“, представляющие – как видно – русскую „советскую“ литературу. Это – помимо общепризнанных, известных имён, при характеристике которых составитель почти всегда находит какие-то неожиданные повороты, свежие детали. Но каково же, при всём этом, содержание самого понятия – **„русская литература“**, вынесенного в заглавие справочника? Просто ли это – **литература на русском языке**, или нечто иное? Что делает русскую литературу – русской? (См. «Вече», 1982, № 5). Гарантирует ли принадлежность к русской литературе сам факт публикации книги (или книг) на русском языке? Это такой же законный вопрос, как и другой: делает ли членство в Союзе писателей СССР – писателем? (Таковых „членов“, говорят, более восьми тысяч). И в том и в другом случае, однозначно-утвердительный ответ был бы опрометчивым. Раскроем наугад в нескольких местах „Энциклопедический словарь русской

литературы с 1917 года“, несколько имён подряд – в алфавитной последовательности.

„**Дорош** (наст. фам. – Гольдберг), Ефим Яковлевич, писатель... **Дружба народов**, лит. журнал, выходит в Москве с 1939; большую значимость журналу придаёт то обстоятельство, что путь писателя, пишущего не по-русски, в мировую литературу, почти всегда проходит через русский перевод... **Друскин**, Лев Савельевич, поэт; вынужден был эмигрировать из Сов. Союза; первой публикацией в ФРГ стал сборник стихов в переводе на немецкий язык... **Друцэ**, Ион Пантелеевич, драматург, пишет на молдавском и русском языках...“ (стр. 264-267).

„**Искандер**, Фазиль Абдулович, пишущий на русском языке абхазский поэт и прозаик... **Кабо**, Любовь Рафаиловна, писательница... **Каверин**, Вениамин Александрович (наст. фам. – Зильбер)...“ (стр. 327-330).

„**Самойлов** (наст. фам. – Кауфман), Давид Самуилович, поэт... **Сапгир**, Генрих Вениаминович, поэт... **Сартаков**, Сергей Венедиктович, лит. функционер, писатель...“ (стр. 667-670).

„**Шапиро**, Борис Израилевич, поэт (1944); смог выехать в ФРГ; первая книга стихов вышла в 1981 на немецком языке... **Шатров** (наст. фам. – Маршак), Михаил Филиппович, драматург...“ (стр. 845-847). Далее следуют: **Шварц**, Евгений Львович, драматург; **Шварц**, Елена Андреевна, поэтесса; **Шейнин** Лев Романович, писатель, драматург...

Конечно, эти, выхваченные наугад, словарные статьи не определяют всецело содержание Справочника – но названные авторы представлены, как полноправные представители **Русской литературы с 1917 года**. Не слишком ли широко? Не расплывается ли при этом, не разжижается ли само понятие „русская литература“? Тем более, что в „Словаре...“ имеется несколько досадных пропусков – и подчас пропущены **очень русские** авторы. Вот примеры:

Леонид Андреев, хотя и успевший занять „недвусмысленную духовно-эмигрантскую позицию“ (Г. Струве), не включён с „Словарь...“ – видимо потому, что рано скон-

чался, в 1919 году. (Хотя **включён** А. В. Амфитеатров (1862 - 1938), принадлежащий скорее литературе до 1917 года). Но неоправданно отсутствие имён детей этого писателя: **Вадима Андреева** (1902 - 1976), поэта, прозаика и мемуариста; особенно же - **Даниила Андреева** (1906 - 1959), талантливого поэта, автора уничтоженного КГБ романа, за который он был приговорён к 25-ти годам заключения, главное же - написанного во Владимировской тюрьме, совершенно необычайного произведения, озаглавленного „Роза мира“, до сих пор полностью неопубликованного. Не находим в „Словаре...“ широко известного в российском Зарубежье поэта **Родиона Березова** (псевдоним Р. М. Акульшина). Между тем, включён некий Георгий Березко, советский писатель, о котором говорится: „С т. з. литературного мастерства произведения Б. незначительны“ (стр. 99).

Непонятно отсутствие имени **Леонида Зурова** (1902 - 1971) - из „молодого поколения“ зарубежных прозаиков, следовавших за Буниным, Шмелевым... Его роман „Поле“ был переиздан сравнительно недавно. Центральной темой книг Л. Зурова была Россия...

Если отсутствие названных имен можно считать досадным упущением, повидимому, **сознательно** не включён в Справочник по русской литературе **П. Н. Краснов** (1869 - 1947) - „русский генерал и писатель“, как говорится в статье о нём в немецкой энциклопедии Брокхауза (1970); автор „антибольшевистских романов“, из которых особенную известность получило многотомное повествование „От Двуглавого Орла к красному знамени“. (Переводы этого романа на некоторые иностранные языки до сих пор успешно продаются на Западе). П. Н. Краснов писал много, и не только романы. Сама личность генерала Краснова могла бы (и должна!) стать предметом исследования, для лучшего понимания не только судеб русской эмиграции, но и России в целом...

Несправедливо пропущен в „Словаре...“ такой плодотворный прозаик эмиграции, как **Иван Созонтович Лукаш** (1892 - 1940). Писал он почти исключительно о России, и

его исторические рассказы и романы (особенно „Пожар Москвы“) имели большой успех. Лучшей его книгой называют роман о композиторе М. Мусоргском.

К. П. Петров-Водкин включён в „Словарь...“, так как был не только большим художником-живописцем, но и автором талантливых автобиографических книг. Но тогда непонятно, почему отсутствует **Н. К. Рерих** (1874 - 1947), – тоже не только известнейший художник, но и писатель, поэт, эссеист, автор множества книг: интерес к нему на родине сейчас исключительно высок.

Видимо, стоило упомянуть в „Словаре...“ и **П. П. Муратова** (1881 - 1951): помимо того, что он был известнейшим искусствоведом, он опубликовал в эмиграции рассказы, комедии, роман „Эгерия“. Главное же – его переизданные в 20-е годы в Берлине „Образы Италии“ раскрывают именно его большой **писательский** талант.

Ф. А. Степун (1884 - 1965) – тоже отсутствующий в справочнике по русской литературе с 1917 года – прежде всего мыслитель, публицист; но вместе с тем он и беллетрист, автор книги художественно-философской прозы „Из писем прапорщика артиллериста“ и „философского романа в письмах“ „Николай Переслегин“.

Две последние из названных фамилий побуждают поставить следующий вопрос: не следовало бы относить к ЛИТЕРАТУРЕ (в широком смысле слова) не исключительно беллетристические, поэтические, драматургические жанры, но и отличающиеся высокими достоинствами образцы **прозы**: исторической, искусствоведческой, литературно-критической, философской, религиозно-богословской, даже – политической публицистики? Всё то, что было кем-то удачно названо – „нехудожественной словесностью“. В той мере, в какой такая проза является действительно **искусством слова**, – не только можно, но и должно включать её в „литературу“. В нашем случае, при разговоре о русской литературе, это принципиально важно. Речь ведь идёт о русской культуре, о русском слове. А одной из задач подобного справочника – как нам кажется – должно было бы быть: стимулировать читателя

к **расширению** представлений о русской литературе и культуре, и к **углублению** первоначальной информации. Наивозможно более широкий круг русских авторов и способствовал бы такой чрезвычайно актуальной задаче.

Несомненно, для действительного **возрождения русской культуры, культуры слова**, в частности, катастрофически деградировавшей в СССР, – совершенно необходимо обращение к опыту эмиграции; к накопленным ею духовным богатствам. Богатства эти совершенно особые: не просто замечательные труды по философии, богословию, истории, искусству – но одновременно и образцы удивительной русской речи, почти несуществующего сегодня русского литературного языка, примеры настоящей русской прозы. Можно ли исключить из „русской литературы“ такие характерно **русские** книги, изданные в Зарубежье, как „Новое средневековье“ Н. Бердяева, „Умирание искусства“ В. Вейдле, „Этику преображенного эроса“ Б. Вышеславцева, „Историю русской философии“ прот. В. Зеньковского, „О сопротивлении злу силой“ И. А. Ильина, все труды Л. П. Карсавина, историко-литературные исследования К. Мочульского, работы кн. Евг. Трубецкого, „Пути русского богословия“ прот. Г. Флоровского, статьи Г. П. Федотова? Безусловно авторам этих книг должно было бы принадлежать почётное место в идеальном Словаре русской литературы с 1917 года – наряду с такими заслуженными именами, как А. Ахматова и Ф. Абрамов, И. Бунин и М. Булгаков, М. Волошин и Н. Гумилев, С. Есенин и Е. Замятин, Д. Мережковский и В. Набоков, А. Платонов и В. Распутин, А. Солженицын и И. Шмелев.

Включение в „Словарь...“ проф. Казака некоторых из представителей новейшей эмиграции – как бы **за счёт** названных деятелей русской культуры (а мы говорили о **письменной** культуре, имеющей прямое отношение к слову и, значит, к литературе) искажает перспективу, смещает пропорции, деформирует **целое** Русской Литературы.

Вопрос не менее деликатный – современные советские

авторы, пишущие по-русски и живущие в СССР: стоит ли столь щедро приписывать некоторых из них к русской литературе? Правда, современный эмигрантский литератор, „живущий ныне в Мюнхене и ранее известный лишь в Самиздате Борис Хазанов“ („Словарь...“ стр. 903; проф. Казак раскрыл и псевдоним этого литератора – „наст. имя – Геннадий Моисеевич Файбусович“; о нём см. также статью в «Вече», № 31) утверждает: „Между русской и советской литературой не существует демаркационной линии, как нет границы между понятиями русского советского и просто русского народа“. И дальше: „В настоящее время советский писатель – это и есть среднестатистический русский писатель“ («Синтаксис», 1983,- № 11, стр. 57-58). Борис Хазанов убеждён, что „могучий и обомшелый ствол русской литературы, постепенно истончаясь, завершился советской литературой“ (там же, стр. 66).

Из этого как будто следует, что Б. Хазанов-Файбусович, считающий себя писателем, не хочет причислять себя не только к советской литературе (Самиздат, где он был „известен“, – разумеется, не совсем литература), но и к современной русской. Проф. Казак, между тем, охотно готов включить его в новое издание Энциклопедического словаря русской литературы с 1917 года.

С другой стороны, Е. Эткинд (тот самый, что когда-то обвинил новорожденное «Вече» в „ненависти к иностранцам“) так аттестует автора нашумевшего романа „Жизнь и судьба“: „Василий Гроссман – писатель русский по языку и культуре, еврейский по судьбе“ («Страна и мир», 1986, № 6, стр. 135). Борис Хазанов наверняка не согласится с первой частью этого определения Ефима Эткинда, мы – тоже.

Ничего русского ни в языке, ни в „культуре“ этого непомерно расхваленного сочинения (его сравнивали не более не менее как с „Войной и миром“, – пока не появились „Дети Арбата“!) мы не видим. Василий (наст. имя – Иосиф Соломонович) – сообщает нам проф. Казак на стр. 241-й) Гроссман был преуспевающим советским лите-

ратором, в чём можно убедиться по Большой Советской Энциклопедии 1952-го года. В издательском предисловии к первой публикации романа „Жизнь и судьба“ за границей (подготовили Е. Эткинд и С. Маркиш) пишут: „До войны... Гроссман оставался типичным представителем своего литературного поколения: прославлял героизм красных воинов и трудовой энтузиазм строителей социализма, создавал свой вариант советского воспитательного романа или, как он говорил, – книги о ’русском рабочем’“... Мы узнаём, что „антикосмополитическая кампания лично Гроссмана не коснулась“, и что как раз в то время он заканчивал книгу о Сталинградской битве, которая „вполне могла бы получить Сталинскую премию – настолько она проникнута любовью к социалистическому отечеству“ (цитируем лозаннское издание!).

Издательское это предисловие заканчивается следующей знаменательной фразой: „Автор „Жизни и судьбы“ и „Всё течёт...“ **не имеет почти ничего общего (? – В. С.)** с тем Василием Гроссманом, который написал „Степана Кольчугина“, и „За правое дело“.

Этому „другому“ Гроссману посвящается особая статья в этом же издании Е. Эткинда. Здесь говорится, что в своих „тайных“ произведениях сталинский лауреат „последовательно показывает, как прежний интернационализм коммунистов перерождается в национальную государственность, ничем не отличающуюся от нацистской“. Но главное открытие Гроссмана даже не это: он полагает (согласно Эткинду), „что Россия развивалась путём, противоположным Западу; развитие западное – это постоянное и постепенное увеличение свободы; русское – столь же неуклонное увеличение рабства...“ А как быть с гитлеровским нацизмом, появившимся в Германии? Очень просто. Оказывается – „особый тип русского развития – постоянный прогресс в сторону всё большего рабства – был воспринят (? с чего бы это? – В. С.) другими нациями... Революционная Россия породила (!) фашистскую Италию и нацистскую Германию“.

Этот последний тезис развивает – правда, несколько в

иной перспективе, и более внятно – Э. Нольте в своей последней книге „Гражданская война в Европе, 1919 - 1945“. Согласно немецкому историку, еврейское засилие в „революционной России“ (с массовым уничтожением русских крестьян) вызвало ответную реакцию (с массовым уничтожением евреев) в германском национал-социализме, предупредившем захват власти коммунистами. Книга Нольте вызвала бурную дискуссию, поскольку она трактует о тех же проблемах, что и роман Гроссмана, теперь уже нельзя обойтись без неё при обсуждении „Жизни и судьбы“

На основании сказанного, и с учётом откровенной русофобии В. Гроссмана (об этом писал в своей книге И. Шафаревич) называть его „писателем русским по языку и культуре“ не поворачивается язык. Что касается его „еврейской судьбы“ – Эткинду, конечно, судить проще. Но как быть тогда с несчастным О. Мандельштамом, которого не спасло от мучительной смерти в сталинских лагерях вымученное славословие тирану? О. Мандельштам разделил свою судьбу со своей страной, и уже поэтому он принадлежит русской литературе. Что до Гроссмана – это типичный пример психологии „детей Арбата“, прекрасно резюмированной Ст. Куняевым в его стихах (см. «Вече № 31).

В нашем зарубежном обиходе давно уже прочно вошло в употребление выражение „**русскоязычная** литература“. Им пользуются не столько публицисты „правого“ направления, защищая чистоту русского имени, сколько литераторы „третьей волны“, сознающие свою инакость, дорожащие ею и желающие подчеркнуть свою духовную „нерусскость“. Не следовало бы „канонизировать“, узаконить подобное разделение не только в зарубежной периодике, но и вообще – чётко отделить собственно **русскую литературу** (то есть произведения русских авторов, продолжающих традиции нашей национальной литературы), и **литературу на русском языке**, которая естественно включает в себя авторов не-русских, пусть и пишущих по-русски? Такое разделение тем более целесообразно, что –

когда мы говорим о „литературе“ вообще, мы имеем в виду не столько её вершинные достижения, не выдающиеся дарования, а массовую литературную продукцию, „средних“ авторов, которых всегда подавляющее большинство, и которые все вместе и составляют собирательное понятие „литература“.

Вопрос о степени дарования, силе таланта, конечно, исключительно важен. **Талантливые** произведения на русском языке, казалось бы, автоматически должны входить в русскую литературу (не отсюда ли – тенденция к безудержному **захваливанию** определённой категории авторов у определённой категории критиков?). Однако, такие произведения должны удовлетворять и целому ряду дополнительных критериев. Русская литература, – как и всякая национальная литература, – состоит не просто из ряда талантливых произведений, пусть и прекрасно написанных по-русски: она состоит прежде всего из **русских писателей** (у которых, между прочим, наряду с **сильными** могут быть и слабые вещи...). Но если мы говорим о русском писателе, мы не можем не предполагать в нём некоего комплекса специфических переживаний, которые делают его представителем и выразителем своего народа, русского народа. **Боль** за Россию, жизнь – Россией и для России; пусть самая что ни на есть „странная“, но **любовь** к своей родине, отчизне, земле отцов. Как писал Пушкин:

Два чувства дивно близки нам
В них обретает сердце наше:
Любовь к родному пепелищу
Любовь к отеческим гробам...

Полное отсутствие такой боли и любви (пусть даже „любви-ненависти“ – как у Чаадаева или Вл. Печерина) – при самом совершенном знании русского языка (впрочем, язык писателя, поэта особенно – тоже плод любви его к родине и своему народу), самой виртуозной литературной технике и усвоении опыта русских предшественников, – можно сказать, автоматически **исключает** литератора из ареала **русской** литературы, каковы бы ни были его пре-

тензии и сколь благосклонной ни была к нему литературная критика (о ней – особый разговор). Трудно, невозможно, немыслимо представить себе русского писателя – без „русской“ судьбы. Судьба России – в судьбе её писателей: Гоголя, Достоевского, Солженицына, В. Распутина. И это не зависит даже от того – где живёт писатель: даже изгнанный со своей родины, он переживает её судьбу, как свою...

На многие размышления наводит чтение прекрасно изданного справочника проф. Казака. Для занимающихся современной русской литературой, вообще – „русскими делами“ – он поистине незаменим. Выскажем пожелание, созвучное прозвучавшему не так давно у В. Астафьева: чтобы появились, наконец, подобные справочные издания, созданные русскими учёными, для более полного и глубокого постижения „русской идеи“, воплощаемой в отечественной литературе, в нашей культуре.

**Письма для редакции «Вече»
направлять по адресу:**

Frau V. Drewing
(für RNV e. V. und «Veche»)
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81
W. - Germany

К сведению подписчиков «Вече»

В связи с ростом издательских расходов, связанных, в частности, с резким увеличением количества экземпляров «Вече», отсылаемых в Россию бесплатно, мы вынуждены изменить условия подписки на альманах для заокеанских стран, начиная с 1989 года.

Стоимость подписки – 30 ам. долларов в год – остается прежней. Однако в эту стоимость не входят расходы на пересылку журнала воздушной почтой (Air Mail). Подписчики, желающие и впредь получать «Вече» воздушной почтой должны добавить к стоимости подписки:

в США и Канаде	8 ам. долл.
в Лат. Америке и Азии	10 ам. долл.
в Австралии и Нов. Зеландии	12 ам. долл.

Просьба к подписчикам в заокеанских странах уже оформившим подписку на 1989 год и желающим впредь получать «Вече» воздушной почтой, доплатить стоимость воздушной пересылки, соответственно с вышеуказанным тарифом.

Редакция «Вече».

НАМ ПИШУТ

Дорогой Олег Антонович!

В 30-м номере, редактируемого Вами альманаха «Вече», я с большим интересом прочёл отрывки из книги Владимира Степанова (Русака) „Свидетельство обвинения“ о реквизиции русских монастырей. Я узнал много для меня новых и интересных фактов. Вполне разделяю негодование автора по поводу всего случившегося. Однако меня поразила одна фраза: „Атаман Мамонтов при бегстве захватил с собою огромную добычу, основу которой составляли драгоценные ризы, иконы, кресты, чаши, паникадила, лампы, всё это в дорогих камнях, которые он награбил в храмах центральной России“. Фраза эта недостойна пера православного священнослужителя и свидетельствует она о том, что автор не имеет ни малейшего представления о светлой личности российского патриота, казачьего офицера генерал-лейтенанта Константина Константиновича Мамонтова, доблестного героя гражданской войны, организатора знаменитого „Мамонтовского рейда“ в тыл красных, целью которого было освобождение Москвы. По независимым от генерала Мамонтова обстоятельствам, этой цели не удалось достичь, но этот блестящий рейд Донской конницы золотыми буквами вписан в историю гражданской войны в России.

Утверждение, якобы, „атаман Мамонтов... при бегстве (!).. захватил... добычу...которую награбил...“ звучит как пошлая агитка коммунистического агитатора... Во-первых, генерал Мамонтов никогда не был атаманом. Во-вторых, он никогда не бегал от врага, а наоборот – смело и решительно наступал на него и разбивал на-голову. В-третьих, назвать генерала Мамонтова „грабителем“ – такое же оскорбление и кощунство, как лживое утверждение коммунистической пропаганды о том, что православная Русская Церковь эксплуатировала и грабила русский на-

род, занимаясь стяжательством и собиранием ценностей, в то время, когда „русский мужик, оборван, лют и зол жил впроголодь с кучей вихрастых ребят в полуразвалившихся лачугах“.

В доступной мне литературе я нигде не нашёл указаний на то, что Белая Армия занималась грабежами. Мой отец, офицер Белой Армии, рассказывал мне об ужасах гражданской войны, о зверских расправах и грабежах, чинимых, одурманенной марксистской пропагандой Красной Армией, на Дону в 1918 г., о расстрелах мирных жителей, стариков, женщин, детей и младенцев, - „...чтобы и семени казачьего не осталось!“ - по выражению краснобандитов...

В Белой Армии грабёж карался смертной казнью. Если же корпус генерала Мамонтова занимался реквизициями, то в этом нет ничего предосудительного, так как реквизициями вынуждены были заниматься во время войны, особенно во время гражданской войны, все армии мира на протяжении всей истории человеческой. И если церковное имущество было вывезено, то надо сказать, что это было вполне правильным и оправданным действием. Каждый российский патриот обязан спасти народное имущество от врага, и в особенности церковное имущество, перед нашествием атеистско-марксистских мракобесов. Таких случаев в истории можно найти много. Вспомним, например, нашествие Наполеона в Россию - в каком состоянии он нашёл Москву? Вся Москва полыхала одним пламенем, и что не удалось вывезти, то сами русские же люди подожгли - и правильно сделали - так, чтобы врагу ничего не досталось...

Теми же побуждениями могло руководствоваться командование Белого Движения. Отечество было в смертельной опасности, и нужно было использовать все средства для его спасения. Если и в самом деле мамонтовцы кое-что „захватили“ с собой, то не сомневаюсь, лишь с исключительной целью спасения ценностей от атеистов-большевиков. Надо учесть, что конный корпус генерала Мамонтова отличался большой подвижностью и

не мог обременять себя большим обозом, а его бойцы горели желанием освободить Россию от врага, и не руководствовались жадной стяжательством. Они ежедневно были готовы принести на алтарь отечества единственные ценности, которыми владели – свои жизни! И за это мы должны быть им благодарны. Одним из этих жертвенных сынов православной Руси и был генерал К. К. Мамонтов. Вечная ему слава и память!

Георгий Келин, г. Розенфельд, ФРГ.

Дорогой Олег Антонович!

Я думаю, что Вы также, при всей Вашей занятости, слушаете иногда радиопередачи из нашей страны. Они стали сплошным выражением, прорвавшихся на поверхность горечи, печали и более критичны по отношению к режиму, чем, подчас, наша эмигрантская пресса. Перестройка, действительно, начинает принимать революционный характер, если принять во внимание искренность выступавших на съезде народных депутатов.

Слушая в феврале месяце передачу радиостанции „Родина“, где Л. Почевалов, ездивший по странам рассеяния русской эмиграции (Австралия, Новая Зеландия, Канада, США), делился своими впечатлениями о её жизни, но говорил только о послереволюционной волне из нашей страны, я и решил напомнить радиостанции о существовании и послевоенной эмиграции. Написал и выслал на имя радиостанции письмо, копию которого прилагаю в этом конверте. Я это сделал потому, что когда включил через два дня свой радиоприёмник на волну „Родина“, то там велось уже обсуждение писем, полученных редакцией „Родина“, и услышал такую фразу: „Мы знаем, что среди второй эмиграции много изменников родины“. В последующих обзорах писем приводились

лестные для редакции высказывания, а о моём письме, разумеется, ни слова. Весьма возможно, редакция „Родины“ его не получила.

Поскольку в нашей стране о причинах возникновения второй волны эмиграции существуют уродливые представления, созданные сталинскими фальсификаторами истории, заканчивающими теперь своё существование, то, думаю, будет уместным осветить в печати подлинные причины возникновения послевоенной эмиграции, сходные с причинами, породившими необходимость перестройки.

Если Вы найдете, что содержание моего письма в редакцию радиостанции „Родина“ соответствует истинному положению освещаемого вопроса и у Вас есть возможность поместить его в одном из номеров «Вече» в таком виде, как письмо не удостоенное внимания радио „Родина“, буду благодарен Вам за такую любезность.

Желаю Вам всего наилучшего,
с искренним уважением к Вам
А. Троицкий, (Франция).

Многоуважаемая редакция радио „Родина“!

Слушая 21-го февраля, передаваемые вами впечатления Леонида Почевалова о первой, т. е. послереволюционной, эмиграции, мне было приятно констатировать правдивость их содержания, достойную объективного исследователя. Разумеется, подлинных представителей этой эмиграции, теперь осталось в живых очень мало и поэтому эти впечатления похожи больше на воспоминания об их бывшей эмигрантской жизни и как бы перекликаются со сказанными кем-то словами о том, что в нашей стране к мёртвым проявляется большее уважение, нежели к живым... Но я охотно допускаю, что этот обычай относится уже к прошлому и наступление новой эпохи в жизни нашей страны, вызванной революционным содержанием перестройки, приведёт к переоценке ценностей.

Хотя я не принадлежу к первой волне эмиграции, но целиком разделяю мнение Леонида Почевалова, что этой эмиграции были свойственны сильные патриотические чувства, что она воспитывала своих потомков в духе любви к отечеству своих предков, к русскому языку и русской культуре. Вероятно с этими потомками и пришлось главным образом встречаться Л. Почевалову.

Но такое впечатление о первой эмиграции совершенно не может означать, что второй волне эмиграции, возникшей после Второй мировой войны, были чужды патриотические чувства. Разница была только в том, что первая эмиграция оказалась за границей с довольно хорошими воспоминаниями об оставленном ею отечестве. А что могла вспоминать вторая эмиграция?

Нам не менее свойственны патриотические чувства, и если мы оставили нашу родину, то сделали это для того, чтобы избежать, всем теперь известных ужасов, свирепствовавшего на ней сталинского деспотизма. Можно думать, что Л. Почевалов знаком с причинами, создававшими антисталинские настроения в народе, которые прорвались на поверхность в начале Второй мировой войны и обрекли многих соотечественников на эмигрантский путь. Но, видимо, для правдивого освещения этой трагедии, не имеющей прецедента в истории, огромных масс русского населения, происходящий ныне процесс перестройки, еще не обеспечивает на-сегодня, нужную степень гласности. Представлять же это трагическое политическое явление в изуродованном виде, методом сталинско-брежневских времён, недостойно серьёзного исследователя исторических процессов.

Поэтому я и позволяю себе по праву как очевидца сталинского террора, так и непосредственного участника Второй мировой войны, высказать в рамках возможностей этого письма, свои мысли на эту тему. Для начала замечу, что на войне я был ранен, два раза бежал из немецкого плена, а когда второй раз попал в плен, то троих из нас немцы расстреляли в отместку за действия партизан. Не вдаваясь в подробности, скажу, что пришлось переживать такие моменты, когда не оставалось никакой надежды. Но с Божией помощью не только пережил всё, но и дожил до того времени, когда начинает представляться возможность сказать правду о пережитом.

Из этой правды самой жуткой будет правда не о войне, а о том, что творилось в нашей стране до войны, и что определяло собою как положение на фронтах в первые 2 года войны, так и последующее возникновение послевоенной эмиграции. Не сделаю никакого открытия, если скажу, что вторая волна эмиграции из нашей страны возникла как следствие многолетней сталинской политики угнетения и особенно в сельском хозяйстве. Эмиграция эта была бы ещё более многочисленной, если бы возможность остаться за границей после войны была более благоприятной.

Ни для кого не секрет, что ориентация сталинской политики на превращение страны в военно-идеологическую базу мировой революции, требовала вытравливания остатков отечественного патриотизма и насаждения идеи пролетарского интернационализма. Молодёжь, воспитываемая на такого рода космополитической закваске превращалась в „Иванушек, не помнящих родства“, а такие духовно-нравственные качества, как честь, совесть, милосердие, человечность заменялись животными принципами официального материалистического мировоззрения.

Наше российское крестьянство, составляющее основную массу населения страны, чувствовало себя жестоко обманутым революцией, обещавшей сделать его хозяином сельскохозяйственных угодий, но превратившей в колхозных бесправных, нищих батраков. Оно показало в период

нэпа, что способно создать изобилие сельскохозяйственной продукции в стране. Но за это лучшие из его тружеников были в период коллективизации ограблены и физически уничтожены в тюрьмах и лагерях. Оставшаяся в деревнях и селах деморализованная беднота была превращена в подобие крепостных. Продовольственное изобилие нэповского периода быстро исчезло в период коллективизации, а сменивший его голод, продолжал уничтожение населения, погружая страну в состояние, когда невольно приходят на память слова великого поэта Некрасова:

...Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не страдал...

Вместо увеличения своих земельных наделов, за счёт той земли, которую Ленин призывал брать у помещиков, этот „сеятель и хранитель“ потерял даже те общинные полоски, которыми располагал до коллективизации. По признанию самого Н. С. Хрущева, государство закупало, а точнее сказать, забирало сельскохозяйственную продукцию у колхозов по ценам ниже себестоимости её производства. Поставленное сталинской властью в хозяйственно-абсурдное положение, колхозное крестьянство превратилось в плохих „сеятелей“, а когда грянула война, то и в таких же плохих „хранителей“. Ему нечего было „хранить“, ибо задолго до прихода оккупантов оно было обрано до последней нитки.

Та земля родная, которую крестьянин обрабатывал, превратилась в орудие кабалы, от которой крестьяне старались сбежать в города. Это уже было началом внутренней эмиграции, когда семьями бросали свои дома и родные места в поисках хотя бы незначительного улучшения жизни. А ведь истоком патристических чувств для всякого человека является прежде всего душевная привязанность к своим близким, к отчужденному дому, к родным местам, к той земле, на которой трудились его предки, и где каждая, возведённая его руками постройка или посаженное дерево, выглядит семейным памятником.

Устои патриотизма планомерно уничтожались и искажались, как изуродованными условиями жизни на нашей родине, так и космополитическим содержанием интернационалистической политики Сталина и его сатрапов. Возникшая на протяжении десятилетий осуществления этой политики тяжелая духовная атмосфера в народе, не могла не способствовать формированию в сознании множества людей представления о родине, как о матери, опозоренной интернациональной бандой политических преступников во главе со Сталиным. Прикрываясь фразами о „счастливом будущем“ они издевались над прошлым нашей страны, терроризовали её население, уничтожали в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа лучших её сыновей и дочерей. За навязанным народу лживой пропагандой обликом „мудрого и гениального вождя“, скрываясь на протяжении десятилетий трусливая, самолюбивая и кровавая фигура тирана, перещеголявшего своими кровавыми делами Тамерлана и Гитлера вместе взятых.

Сталин до самого начала войны не прекращал уничтожение крестьянского населения под разными предлогами. Я и сейчас вспоминаю, как в

одну летнюю ночь 1938 года, т. е. за три года до начала войны, только из одного хорошо мне известного посёлка в 56 дворов, забрали 11 человек – из каждого пятого двора главу семейства, как „врагов народа“.

Вот в такой, создаваемой сталинской властью атмосфере страха, недоверия друг к другу и затаённой глубокой ненависти к этой власти, страна приближалась к судьбоносным историческим испытаниям.

Как известно, Сталин мало кому доверял даже из своего ближайшего окружения, но твёрдо верил до самого начала войны Гитлеру. Он перестал верить ему только с момента, когда от смертоносного груза немецких бомбардировщиков, заправленных нашим бензином, начали рушиться города Украины и Белоруссии. Вот тогда его охватил животный страх, заставив это жестокое, бездушное существо вспомнить о „братьях и сёстрах“. О тех самых, которых он еще вчера натравливал друг на друга и уничтожал без сожаления. Теперь он был вынужден сказать, впервые за весь период его властвования над этими „братьями и сёстрами“, правду о том, что „на нашу страну напал коварный враг“.

Но большинство этих „братьев и сестёр“ ему уже давно перестали верить. Многие люди, имея для этого веские основания, стали думать, что далеко не всё, о чем плохо говорила власть, на самом деле плохо – и наоборот. Недоверие к официальной пропаганде усиливалось ещё и тем, что недавно центральные газеты писали о Гитлере, как о жертве англо-французского империализма, навязавшего Германии кабальный Версальский договор, и стремящегося теперь развязать Вторую мировую войну. И вообще, в то время народ верил больше слухам, чем официальным сообщениям и сводкам с фронта.

И вот, в такой морально-политической атмосфере, населению страны, вступившей в борьбу с действительно „коварным врагом“, каждому человеку, приходилось решать нелегкий вопрос о своем личном участии в этой борьбе. Можно не сомневаться, что если бы вопрос стоял о спасении только родины, то в народе незамедлительно возродились бы патриотические чувства. Но ситуация осложнялась тем обстоятельством, что на спине народа, на спине нашей родины сидела, как впившийся в её тело паразит – ненавистная сталинская власть. И люди знали, что защищая родину, жертвуя свои жизни во имя отечества, они будут одновременно спасать и деспотов, властвующих над ним. Наличие этой дилеммы, возникшей не по вине нашего народа, способствовало возникновению пораженческих настроений как на фронте, так и в тылу, особенно в первый год войны, ослабивших сопротивление врагу.

Кое-кто может сказать: для патриотов – родина прежде всего. Но как было уже мною отмечено, сталинская власть не только не воспитывала чувство патриотизма в нашем народе, но всеми средствами уничтожала это чувство вместе с его носителями – русской историей, русской литературой, религией, традициями, памятниками старины и повсеместно физически расправляясь с живыми носителями русского духа, русской культуры.

Однако существование атмосферы враждебного отношения к Сталину и существовавшему режиму со стороны подавляющего большинства населения принудило политическое руководство, после катастрофических поражений Красной Армии на фронтах войны, сделать ставку на воз-

рождение национальных лозунгов, что резко изменило моральную атмосферу в армии и в стране. Помимо всего прочего, распускаемыми на фронтах слухами „обелялись“ преступные деяния Сталина и его подручных. Говорили, что Сталин был „плохо информирован о положении в стране“, и что он намерен после победного окончания войны распустить колхозы. Эти живые слухи о намерениях Сталина, в совокупности с развёрнутой активной патристической пропагандой, создавали впечатление перемены политической ориентации руководства страной. На эту „мякину“ клюнули даже старые „воробьи“ из среды белой эмиграции. Кроме всего прочего, к этому времени ни у кого не оставалось больше иллюзий относительно намерений оккупантов, дошедших до матушки-Волги, и показавших себя жестокими, бессердечными завоевателями.

Вот с этого момента и началась подлинная Отечественная война и русский Иван вновь показал свою способность постоять за Россию, защитить родину. Не Сталина и не его партию, а свою страну спасал народ в войне с гитлеровцами.

Мне много довелось пережить, видеть и слышать, особенно в первый год войны, такого, что теперь становится жутко вспоминать об этом, и хотелось бы только, чтобы подобное никогда не повторилось. Я не принимал никакого участия в военных формированиях против Сталина, но я не осуждаю тех, кто стал на путь активной борьбы – „хоть с чертом, но против Сталина“. Прежде, чем осуждать тех, кто в период Второй мировой войны выступил против коммунистического режима, поработившего родину, следует спокойно и объективно рассмотреть те причины, которые привели к беспрецедентному в истории массовому движению сопротивления против руководства собственной страны, находящейся в состоянии войны. Разумеется, это говорится не для того, чтобы воскрешать демона злопамятства и мести, а исключительно в интересах хотя бы частичного восстановления исторической правды. Ведь наклеивая этикетки „врагов народа“ или „изменников родины“ сталинская власть и после смерти своего вождя, стремилась переложить свою вину за все беды на других, и спрятать за их спинами свою отвратительную античеловеческую сущность.

Именно накопившиеся пороки и преступления за время существования в нашей стране методов сталинского руководства и создали необходимость, задолго до начала Горбачевской перестройки, неотложных перемен – ибо „так дальше нельзя“. Поэтому следует рассматривать противников сталинского социализма за весь период его существования в нашей стране, как пионеров перестройки, не имевших той счастливой возможности, которая представилась М. С. Горбачеву, благодаря его умелому использованию своего положения.

И поэтому, пребывающие ещё в живых эмигранты, разбросанные по всему свету, не могут не приветствовать наступление начала конца существования сталинского социализма в своём отечестве и от всей души пожелать полного успеха М. С. Горбачеву. Российский народ давно выстрадал своё право на достойную человека возможность жизни в своей стране.

А. К. Троицкий.

Многоуважаемый Олег Антонович!

...Вот так и живём... Перестраиваем здание, фундамент которого сложен на костях мучеников и строилось которое диктатом, насилием и террором...

Новоявленные верховные прорабы перестройки пытаются очистить здание от кровавых наслоений прошлого, стремятся прикрыть его фасад новой сверкающей облицовкой. Нынешние калифы, пробивая себе дорогу к власти на час, на день, на год, сменили привычную нагайку на великую ложь. Ложь незаметно входит в наши дома, в чувства, начинает управлять нашими поступками. Ложь ослепляет, и наши вчерашние враги начинают нам казаться сегодня друзьями.

Бурлит Россия от края и до края. Трибуна съезда народных депутатов, словно набатный колокол, звоном истины и демагогии пытается разбудить или оглушить отечество. Ах, какие смелые выступления! Ах, какие дерзкие речи! Народ ликует, раздражается, спорит. Дома, в метро, на улице – везде. Но за всем этим со всей очевидностью ощущается, что гласность, – увы! – подменила демократию. Можно критиковать, обличать, требовать, советовать, но каста ни на миг не отступает от лохани с государственным пойлом, открыто пренебрегая миллионным воплем. На наиболее активных правдолюбцев смотрят как на назойливых мух. Много шума – и ничего. Ничего!

Кремлёвский Дворец съездов. К микрофону приближается митрополит Алексей. Может он сейчас, презрев многолетнюю трусость, прозовёт нас под священные знамёна борьбы с бесами номенклатуры, скажет о раздавленной, поруганной Церкви? Нет, опять не то! Бубнит митрополит о какой-то аморфной консолидации, единстве. Молчит Церковь, ликует сергианство. А ведь, кто-то уже начал очищать от паутины иконный угол, освобождая место для новомучеников и отца Иоанна Кронштадтского, пытается свой писк возвысить до призыва к сплочению с Зарубежьём. Забудем, дескать, прошлое, к новым

горизонтам семимильными шагами.

Что более всего бросается в глаза? Режим лихорадочно спешит очиститься. Выйти на мировую арену с отмытыми руками и приятной внешностью. В ход идёт любой призыв, способствующий этому.

Вот газета «Труд» от 4 июня пишет: „Подумать о более внимательном отношении к эмигрантам следует. К этому зовут нас ветры потепления, гуманизации и оздоровления межчеловеческих отношений“. Заслышав подобную ахи-нею, возможно, наиболее приткие эмигранты бросятся грузиться в самолёты. „Родина воскресает“, – воскликнут они. И эхо разнесёт великую ложь по всему миру.

Стоит однако вчитаться в публикацию «Труда» и картина блекнет: „Многие соотечественники за рубежом хотели бы помочь своей родине. Речь идёт не только об экономике. Немалые культурные и художественные ценности, исторические реликвии бережно хранятся выходцами из нашей отчизны. Многие желали бы безвозмездно передать их на родину. И уже мы знаем такие примеры. Их может быть больше“.

Так вот где собака зарыта! Эмиграция, не примирившаяся, вольнодумствующая – не нужна. Жирная, ленивая на размышления и сентиментальная, готовая дарить „культурные и художественные ценности, исторические реликвии“ тем, кто всё это планомерно и целенаправленно уничтожал – эту, милости просим! Для неё и улицам названия прежние вернём, и храм взорванный отстроим, и Ребров пускай попляшет и споёт. На многие уступки готова ныне пойти партийная клика. Но вот, когда дело доходит до решения кардинальных проблем – стоп. Даже сознание, что упомянутый съезд смотрят и слушают во всём мире не позволило расслабиться, отпустить вожжи. Отложены в сторону нелепо натянутые демократические маски, обнажены непристойные номенклатурные физиономии... А в Париже восторгаются. Ура – перестройка! Невольно на память приходят слова Государа о поголовной измене.

Страшно читать газеты и выходить на улицы. В под-

земном переходе метро стоит человек и собирает подписи в поддержку Бориса Ельцина. На что он надеется? Чего хочет? Во что верит? Неужели коммунист Ельцин – панацея от всех бед?

На Пушкинской площади вопль – „Прекратить клевету на следственную группу Гдляна!“ И что? Коммунист Гдлян посадит коммуниста Лигачева? Ну, даже если такое предположить, что это изменит?

Диалог в автобусе. „Ничего нет, одни карточки, их жрать не станешь!“ С другой стороны резкий возглас от человека с партийным зачёсом: „Это временные трудности“.

Временные?! И спросить не с кого, да и некому.

Что ж, настраиваем наши уши на волну вселенской лжи, изредка притоптывая ногой в такт выступлениям оппозиции. Шепелявим вслед за Горбачевым проклятия безликой бюрократии, которая сытно рыгая, сидит рядом с ним монолитной стеной и смотрит с экранов телевизоров на нас, как бы оценивая народное терпение, покорность и степень нашей слепоты...

А. Михальченков, Москва.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

полученная из Москвы 13 июня 1989 г.

30-го мая 1989 года инициативная группа обратилась с письмом-обращением к Её Величеству королеве Английской Елизавете Второй, Его Величеству королю Испанскому Хуану-Карлосу Первому, Её Величеству королеве Дании Маргаретте Второй, Его Императорскому Высочеству князю Владимиру Кирилловичу и Его Высокопреосвященству Преосвященнейшему Виталию, первоиерарху Русской Зарубежной Церкви.

В настоящее время у нас, в России, создана Независимая православная инициативная группа по созданию независимой общественной комиссии для идентификации и решения дальнейшей судьбы останков императорской семьи, зверски убитой в 1918-ом году. Инициативная группа выпустила обращение к населению страны. Цитирую текст обращения:

„Недавно стало известно – публикации в «Московских новостях», журнале «Родина», Самиздате, – что Гелием Рябовым найдены останки императорской семьи, зверски убитой в 1918-ом году в Екатеринбурге, ныне Свердловске. Необходимо создание экспертной комиссии в составе профессионалов и представителей российской и зарубежной общественности, желающих принять участие в её работе, для идентификации обнаруженных останков. Работа комиссии должна широко освещаться всеми средствами массовой информации. Если комиссия подтвердит, что Гелием Рябовым действительно найдены останки царской семьи, нравственный долг народа и правительства – христианское их погребение.

Судьба царской семьи – это прообраз судеб миллионов семей России. Народ, плюющий на свое прошлое, не достоин будущего. Местом погребения должна стать историческая усыпальница – Петропавловский собор.

Поскольку большинством православных убиенные почитаются как новомученики, предложить Московскому Патриархату канонизировать их на ближайшем соборе по примеру других православных Церквей. В случае невозможности христианского похоронения в России, предоставить решение вопроса о погребении честных останков, канонизировавшей новомучеников Русской Зарубежной Церкви“. (Редакция журнала «Российские ведомости»).

Сейчас по всей стране проводится широкий сбор подписей под этим обращением. В то же время инициативная группа приступила к созданию комиссии, в состав которой будут входить независимые представители общественности, а также специалисты-криминалисты, историки, врачи, кино- и фотооператоры и т. д. Предпола-

гается открытие банковского счёта для сбора средств на работу комиссии.

Просим вас со своей стороны принять участие в решении этого вопроса. Нам представляется желательным создание подобной комиссии из заинтересованных лиц и специалистов за рубежом и установление с ними рабочих контактов.

После опубликования материалов об обнаружении останков, ситуация как для тех, кто их обнаружил, так и для самого места захоронения, может крайне осложниться в любую минуту. В связи с общей ситуацией в стране вопрос о судьбе останков царственных мучеников, по нашему мнению, должен быть решен безотлагательно. Надеемся на вашу помощь и нижайше просим ответить на данное обращение.

Подписали: Гелий Рябов, Наталия Голованова, иеродиакон Дионисий Макаров, Ольга Кородина, Михаил Талалай, Евгений Красников, Лев Волохонский, Андрей Илларионов, Павел Литомин, Владимир Онищенко, Владимир Ерохин.

9-го июня 1989 года в Москве состоялось учредительное организационное заседание комиссии. Было принято название комиссии – Комиссия по вскрытию места захоронения и исследованию предполагаемых останков убиенных членов императорской семьи. 1. Создание экспертной группы; 2. Сбор подписей под обращением независимого журнала «Российские ведомости»; 3. Предложение зарубежной общественности о создании аналогичной международной комиссии и установлении с ней рабочих контактов; 4. Распространение информации, связанной с работой комиссии.

Открыт счёт № 112397 в Сбербанке 5278/06 Киевского района г. Москвы на имя Корзиной Ольги Викторовны для сбора средств на работу комиссии. Поступление корреспонденции по адресу: 121096 Москва, П/О Г-196, абонементный ящик 493 на имя иеродиакона Дионисия Макарова. Контактные телефоны: в Москве (о. Дионисий) 142 42 44, в Ленинграде – 531 49 43, в Мурманске – 6 68 42.

Состав комиссии на сегодняшний день: иеродиакон Дионисий Макаров, Лев Волохонский, Гелий Рябов, Ольга Рябова, Наталья Голованова, Владимир Онищенко, Ольга Корзинина, Павел Литомин, Андрей Илларионов, Сергей Почечуев, Владимир Корпец и Евгений Красников.

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах
выходит 4 раза в год

Условия подписки на один год:

В Европе 50 НМ

В США и др. заокеанских странах 30 ам. долл.

Желающие получать альманах воздушной почтой
должны доплатить к стоимости подписки:

в США и Канаде 8 ам. долл.

в Лат. Америке и Азии 10 ам. долл.

в Австралии и Новой Зеландии 12 ам. долл.

Цена отдельного номера 15 НМ или 9 ам. долл.

ПОДПИСНОЙ ТАЛОН

Желаю оформить подписку
на альманах «Вече», начиная с №.....

Фамилия, имя .....

Адрес.....

.....

.....

Заполненный талон, чек или
почтовый денежный перевод направлять:

Frau V. Drewing
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81
W. - Germany

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**